

История Общество Политика 2025 №4(36)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

**№ 4(36)
2025**

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2025. №4 (36)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 30.12.2025

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Л.В. Ланник - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Л. Черноперов - доктор исторических наук, доцент, профессор Ивановского государственного университета;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2025
© Коллектив авторов, 2025

HISTORY SOCIETY POLICY

**N 4 (36)
2025**

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2025. №4 (36)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 30/12/2025

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

L.V. Lannik - doctor of historical sciences, Leading Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of general history and international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.L. Chernoperov - doctor of historical sciences, associate professor, professor, Ivanovo State University;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2025

© Authors, 2025

Содержание

ПОЛИТИКА И ИСТОРИЯ

<i>Булдакова Д. Д.</i> Государственная дума Российской империи и оборонная промышленность в годы Первой мировой войны: случай Пермской губернии	6
<i>Сафонов А. А. Иванова Е. А.</i> Динамика взаимоотношений российского и американского общества: изменения и их причины	13
<i>Слюнкин А. С.</i> Ремесла и торговые отношения в Дагестане в XIX веке	19
<i>Слюнкин А. С.</i> Родственные и межнациональные взаимоотношения на северном и западном Кавказе в XIX веке	27

ВОЙНА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Вавилин А. В.</i> Смерть и коммеморация в дневнике Чарльза Мэя 1915-1916 гг.	36
<i>Гольцов А. Н.</i> Проблема защиты прав национальных меньшинств в решениях Парижской мирной конференции и деятельности Лиги наций	50
<i>Ковалеров А. Е.</i> Коллаборационизм советских граждан в годы Великой Отечественной войны	58
<i>Кобец С. В.</i> Образ Советского Союза в представлениях национал-социализма	68
<i>Шендыгаев Д. И.</i> Проблема вынужденных переселенцев в г. Брянске в годы первой мировой войны. 1915-1917 гг.	72

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

<i>Порунов А. Е.</i> Трудовая повинность в пересылочном лагере Дулаг 142	77
<i>Умерова М. А.</i> Становление краеведческой науки в Крыму: эволюция Евпаторийского музея и личность П. Я. Чепуриной	85

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Юрьев К. А.</i> Первая попытка комплексного осмысления научной деятельности К. Я. Грота как историка-слависта	92
--	-----------

О КНИГАХ

<i>Прилуцкий В. В.</i> Мормоны и особенности американской религиозности в понимании А.Г. Дугина в книге «Цивилизации Нового Света. Прагматика грез и разложение горизонтов»	109
О сетевом издании «История. Общество. Политика»	120

ПОЛИТИКА И ИСТОРИЯ

УДК 94(47)"1914/18"

Д. Д. Булдакова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ОБО- РОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СЛУЧАЙ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация: В статье автор на основе наиболее обсуждаемых направлений депутатских инициатив, выявленных на основе составленной базы данных, по вопросам промышленности в годы Первой мировой войны, предпринимает попытку сравнить влияние лоббируемых идей думцев на деятельность Пермских пушечных заводов и Березниковского содового завода. Рассматривается состояние промышленного сектора накануне военных действий и во время конфликта. В работе дается оценка влиянию инициатив депутатов на работу предприятий.

Ключевые слова: Первая мировая война, Государственная Дума, промышленность, Пермские пушечные заводы, Березниковский содовый завод

Buldakova D.D. The State Duma of the Russian Empire and the defense industry during the First World War: the case of the Perm Province

Abstract: In the article, the author, based on the most discussed areas of parliamentary initiatives, identified on the basis of a compiled database, on issues of industry during the First World War, attempts to compare the influence of the lobbied ideas of Duma members on the activities of the Perm cannon factories and the Berezniki soda factory. The state of the industrial sector on the eve of military actions and during the conflict is considered. The work provides an assessment of the impact of deputies' initiatives on the work of enterprises.

Keywords: World War I, State Duma, industry, Perm cannon factories, Berezniki soda factory

На рубеже XIX-XX вв. в период министерства С.Ю. Витте в России проводилась политика «насаждения промышленности». Для ее реализации активно привлекались иностранные капиталы, сначала по большей части французские, а затем и других государств. Такая финансовая политика привела к сильной зависимости России от иностранного капитала. Так, к началу Первой мировой войны примерно треть всех акций различных компаний, работавших на территории Российской империи, включая промышленные, принадлежали иностранцам. Главными инвесторами были французы – 12,5 млрд. франков, немцы – 8 млрд. и англичане – 3 млрд. [1, с. 7]. Столь высокая доля зарубежного капитала в российской экономике, «уход из страны» компаний-партнеров стран-противников России привели к нарушению внешних и внутренних торгово-экономических связей, что привело к кризису, в том числе и в промышленности.

Актуальность данной темы заключается в изучении выступлений депутатов Государственной Думы и их предложений по вопросам промышленности, что позволяет составить

более полную картину внутренней политики Российской империи периода Первой мировой войны. Также актуальность заключается в изучении влияния думских идей и предложений по вопросам промышленности и непосредственная реализация данных инициатив на примере двух предприятий Пермской губернии – Пермских пушечных заводов и Березниковского содового завода компании «Любимов, Сольвэ и Ко», что позволяет более подробно изучить внутреннюю организацию деятельности данных предприятий военного периода.

Цель исследования – сравнение влияния депутатских дискуссий на работу Пермских пушечных заводов и Березниковского содового завода компании «Любимов, Сольвэ и Ко» в годы войны.

Методология исследования основывается на теории групп интересов, согласно которой основу политического процесса составляют столкновение и взаимодействие заинтересованных групп, в данном случае депутатских объединений членов Государственной Думы Российской империи, стремящихся к продвижению выгодных им решений по тому или иному вопросу в области промышленности, или лоббировании конкретных идей [2, р. 38].

Применение метода контент-анализа позволило выявить наиболее обсуждаемые вопросы в области промышленности в Государственной Думе, а также проследить изменения в инициативах парламентариев по ходу развития военных действий.

К первому виду источников относятся стенографические отчеты заседаний III, IV и V сессий Государственной Думы IV созыва, на основе которых составлена база данных, отражающая основные направления и инициативы депутатского корпуса по вопросам промышленности военного периода.

Второй вид составляет делопроизводственная документация, а именно канцелярии пермского губернатора, отложившаяся в ГАПК: Ф. 65 – Канцелярия Пермского губернатора Министерства внутренних дел /г. Пермь/, позволяющая проследить влияние инициатив депутатов на местное управление, следовательно, и на Пермские пушечные заводы и Березниковский содовый завод.

Третий вид – производственная документация Березниковского содового завода, позволяющая проследить непосредственную реализацию депутатских инициатив в работе на предприятии, с которыми автор ознакомилась при работе с фондом Государственного архива Пермского края (далее ГАПК): Ф. 691 – Березниковский содовый завод акционерного общества «Любимов, Сольвэ и Ко» /с. Веретея Соликамского уезда Пермской губернии/.

Накануне Первой мировой войны Россия переживала новый виток промышленного подъема. В последние предвоенные годы Российская империя уже успела немного оправиться от русско-японской войны, а также способствовали укреплению бюджета и несколько хороших урожайных лет [3, с. 59]. Шло и активное финансирование Военного министерства, что сказывалось на оборонных заказах. Однако, увеличение числа военных заказов приводило к росту количества синдикатов, которые проводили спекулятивную политику, а потому цены на сырье, необходимое для производства орудий, пороха и т.д., неуклонно росли [3, с. 63]. Стоит отметить, что многие из этих синдикатов либо принадлежали иностранцам, либо иностранцы были их активными акционерами. Эти обстоятельства не только не способствовали укреплению промышленного потенциала страны, а напротив ему только вредили, так как именно иностранное засилье и синдикализм не позволял оперативно и в кратчайшие сроки мобилизовать промышленность с началом войны.

Урал в целом и Пермская губерния в частности – промышленный центр России. Пермские пушечные заводы были одним из трех крупнейших артиллерийских заводов страны, уступая только Обуховскому и Путиловскому заводам [4, с. 105]. С началом Первой мировой войны производственная нагрузка на Пермских пушечных заводах увеличилась и это было

обусловлено не только дополнительными военными заказами, но и расположением завода вдали от границ империи, что позволяло продолжать производство артиллерии в случае угрозы для Обуховского и Путиловского заводов.

Заводы компании «Любимов, Сольвэ и Ко» производили химическую продукцию. С началом применения боевых отравляющих веществ на полях сражений, возникла острая необходимость в производстве химического оружия. Донецкий завод компании был одним из главных поставщиков хлора для нужд обороны в годы войны [5, с. 39], а необходимые для этого компоненты изготавливались на Березниковском содовом заводе.

Стоит обозначить, что деятельность Государственной Думы по вопросу промышленности состояла из множества компонентов: дискуссии в стенах Думского зала, разработка и принятие различных законопроектов, работа в Особых совещаниях. Однако, в данном исследовании из всех форм воздействия исследуются только депутатские дискуссии и их влияние на работу предприятий, реализация которых рассматривается на примере заводов Пермской губернии.

Анализ стенографических отчетов думских заседаний военного периода, показал, что наиболее актуальными вопросами в области промышленности, поднятые депутатами, являются: борьба с немецким засильем, состояние промышленности России и ее мобилизация, привлечение частного капитала, финансирование заводов, положение рабочих и условия их труда, объединение сил народа. На влиянии именно этих инициатив на работу заводов сконцентрировано внимание в исследовании.

Одной из первых озвученных инициатив, которая в последующем станет довольно часто звучать – это идея борьбы с немецким засильем, впервые высказанная в рамках заседаний третьей сессии Государственной Думы при обсуждении государственного бюджета [6].

Данная инициатива отразилась в принятии «ликвидационного законодательства», которое касалось подданных стран-противников России [7, с. 75]. 1 июня 1916 г. был учрежден «Комитет по борьбе с немецким засильем», к ведению которого относилась координация деятельности государственных и общественных учреждений в проведении мероприятий по освобождению страны от немецкого влияния во всех областях народной жизни [8].

Оба предприятия имели иностранное финансирование, а также учредителей из-за чего «ликвидационное законодательство» коснулось их деятельности. Попадание заводов под надзор различных государственных комиссий привело к нарушению торгово-экономических связей предприятий, что сказалось как на производственной части, так и на политической жизни заводов.

Одним из учредителей Березниковского содового завода являлся Торговый дом «Вогау и Ко», принадлежавший обрусевшим немцам. На волне борьбы с немецким засильем, которое породило германофобию и пристальное внимание властей ко всем людям с немецкими фамилиями, Торговый дом «Вогау и Ко» был ликвидирован, этот момент сильно осложнял работу не только компании «Вогау и Ко», но и «Любимов, Сольвэ и Ко», учитывая тесное сотрудничество этих компаний [9].

В промышленной жизни Пермских пушечных заводов определенную роль также играл иностранный капитал. Однако, в отличие от Березниковского содового завода, это были французы и англичане. Несмотря на то, что Франция и Англия выступали союзниками России в войне, деятельность французской компании «Шнейдер» [10, с. 56] и английской «Виккерс» [10, с. 57] также жестко контролировалась.

Стоит отметить, что Россия вступила в войну будучи не вполне готовой к ней. Расчет на скорое окончание боевых действий не увенчался успехом, а значит, мобилизация промышленности в масштабах страны была начата не своевременно. Именно это объясняет тот факт,

что активные обсуждения реальных действий по выводу промышленности страны из кризиса стали звучать только в рамках заседаний четвертой сессии Государственной Думы [11]. При обсуждении государственного бюджета во время заседаний третьей сессии, депутаты вели бурное обсуждение антиалкогольной компании, проводимой в стране, а Государственный контролер П.А. Харитонов по этому поводу даже цитировал Ф.И. Тютчева [12]. Однако, ни разу не был поднят вопрос состояния промышленности, практически не обсуждались военные действия на фронтах, не касались думцы и темы постройки новых заводов. Все это еще раз подтверждает тезис о надежде на скорое завершение войны, хотя на тот момент военные действия велись уже полгода. Такая опрометчивость законотворцев, в какой-то степени, сделала неожиданным Великое отступление русской армии. И только с началом работы четвертой сессии Думы уже в июле 1915 г. депутаты стали высказывать реальные предложения для решения сложившейся ситуации.

Неоднократно депутаты высказывались по поводу общего состояния промышленности страны [13], обсуждение данной темы приводило к осознанию необходимости мобилизации промышленности, особенно, когда стало очевидно, что война приобрела затяжной характер. Вопрос перевода страны на «военные рельсы» вызывал бурные дискуссии в стенах Думского зала. Однако, необходимость увеличения объемов промышленного производства, а следовательно отнесение новых заводов к оборонным предприятиям, объединяли думцев [14].

В ходе различных заседаний в Государственную Думу на регулярной основе вносились законопроекты, предложенные министрами по постройке новых заводов и дополнительном финансировании существующих предприятий, особенно оборонных [15], а также некоторые депутаты лоббировали подобные идеи [16].

Безусловно, мероприятия по мобилизации промышленности и привлечению частного капитала для нужд обороны требовали четкой регламентации. Для этого в конце весны 1915 г. было создано Особое совещание для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения («Майское» Особое совещание), а 17 августа 1915 г. по «Закону об Особых совещаниях» [17, с. 1], было учреждено четыре Особых совещания. Целью совещания по обороне государства был «высший надзор за деятельностью всех правительственных заводов, арсеналов и мастерских, а также частных заводов и иного рода промышленных предприятий, изготавливающих предметы боевого и прочего материального снабжения армии и флота...» [17, с. 2].

Привлечение частных предприятий к производству товаров для обороны позволяло лучше и в большем объеме обеспечивать армию. 14 августа 1916 г. компании «Любимов, Сольвэ и Ко» председателем Химического комитета при Главном Артиллерийском Управлении (ГАУ) генерал-майором В.Н. Ипатьевым было выдано удостоверение за № 4852 [18], свидетельствующее о том, что заводы данного общества, в том числе Березниковский содовый завод, работают на нужды государственной обороны.

Отнесение Березниковского завода к оборонным предприятиям давало ряд преимуществ, которыми обладали все заводы, выполнявшие военные заказы. Например, рабочие таких заводов имели бронь и не отправлялись на фронт. И если рабочие Пермских пушечных заводов такую привилегию имели изначально, то Березниковский завод получил ее только в середине 1916 г.

Кроме мобилизации предприятий, важно было объединить людей, в том числе для работы на оборону. Эту мысль высказал лидер кадетов – П.Н. Милюков [19] и его слышали. По всей стране, в том числе и в Пермской губернии, распространялись плакаты-объявления [20] с призывами к единению народа и работе на нужды армии. В связи с весенне-летним

отступлением русской армии, в обществе, в том числе и на заводах, стали распространяться тревожные настроения и такие плакаты имели целью их снижение.

Участившиеся стачки и забастовки на многих предприятиях страны, в том числе и в Пермской губернии, побуждали депутатов к обсуждению рабочего вопроса. Наиболее часто этот вопрос поднимали члены РСДРП, но высказывались также правые и центристы. Единения среди думцев не было. Социал-демократы хотя и отмечали плохие условия и низкую оплату труда [21], но реальных предложений по решению данной проблемы не выдвигали. Октябристы как представители интересов умеренно правых сил, в частности П.М. Макогон, отмечали вклад фабрикантов, а также их заботу о рабочих, но не более [22]. Представители центра практически не высказывались по рабочему вопросу и не выдвигали каких-то инициатив. Лишь однажды А.А. Бубликов (депутат от Пермской губернии) отметил, что недовольство рабочих можно объяснить не включенностью рабочего представительства в дела Особого Совещания [23].

Не проработка рабочего вопроса в Государственной Думе, на многих предприятиях приводила чуть ли не к кабальной зависимости. Низкая заработная плата и дороговизна жизни [24] тяготили рабочих, поэтому многие стали прислушиваться к призывам социал-демократов и устраивать стачки и забастовки.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить определенное влияние депутатских инициатив по некоторым вопросам промышленности, поднятым в стенах Государственной Думы, на работу предприятий Пермской губернии. А именно:

- 1) депутатские инициативы общего характера имели примерно одинаковое влияние как на казенные Пермские пушечные заводы, так и на частный Березниковский содовый завод;
- 2) реализация идей думцев во многом зависела от администраций предприятий и их заинтересованности в развитии заводов.

Библиографический список

1. История промышленности Пермского края – XX век. Пермь: Литер – А, 2006. 567 с.
2. Bentley A. The Process of Government. Cambridge: Cambridge University Press, 1967. 568 p.
3. Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1908–1917). Из истории экономики и политики дореволюционной России. М.: Наше завтра, 2024. 480 с.
4. Шумкин Г.Н. О состоянии Пермского пушечного завода к началу Первой мировой войны в оценках исследователей отечественного военно-промышленного комплекса // Технологос. 2021. № 4. С. 104–118.
5. Ипатьев В.[Н.] Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг.: Петроград. отд-ние ред.-изд. коллегии Нар. ком. финансов, 1920. 48 с.
6. Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия III. Заседание 2 (28 января 1915 г.). Стб. 128. [Электронный ресурс]. URL: https://parliament.psu.ru/pls/parliament/df_pkg.file_download?p_df_name=F6457/s3_z2_28_01_16.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
7. Ерохина О.В. «Ликвидационное законодательство» Первой мировой войны // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2014. №1. С. 69–81.
8. Положение «Об учреждении Особого комитета по борьбе с немецким засильем» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/465053?query=%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%86~#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 01.08.2025).

9. Прошение об отправке каустической соды в Царицын для «Вогау и Ко» // ГАПК. Ф. 691. Оп. 1. Д. 598. Л. 96.
10. Поликарпов В.В. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М.: Центрполиграф, 2015. 383 с.
11. Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия IV. Заседание 1 (19 июля 1915 г.). Стб. 56. [Электронный ресурс]. URL: https://parliament.psu.ru/pls/parliament/df_pkg.file_download?p_df_name=F8115/s4_z1_19_07_15.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
12. Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия III. Заседание 2 (28 января 1915 г.). Стб. 125. [Электронный ресурс]. URL: https://parliament.psu.ru/pls/parliament/df_pkg.file_download?p_df_name=F6457/s3_z2_28_01_16.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
13. Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия IV. Заседание 1 (19 июля 1915 г.). Стб. 15. [Электронный ресурс]. URL: https://parliament.psu.ru/pls/parliament/df_pkg.file_download?p_df_name=F8115/s4_z1_19_07_15.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
14. Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия IV. Заседание 8 (13 августа 1915 г.). Стб. 689. [Электронный ресурс]. URL: https://parliament.psu.ru/pls/parliament/df_pkg.file_download?p_df_name=F22839/s4_z8_13_08_15.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
15. Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия III. Заседание 2 (28 января 1915 г.). Стб. 84. [Электронный ресурс]. URL: https://parliament.psu.ru/pls/parliament/df_pkg.file_download?p_df_name=F6457/s3_z2_28_01_16.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
16. Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия IV. Заседание 38 (17 марта 1916 г.). Стб. 3558. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_2096710?page=29&rotate=0&theme=white (дата обращения: 17.08.2025).
17. Закон об Особых совещаниях. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/38581-rossiya-zakony-i-postanovleniya-zakon-ob-osobyh-soveschaniyah-utverzhen-17-avgusta-1915-goda-m-1915#mode/inspect/page/5/zoom/4> (дата обращения: 06.08.2025).
18. Сообщение о выдаче удостоверения о работе на оборону // ГАПК. Ф. 691. Оп. 1. Д. 628. Л. 59.
19. Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия IV. Заседание 14 (25 августа 1915 г.). Стб. 1055. [Электронный ресурс]. URL: https://parliament.psu.ru/pls/parliament/df_pkg.file_download?p_df_name=F3831/s4_z14_25_08_15.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
20. Объявление населению Пермской губернии // ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1422. Л. 7.
21. Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия IV. Заседание 1 (19 июля 1915 г.). Стб. 121-122. [Электронный ресурс]. URL: https://parliament.psu.ru/pls/parliament/df_pkg.file_download?p_df_name=F8115/s4_z1_19_07_15.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
22. Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия V. Заседание 11 (2 декабря 1916 г.). Стб. 721. [Электронный ресурс]. URL: https://parliament.psu.ru/pls/parliament/df_pkg.file_download?p_df_name=F15862/s5_z11_02_12_16.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
23. Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия IV. Заседание 8 (13 августа 1915 г.). Стб. 726. [Электронный ресурс]. URL: https://parliament.psu.ru/pls/parliament/df_pkg.file_download?p_df_name=F22839/s4_z8_13_08_15.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
24. Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия IV. Заседание 11 (18 августа 1915 г.). Стб. 883. [Электронный ресурс]. URL:

https://parliament.psu.ru/pls/parliament/df_pkg.file_download?p_df_name=F3162/s4_z11_18_08_15.pdf (дата обращения: 17.08.2025).

Сведения об авторе:

Булдакова Дарья Дмитриевна, студентка историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, e-mail: buld2002@yandex.ru

УДК 327.5

А. А. Сафонов, Е. А. Иванова

ДИНАМИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ИЗМЕНЕНИЯ И ИХ ПРИЧИНЫ

Аннотация: В данной работе рассмотрено изменение отношения российского общества к обществу американскому. Рассмотрено, как менялось это отношение со временем, приведены причины изменения отношений в моменты кризисов и международных событий, а также описаны основные различия между российским и американским обществом на современном этапе. При исследовании были использованы данные социологических опросов, научных работ по данной теме, кроме того, современные политические процессы были отслежены с помощью новостных выпусков.

Ключевые слова: российское общество, международная напряженность, российские граждане, американское общество, экономические отношения

Safonov A. A. Ivanova E. A. Dynamics of relations between Russian and American society: changes and their causes

Abstract: This paper examines the changing attitude of Russian society towards American society. It examines how this attitude has changed over time, explains the reasons for changing attitudes in times of crisis and international events, and describes the main differences between Russian and American society at the present stage. The research used data from opinion polls and scientific papers on the topic, in addition, modern political processes were tracked using news releases.

Keywords: Russian society, international tension, Russian citizens, American society, economic relations

В 2022 году Россия начала СВО на территории Украины. Данное событие вызвало резонанс международных отношениях. Особенно важно отметить роль США в данном контексте, ведь именно США первые ввели санкции в отношении РФ в 2022 году. Но разногласия между политиками не всегда означают разногласия между народами этих стран. В данной работе представлены данные, позволяющие сделать вывод об отношении россиян к США, и американцев к России.

6 апреля 2022 Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные мониторингового исследования об отношении россиян к США.

Из них следует, что большинство россиян относятся к Соединенным Штатам Америки плохо (71%). Почти половина относится очень плохо (47%) — это наиболее высокий показатель крайне негативного отношения за весь период мониторинга (+20 п.п. к предыдущему максимальному значению XI.2014 — 27%). Индекс отношения к США* зафиксировал минимальное значение за период измерений с 1991 года и, побив «антирекорд» 2014 года, составил –57 п. (–44 п. в 2014) При этом о положительном отношении к США сообщили лишь 14% граждан [9].

Когда же начало портится отношение россиян к США? Ведь при анализе социологических опросов, с начала 2000-х годов и до ноября 2014 индекс отношения к США имел преимущественно положительные значения, а половина граждан России стабильно сообщала о в той или иной степени хорошем отношении к США (от 46% до 63% в разные годы). Однократное снижение индекса было зафиксировано за этот период лишь в сентябре 2008 года (–43), но значения довольно быстро вернулись к докризисным — уже в 2009 году индекс составлял 13 п. [3].

В 2014 году произошел первый крупный спад в отношениях россиян к США (66% опрошенных сообщили о своем негативном отношении к США, хотя в 2013 таких было лишь 35%). С тех пор индекс отношения россиян к США не возвращался на прошлые минимальные позиции, не превышая метки в 40% негативных ответов [4].

При этом важно отметить, что уровень положительного отношения к США никогда не был столь велик, как уровень негативного отношения. При этом период, рассматриваемый в

данной работе, не затрагивает наиболее острых моментов в истории отношений США и России (таких как «Карибский кризис» или «Черная суббота»), когда речь шла о угрозе боевых действий между двумя странами. На этом основании можно сделать вывод о том, что последние 80 лет отношения рассматриваемых стран постоянно (за редким и краткосрочным исключением) находятся на стабильно низком уровне.

Причина же подобного отношения кроется в многообразных аспектах международной и внутренней политики стран на протяжении долгого времени.

Одной из главных таких причин является идеологическая разность двух стран. О ней писал еще Н. Я. Данилевский в своем труде «Россия и Европа», в котором он описывает разность различных нематериальных аспектов как культурное различие цивилизаций. Причем особое внимание он уделяет разности именно Российской и Европейской цивилизаций, обосновывая эту разницу с религиозной точки зрения [11]. В дальнейшем его концепцию развил и усовершенствовал уже американский политолог С. Хантингтон, в своей работе «Столкновение цивилизаций», в которой он описывает наиболее полно культурные различия цивилизаций. По итогу он приходит к выводу о разности самих американской и русской идей, что становится препятствием в установлении тесных взаимоотношений [10]. Эту разницу описывает в своей работе Гришанов А. А., говоря о том, что ценности российского общества и ценности общества американского, начавшие свое формирование еще в 90е годы сильно отличаются, ставя под сомнение взаимопонимание двух народов [2]. И действительно у них много различий: российские ценности закреплены официально Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в то время как ценности американского общества не закреплены нигде. Среди 17 ценностей российского общества в Указе №809, можно выделить наиболее значимые ценности, такие как коллективизм, превосходство духовного над материальным, крепкая семья и служение Отечеству (причем многие из них явно взяты из вышеупомянутой работы Н.Я. Данилевского – Прим. авторов), в то время как многие исследователи американского общества (И.И. Курилла, А.В. Яковлева и др.) среди ценностей американского общества выделяют такие ценности как материализм, индивидуализм, личную свободу и независимость.

Помимо разницы в культурном плане, важную роль в становлении отношений играет и внешняя политика США. За последние 30 лет США периодически вступали в военные конфликты, причем как прямым участием, так и «третьей стороной». Если отследить динамику ухудшения отношения россиян к американскому обществу, можно заметить явные падения в моменты бомбардировок Югославии (1999), вторжения США в Ирак (2003), а после во время военной поддержки Украины (2014-2022) [3].

Однако для полноты картины важно понимать и отношение американцев к России, а также наиболее важные аспекты для них.

Важную роль в становлении мнения американцев по отношению к России играет собственное опасение военной мощи России. Об этом пишет Рожков А. А., приходя в своей работе к выводу о том, что американцы рассматривают Россию как агрессора в военном плане, и опасаются ее на этой почве. Кроме того, с этим же связано социальное волнение американцев о вмешивании России в выборы Президента США в 2016 году. И хотя данного факта доказано не было, многие граждане Америки сочли эти слухи за нарушение собственного суверенитета и осквернения своих прав и свобод. Что же касается прав, американцы всегда считали демократию своей ценностью, и ее нарушение где-либо в мире принимали за собственное унижение. Поскольку в западном обществе широко распространен миф о нарушениях прав и свобод человека в России, это дает им еще один повод к ухудшению отношений [5].

Однако остается вопросом дальнейшая судьба российско-американских отношений. Недавние встречи делегаций США и России в Эр-Рияде (18 февраля и 24 марта 2025 года) а так же личная встреча Президента России Владимира Путина с Президентом США Дональдом Трампом (15 августа 2025) решили ряд важных проблем между странами, среди которых стороны достигли соглашения по о восстановлению штатной численности дипломатического персонала в посольствах обеих стран, согласовали создание группы высокого уровня для поддержки мирных переговоров по Украине и договорились изучить возможности расширения экономического сотрудничества [13].

Но несмотря на положительные итоги переговоров, общего улучшения отношения к США не произошло. Уже на следующий день после переговоров в Эр-Рияде В. И. Матвиенко заявила о «преждевременных выводах» этих переговоров. "Начало переговоров (между РФ и США - ред.) – это очень хороший сигнал, очень позитивный сигнал... Но, коллеги, не надо никаких преждевременных выводов делать, предстоит тяжелая, непростая, сложная работа: для начала, для выяснения позиций и подходов двух стран, затем поиска приемлемых решений по тем или иным вопросам" – заявила она журналистам [14]. Подобное заявление сделал и Д. С. Песков, заявив о том, что контакты между РФ и США на высшем уровне пока не планируются [15]. Однако ситуацию изменила личная встреча Президентов, прошедшая 15 августа 2025 года в городе Анкоридж, штат Аляска. По результатам данной встречи были достигнуты определенные договоренности в решении украинского конфликта, а также озвучено решение о рассмотрении возобновления прямого авиасообщения между Россией и США [20].

Кроме официальных заявлений интересно оценить и статистику. Для понимания влияния внутренней политики России на отношение к США реально провести параллель между двумя данными. По итогу видно, что в моменты улучшения отношения россиян к США (начало 2000х, 2018) падает уровень доверия к власти. И наоборот, в моменты улучшения отношения россиян к власти (2014, 2016, 2022, 2025) ухудшается отношение к США. Это позволяет сделать вывод о невыгодности улучшения отношений с США в данный момент времени.

Для большего понимания картины российско-американских отношений на данный момент времени важно изучить и экономические отношения между этими двумя странами.

Напомним, что в марте 2022 года, после начала СВО Соединенные Штаты являлись первой страной, которая ввела санкции против России. Однако до этого события экономические отношения испытывали множество изменений, связанных как с взаимовыгодными отношениями партнеров, так и с мировыми событиями. К примеру, во времена пандемии, согласно статистике Федеральной таможенной службы России, за 2020 г. двусторонняя торговля сократилась на 9,2% по сравнению с 2019 г. до 23,8 млрд долл. Экспорт из России в США составил 10,8 млрд, импорт в Россию – 13 млрд. При этом, основные товары российского экспорта в 2020 г. – нефть, нефтепродукты и мазут (52,5%), драгоценные металлы (13,7%), морепродукты (5,3%), химические удобрения (4,8%), полуготовая стальпродукция (4,5%), ядерное топливо (3,6%) и др. В импорте из США доминируют станки (10,8%), комплектующие и аксессуары для автомобилей (9,3%), суспензии для производства лекарств (8,5%), самолеты, двигатели, оборудование и компоненты к ним (6,6%), лабораторное и медицинское оборудование (6,5%), компьютеры и аксессуары, полупроводники и телекоммуникационное оборудование (6,2%), продукция химпрома (5,7%), экскаваторы и оборудование для бурения и нефтедобычи (5,5%) и др. США занимают 6 место среди всех внешнеторговых партнеров России [17]. Но уже спустя два года показатели упали еще ниже: Объем экспорта американских товаров в Россию в 2022 году стал рекордно низким за все время подсчетов показателей российско-американской торговли и составил \$1,7 млрд. Об этом свидетельствуют данные, опубликованные

в ежемесячном докладе о товарообороте главного статистического ведомства США - Бюро переписи.

В документе отмечается, что объем экспорта американской продукции в Россию в 2022 году упал примерно в 3,7 раза - примерно с \$6,4 млрд в 2021 году. Прошрое минимальное значение было зарегистрировано в 1999 году - \$2,05 млрд. Импорт российских товаров в США в 2022 году сократился примерно до \$14,45 млрд с зафиксированных в 2021 году \$29,6 млрд [18].

В 2023 году товарооборот сократился еще больше, достигнув значения в \$5,2 млрд. Конечно, на объем товарооборота влияют самые различные факторы. В данном случае уменьшение товарооборота можно обосновать проведением в России политики импортозамещения, в частности товаров и брендов из США (например замена франшизы «Макдоналдс» на «Вкусно и точка», или бренда «Сока сола» на «Cool сола» и другие марки отечественного производства). Однако справедливо говорить и о том, что стремление к экономической независимости, помимо очевидных плюсов в виде устойчивой и крепкой экономики России, уменьшает количество «точек соприкосновения» между двумя странами, на базе которых и для реализации которых возможен диалог.

Кроме российского импортозамещения, США так же изолируется от внешнеторговых связей. На это влияют торговые пошлины, которые активно стал вводить Дональд Трамп, рассчитывая на увеличение прибыли от торговли. Однако многие страны под сильным давлением пошлин, вместо сохранения текущего товарооборота вынуждены его сокращать.

Из возможных «точек соприкосновения» можно так же рассматривать культуру. Благодаря мировой тенденции к глобализации, граждане России получают возможность узнавать и изучать культуру самых различных стран, в том числе и США. Но в данном вопросе стоит учитывать желание и возможности каждого гражданина в отдельности, а также делать поправку на то, что при личном изучении культуры той или иной страны сформировать единое мнение в обществе становится крайне проблематично. Помимо этого, для успешного культурного диалога, основанного на принципах справедливости и равенства важно и то, как американские граждане станут относиться к России.

Вопросы взаимодействия двух стран и поиска «точек соприкосновения» для реализации успешной внешней политики требуют отдельного, более глубокого изучения.

Отношения россиян к США и граждан Америки к России всегда зависели от ряда факторов, начиная идеологией, заканчивая внешней политикой. Это позволяло отслеживать процессы, происходящие в этих обществах, их информационную ориентированность, а также стремление к миру. В настоящее время мы находимся на стадии постепенного улучшения отношений, однако говорить о скором их налаживании, цитируя В.И. Матвиенко, преждевременно.

Библиографический список

1. Янь Цзин, Вэй Хань. Современное состояние и перспективы развития российско-американских отношений // Общество: политика, экономика, право. 2022. №12 (113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-rossiysko-amerikanskih-otnosheniy> (дата обращения: 04.06.2025).

2. Гришанов А. А О природе российско-американских отношений / Гришанов А. А // Международная жизнь. — 2022. — № 10. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2731> (дата обращения 04.06.2025).
3. Заклятые друзья: как менялось отношение россиян и американцев друг к другу. Выпуск новостей ТАСС от 26.05.2017 URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4284751> (дата обращения 04.06.2025).
4. Среди россиян вырос уровень поддержки проведения спецоперации на Украине. Выпуск новостей ВЗГЛЯД от 30.05.2022 URL: <https://vz.ru/news/2022/5/30/1160787.html> (дата обращения 04.06.2025).
5. Рожков А. А Влияние внутренней политики США на формирование российско-американских отношений / Рожков А. А // США&Канада. — 2022. — № 5. — С. 98-111. URL: <file:///C:/Users/openy/Downloads/Влияние%20внутренней%20политики%20США%20на%20формирование%20российско-американских%20отношений.pdf> (дата обращения 04.06.2025).
6. Шевченко О.И., Савчук Д.О. Роль России в мировой экономике до и после начала проведения специальной военной операции / Шевченко О.И., Савчук Д.О. // Актуальные исследования. — 2023. — № 19-2. — С. 50-53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53730469> (дата обращения 04.06.2025).
7. Евростат. Сайт URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения 04.06.2025).
8. Росстат. Сайт URL: <https://rosstat.gov.ru/?ref=toptrafficsites> (дата обращения 04.06.2025).
9. ВЦИОМ. Новости: Россияне об Америке: новый «ледниковый период»? Сайт ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-ob-amerike-novyi-lednikovyi-period> (дата обращения 04.06.2025).
10. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон; [пер. с англ. Т. Велимеева]. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 640 с.
11. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. — М.: РИПОЛ классик, 2024. — 768 с.
12. Яковлева Анна Валерьевна Американский образ жизни и американские ценности // Вестник КГУ. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-obraz-zhizni-i-amerikanskie-tsennosti> (дата обращения: 05.06.2025).
13. Переговоры России и США стали значительным "шагом вперед", заявил эксперт. Выпуск новостей РИА новости от 19.02.2025 URL: <https://ria.ru/20250219/peregovory-2000190642.html> (дата обращения 06.06.2025).
14. Матвиенко прокомментировала начало переговоров между Россией и США. Выпуск новостей РИА новости от 19.02.2025 URL: <https://ria.ru/20250218/matvienko-2000175049.html> (дата обращения 06.06.2025).
15. Россия и США пока не планируют контакты на высшем уровне, заявил Песков. Выпуск РИА новости от 27.03.2025 URL: <https://ria.ru/20250327/peskov-2007801556.html> (дата обращения 06.06.2025).
16. ФОМ: Путину доверяют 81% опрошенных россиян. Выпуск новостей ТАСС от 06.06.2025 URL: <https://tass.ru/obschestvo/24154425> (дата обращения 06.06.2025).
17. Сайт Посольства Российской Федерации в США URL: <https://washington.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/trade-economic-cooperation/> (дата обращения 8.07.2025).
18. Годовой экспорт товаров США в РФ за 2022 год стал рекордно низким за все время подсчетов. Выпуск новостей ТАСС от 7.02.2023 года. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16986725> (дата обращения 7.07.2025).
19. Товарооборот между США и Россией сократился за 10 лет более чем в семь раз Выпуск новостей ТАСС от 29.03.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20396601> (дата обращения 10.07.2025).
20. На Аляске завершились переговоры Путина и Трампа. Выпуск новостей РБК Новости от 16.08.2025 URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/08/2025/689dd5349a7947903686bfc6> (дата обращения 17.08.2025).

Сведения об авторах:

Сафонов Артём Алексеевич, студент факультета государственного и муниципального управления, эффективного государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e-mail: artm_safonov_06@mail.ru

Иванова Елизавета Андреевна, студентка факультета международной экономики, мировая экономика Всероссийской Академии внешней торговли, e-mail: elizavetaa.ivanovaa@gmail.com

УДК 94

А. С. Слюнкин

РЕМЕСЛА И ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ В XIX ВЕКЕ

Аннотация: В статье рассматриваются основные, традиционные для Дагестана ремесла в XIX веке и их центры, некоторые техники ремесленного производства, их географическая обусловленность, особенности ремесел у разных народов Дагестана, рынки сбыта ремесленных изделий и предметы ввоза на дагестанские рынки из-за пределов страны гор. В рамках статьи описаны виды торговли, влияние на торговлю политики, а также значение торговли для преодоления национальной изоляции.

Ключевые слова: Дагестан, ремесла, производство, торговля, политика

Slyunkin A. S. Crafts and Trade Relations in Dagestan in the 19th century

Abstract: This article examines the main traditional crafts of Dagestan in the 19th century, their centers, some craft production techniques, their geographical location, the craftsmanship of various Dagestani peoples, markets for handicrafts, and items imported into Dagestan markets from outside the mountainous country. The article describes the types of trade, the influence of politics on trade, and the importance of trade in overcoming national isolation.

Keywords: Dagestan, crafts, production, trade, politics

Хозяйственная жизнь народов Дагестана до описываемого периода носила в основном натуральный характер. Но в связи с ростом товарного производства бурное развитие получают кустарные промыслы (курсив везде мой - А. С.). Горцы обрабатывали все виды сырья, которое было им доступно, постепенно, в соответствии со спросом, на рынке увеличивая количество и разнообразие производимых изделий. Качество же этих изделий исторически было очень высоким [1].

Как по охвату населения различными ремеслами, так и по разнообразию производимых изделий Дагестан занимал первое место на Северном Кавказе. При этом в одних районах ремесленное производство носило подсобный характер, в основном удовлетворяя внутренние потребности общины, в других было специализированным, с выходом на всекавказский рынок [2, с. 219].

Для высокогорного Дагестана было характерным производство домашних тканей. В аулах, где жили даргинцы, было развито производство сукна и полотна, в зависимости от того, какой вид сырья для производства был преобладающим в конкретном селении. В селениях Акуша, Леваши, Хаджалмахи, Цудахар, Абдалая, Хулелая, Наскенты изготавливали сукна; в Мекеги, Мулебни, Жангамахи - паласы. Во всех этих селениях было много шерсти. В аулах Киша Ицари, Цугни, Меусиша, Дийбук, Чижик, где традиционно было много конопли, производили полотно. По словам Саида Абд ар-Рахмана ибн Джамал ад-Дина аль-Кибуди аль-Газикумуки ад-Дагестани, женщины селения Технуцал "из шерсти коз ткуют дагестанские паласы для пола, шьют из них мешки для перевоза зерна на пашню, на мельницу или для переноски ... и других вещей" [2, с. 221].

Обработка шерсти была традиционным женским занятием и для некоторых лакских сел. В XVIII-XIX вв. казикумухские ханы часть оброка с селений Цовкра, Висли и Хосрех получали коврами [3, с.176,181]. Особенно высокого уровня достигло производство ковров в Табасаране (Южный Дагестан): селении Хучни [4 с. 316-320] и других табааранских аулах. Это всегда только ручная работа, красители исключительно натуральные. В данной технике ковроткачества какие-то промышленные усовершенствования невозможны.

В селениях Кайтага (кайтагцы постепенно перестали определяться как отдельный этнос и с 1939 года в переписях указываются вместе с даргинцами), находящегося в верхнем предгорье (прибл. 1000-1300 м. над уровнем моря), где в изобилии растут леса, в аулах Акуша-Дарго [3, с. 16] и иных широкое распространение получило столярное ремесло, а также производство деревянных сельскохозяйственных инструментов, которые для собственных нужд производились во всех селениях Дагестана, но Кайтаг был центром данного ремесленного производства. Еще одним центром деревянных ремесел было Дидойское общество, жители которого, по словам Н.И. Воронова, " ... выделывают посуду- корыта, улья, шайки, плетут также корзины из ветвей и продают все это в Телави, Сигнахе и в других местах Кахетии. "[2, с. 223].

В некоторых Кайтагских селениях развилось искусство особого рода вышивки шелком, которое в описываемое время было известно практически во всем Дагестане. К настоящему времени это искусство почти исчезло и им владеет только несколько мастериц.

В ауле Унцукуль, находящемся в Среднем Дагестане на высоте 800-850 м., сравнительно недавно (200-250 лет назад), возникло и развилось искусство, единственное в своём роде на планете Земля- насечка металлом по дереву. По причине исключительности этого рода ремесла, о нем, полагаем, следует сказать особо. Для унцукульских изделий употребляются только деревья, растущие в горах. Основной материал - кизил, употребляются также древесина груши и абрикоса, причем изделия из него, как правило, не тонируют, а оставляют в естественном цвете. Горная древесина используется потому, что растущая на равнине не выдерживает насечки и трескается. После заготовки древесина сушится примерно год и больше, в зависимости от размера, только в естественных условиях - высушенная искусственно тоже насечки не выдерживает и трескается. Затем на дерево наносится рисунок и производится насечка: штрихелем делается нарез, вставляется пластинка, как правило, мельхиора, обрезается и одним (!) точным ударом молотка вбивается в дерево. Труд, требующий терпения невероятного - одна " обычная " унцукульская трость с небольшой интенсивностью насечки, содержит около 2-х тысяч деталей — значит, над ней мастер или мастерица или, как правило, и тот и другой, совершили 8-10 тысяч операций. Затем изделие помещают в опилки и если оно по прошествии некоторого времени не трескается – это означает, что оно сухое в нужной степени, мастер его шлифует и лакирует, причем лак не наносится кистью, а изделие, подвешенное каждое под нужным углом, обливается лаком 7-9 раз и, наконец, появляется знаменитое унцкукульское изделие, поражающее своей красотой и изысканностью всякого смотрящего.

До изобретения и промышленного производства лака (используются только определенные марки), унцкульские мастера использовали воск.

"Для раннего периода творчества унцукульских мастеров характерно изготовление ручек, нагаек, тростей и стеков. Позднее изготавливались курительные трубки и палки... "[3, с. 273]. К концу XIX века ассортимент унцукульских изделий был очень разнообразным. Разнообразен он и сейчас. Если изначально рынком сбыта для мастеров Унцкуля были Астрахань и район Кавказских Минеральных вод, то к концу XIX века они приобрели всемирную известность: в это время унцукулец Магомед Юсупов открыл мастерскую в ...Вашингтоне. На Всемирной выставке в Париже в 1900 году изделия мастеров из Унцкуля получили такую известность, что были основаны мастерские в Париже и Лондоне. Живое это искусство и сегодня.

У многих народов Дагестана получило распространение гончарное производство, но особой известностью пользовалась керамика лакского селения Балхар, находящегося в нынешнем Акушинском районе [3, с. 44- 47]. По сообщению А.С. Пиралова, автора "" Краткого очерка кустарных промыслов Кавказа", "Балхарская посуда отличается чрезвычайной тонкостью стен, и вообще по технике считается лучшей на Кавказе." [2, с.223]. Балхарская керамика пользовалась широким спросом на рынке. Сохраняется это ремесло и сегодня.

Широкую известность в Дагестане и далеко за его пределами приобрели златокузнецы и ювелиры из аула Кубачи (1). Уже в XVII-XVIII веках производство художественно отделанного оружия принесло кубачинским мастерам мировую славу. Кубачи в русских источниках именовались тогда "горной Тулой". Оружие изысканно отделяется серебром, резной слоновой костью, золотой насечкой... Изделия кубачинцев славились далеко за пределами Кавказа: их везли в дар восточным правителям в Александрию и Каир, Дамаск и Багдад, Стамбул и Тегеран. Известно и популярно кубачинское искусство и теперь. Прекрасные образцы кубачинского искусства экспонируются в музеях многих стран. [2, с. 227].

Самобытная материальная культура кубачинцев, которая развивалась и совершенствовалась в тесной связи с природно-географическими условиями, хозяйственными потребностями и эстетическими запросами людей, уходит корнями в глубокую древность. Ее тысячелетнюю историю подтверждают дошедшие до нас средневековые письменные источники, в основном, восточного происхождения. Во многих из них отмечалось высокое мастерство местных ремесленников в резьбе по камню и дереву, строительном деле, обработке кости. Однако, ведущей отраслью горного ремесла была металлообработка, которая включала медночеканное дело (производство водоносных сосудов, ритуальной посуды и др.) [1, с. 2].

Автор "Кубачинских очерков Р. Алиханов пишет: "Окрестное население до сих пор называет их франками. У самих кубачинцев сложилась легенда о том, что они происходят от нескольких человек, изгнанных в древности за какие провинности с территории современной Франции, попали в Дербент, там работали долгое время, а потом перебрались в горы и основали аул... Когда персидские мастера узнали о превосходстве кубачинских оружейников, они послали кубачинцам тонкую, как волосок, стальную проволоку и написали: "Если вы настоящие зерихгерани (мастера-кольчужники - авт), то вытяните такую же проволоку и пришлите нам. "Кубачинцы не остались в долгу перед персами - они просверлили насквозь присланную проволоку и вернули ее обратно со словами: "Мы из такой проволоки трубы делаем. "[2, с.226].

XVI-XVII столетия в истории кубачинского искусства отмечены тем, что в это время формируются основные типы кубачинского растительного орнамента, нашедшего широкое применение в разных видах народного искусства и до сих пор являющегося основой национального художественного языка. [1, с. 3].

"Начиная с XVIII века и до конца XX столетия получает мощное развитие изготовление холодного и огнестрельного оружия, богато отделанного серебром, резной костью, золотой насечкой, драгоценными и полудрагоценными камнями." [1, с. 3]. С данным утверждением мы можем согласиться только во второй его части, потому что в Кубачах оружие получало художественное оформление, центром же его производства был знаменитый аул Амузги (4, с.,14), находящийся недалеко от Кубачей, о чем мы скажем в своем месте.

Высочайший профессионализм и преемственность являются гарантией сохранения многогранных умений кубачинских мастеров до сегодняшнего дня. "Обязательным для кубачинского мастера всегда являлось владение как ювелирным, так и кузнечным делом, обладание даром объёмно - пространственного видения, знание линейно - графических законов декоративного рисунка, а также основ металлургии и конструирования. "[1, с. 7].

Ювелирное дело было также распространено у лакцев и аварцев. В Казикумухском округе Дагестана, который населяли лакцы, обработкой золота и серебра занимались в 55 аулах из 100. В 1886 году в округе было 608 мастеров - серебряников, изготавливавших из золота и серебра литые и ажурные украшения (кольца, серьги, ожерелья, браслеты), головные уборы, пояса, пуговицы, табакерки, шкатулки, бокалы, газыри и многое другое. [2, с. 227].

По мнению исследователей, к началу XX столетия кубачинское ювелирное дело стало ярким художественным явлением и оказало существенное влияние на ювелирное дело многих

кавказских народов. В свою очередь, само оно значительно обогатилось за счет заимствования некоторых технических приемов (например, стала широко использоваться цветная выемчатая и перегородчатая эмаль для художественной отделки разнообразных изделий из серебра), богаче стала палитра орнаментальных мотивов и композиций. [1, с. 3].

Одним из центров ювелирного производства у аварцев было селение Гоцатль [3, с. 102-105] - родина второго имама Гамзат-бека. Расцвета ювелирное искусство гоцатлинских мастеров приходится на XIX-нач. XX века. Гоцатлинские ювелирные произведения от кубачинских и лакских отличала сдержанность рисунка, а также его практичность: украшенные орнаментами серебряные накладки на оружии располагали там, где требовалась особая прочность: на окончаниях и в середине ножен кинжала или сабли (шашки) и т.д. Пережившее многочисленные взлеты и оскудения ювелирное искусство в Гоцатле живо и сегодня.

В высокогорных районах современного, в основном, Ботлихского района Дагестана, получило развитие принадлежащее только Кавказу своеобразное ремесло, которое, без сомнения, было вызвано к жизни условиями кавказского климата - производство бурок. Села Анди, Ансалта [4, с.16], жители которых в XIX веке торговали бурками в Грузии, где они пользовались большим спросом, Ботлих [3, с. 62], Гагатль, Рикюани, Рахата, Шодрога.

В 1812 году " царские чиновники отмечали, что андийцы существуют преимущественно выделыванием бурок, кои по всему Кавказу за лучшие славятся" [2, с. 239]. Как известно, бурки производятся из овечьей шерсти. К концу XIX века количество овец в Андии составляло 120 тысяч.

Для изготовления обычной бурки, как говорят в аулах, где они традиционно производились, нужно три дня и три женщины. Овечью шерсть тщательно промывали, высушивали и потом расчесывали на специальном устройстве. Затем шерсть взбивали с помощью инструмента, похожего на лук, сбрызгивали водой и скатывали в валик, который три женщины постоянно катали до тех пор, пока шерсть не превращалась в плотный однородный слой. После этого будущую бурку промывали, сушили, с одной стороны, (!) взбивали шерсть специальными металлическими щетками, sprыскивали клеем, который сами варили и пучками из корней трав водили по поверхности до тех пор, пока взбитая шерсть не превращалась в косицы, которые делают бурку абсолютно непромокаемой. Мы описали процесс изготовления бурки, который нам неоднократно приходилось видеть. Бурки, которые имели название " ангийские", требовали гораздо более времени для их производства - до одного месяца и к обычным косицам, о которых мы упомянули, вплетались другие, гораздо большей длины, изготавливавшиеся заранее. Подобные бурки ценились намного дороже, чем обычные. Весь процесс изготовления бурок, как видим, был полностью ручным, какие-то механические усовершенствования здесь невозможны. Бурки и сейчас изготавливаются в селении Рахата, производство же "андийских" бурок в настоящее время практически прекращено, т.к. почти не оставалось мастериц, владеющих этим искусством.

Ермолов, который запретил торговлю с горцами, подвергая нарушителей аресту и даже ссылке в Сибирь, " ... главной контрабандой считал ворсистые андийские бурки, хотя сам же ввел их в моду и повсеместное употребление. Ермолов приказывал: "... чтобы бурки, выделяемые андийцами и другими горцами, отнюдь не были впускаемы для продажи в Грузию; в случае же тайного провоза оных, конфисковать их и доносить мне в тоже время, как об именах тех, кому оные принадлежат. "[5, с. 151]

Особым видом ремесла в Дагестане было производство оружия по причине отношения к нему каждого горца, который был всегда вооружен. Главным местом производства клинков был дагестанский аул Амузги [4, с. 14-15], находящийся недалеко от Кубачей. Военный историк Н. Дубровин в 1871 году с восхищением писал о большой любви дагестанцев к холодному

оружию: "Талия перетянута кожаным поясом с металлическими украшениями, а у людей богатых и зажиточных с серебряным прибором. Спереди на поясе висит кинжал, у богатого оправленный в серебро, а у бедного без всякой оправы. Кинжал не снимался никогда. Даже дома, сняв черкеску, горец опоясывает себя поясом с кинжалом поверх бешмета. Шашка не составляет необходимости в вооружении и употребляется при отправлении в поход, для действия против неприятеля... Каждый оборванный горец, сложив руки накрест, или взявшись за рукоять кинжала, или опершись на ружье, стоял так гордо, будто был властелином вселенной. Движения горца ловки и быстры, походка решительная и твердая, во всем видны гордость и сознание собственного достоинства. [6, с. 56].

Московский исследователь дагестанского оружия Г. Сазонов пишет, что" ... в 80-х годах XIX века в Амузги насчитывалось до 250 дворов и все жители участвовали в клиночном производстве. Я не погрешу против истины, если скажу, что все они поголовно мастера клинка, так как другого занятия здесь нет; дети начинают работать в качестве помощников оружейников с 7 лет, а женщины, кроме домашнего хозяйства, тоже так или иначе помогают мастерам., шлифуя клинки, очищая ржавчину и т.д.

Здесь настоящее царство клинка. Кинжальные и сабельные клинки всюду: в руках, в мастерских, дома на полках, в углях, в нишах, на полу; клинки старые и старинные; клинки новые, целые и поломанные, оправленные и голые; местные и пришлые. Здесь встретил и настоящее испанское Толедо, и Персию, и Турцию, и Венгрию, и Золинген, и Златоуст, и Петербург, и Тифлис, и Чечню, и целый ряд неатрибутированных мною клинцов и неизвестных клейм. Только арабских и итальянских клинков в Амузги не пришлось мне видеть... "[6, с.44].

Центрами оружейного производства в кумыкских селениях были Тарки, Эндирей, Верхнее Казанище. В 1835 году здесь насчитывалось сто кузниц, где работала половина населения [2, с.124]. В Верхнем Казанище жил знаменитый мастер Базалай, за кинжалами которого приезжали со всего Дагестана и из- за его пределов. " Прочность своим изделиям Базалай придавал, закаляя их на свежем ветре: для этого всадник, держа клинок над головой, пускал коня вскачь."[2, с.229].

Значительная часть кинжалов работы Базалай вывозилась в Россию. Несколько его работ хранится в Государственном историческом музее. " В 1851 году на Лондонской выставке Базалай экспонировал четыре клинка стоимостью в 20,24 и 33,5 рубля. "[2, с. 124]. " Когда один из кинжалов попытались сломать на наковальне, клинок остался цел и вонзился в молот, которым его пытались сокрушить."[2, с. 230].

Самым искусным мастером в роду считался Старший Базалай (родился примерно в 1820-1830 - е годы), его дело продолжили младший брат Али, сын Али - Магомед, сын Магомеда - Мустафа, внук Гамза (Гаджи) Базалай. [4, с. 124].

Крупным центром металлообрабатывающих ремесел был и Казикумухский [(3, с.176-180) округ Дагестана. Этнограф Д. Н.Анучин, посетивший в 1882 году Кумух, писал:"Жители занимаются отчасти земледелием, но более промышленностью, приготовлением и отделкой оружия, медной посуды, а также торговлей." (2, с. 230). Исследователь кустарных промыслов Северного Кавказа О. В. Маркграф отмечал: "Казикумух славится как столица округа, самыми изящными образцами оружейного искусства, а также высоким мастерством в отделке вещей серебром и золотом. "Он же приводит сведения о том, что обработка металла была развита в нескольких селениях округа: в Табахлу- медное и лудильное дело; в Хурукра - кузнечный промысел, в Куркли - производство клинков, шашек и кинжалов; в Казикумухе- ювелирное и оружейное дело. Лакские мастера участвовали в различных выставках в Темир- Хан- Шуре, Тифлисе, Петербурге; их изделия не раз были отмечены высокими наградами. [2, с. 250].

Обработка металла была развита и в небольших лакских селениях. Известный лакский поэт Абуталиб Гафуров (1882-1975) из аула Шуни, в котором в 80-х годах XIX века было около 250 человек, работал в годы своей первой молодости мастером- лудильщиком и уважительное отношение к этому ремеслу пронес через всю свою долгую жизнь.

В Дагестане аулом оружейников называют даргинское селение Харбук, большинство жителей которого не имело ни земли, ни скота и существовало только за счет производства оружия, орудий труда и украшений. Аналогичным было положение в Кубачи, из 504 хозяйств которого в 1882 году земледелием занималось только 8 [2, с. 233].

Ни одно село в Дагестане не могло сравниться с размахом оружейного производства Харбука. Лишь в производстве клинков и сабель уступал он знаменитому аулу Амузги. В течение сотен лет жители Харбука добывали железо в руднике на территории села Дейбук. В XIX веке дейбукцы сами начали добывать железо и продавать его харбукским мастерам. [4, с. 282].

О разделении труда при производстве оружия в Харбуке О. В. Маркграф писал: "Отдельные части огнестрельного оружия при изготовлении проходят следующие стадии: в селении Карбук (Харбук - А. С.) часть кустарей выют стволы из железной проволоки и сваривают начерно... Хозяева стволовщики, наиболее зажиточные из всех прочих кустарей и, получая заказы на стволы, они, в сущности, готовят их только начерно, для остальных же манипуляций отдают их в следующие руки. Они же, получая деньги за всю работу, рассчитываются с прочими кустарями... Для дальнейшей отделки стволов есть особый кустарь, который занимается только их нарезкой... после нарезника ствол поступает в отделку набело к третьему кустарю, который его допиливает и шлифует начисто... Изготавливаемые таким образом стволы переходят затем в соседнее селение Кубачи. Стволы скупают зажиточные кубачинцы и, прикупив, к ним остальные принадлежности, сдают их ложникам для сборки. Иногда скупщик в тоже время сам и ложник и сборщик. [7, с. 122-123].

В приведенной выше цитате О. В. Маркграфа известный кавказовед Н.И. Покровский видел " одновременно несколько ступеней эксплуатации (так в тексте, сообразно с тем, как писалось это слово в то время - А. С.), что объясняется, не иначе, обстоятельствами того времени, когда писал известный ученый. По нашему мнению, в данном случае, такое разделение труда в самой почетной отрасли ремесла в Дагестане давало возможность производить оружие высочайшего качества, так как каждый мастер имел возможность сосредоточившись на одной операции, доводить производимую им часть оружия до максимально возможного совершенства.

"Отношения между работниками мастерской были патриархальными, вполне в духе общинной горской традиции. Доход от производства делился по следующей схеме: не более 50% получал хозяин или мастер (хула уста), по 20% - подмастерье (шигирт) и молотобоец (кьякьрута), 10% - поддувальщик (пушикчи) "[2, с. 234].

Новое развитие оружейное дело получило в Имамате Шамиля, особенно после того, как к нему прибыли крымско-татарские оружейники во главе с со знаменитым Хаджи- Мустафой. Этот мастер выучился тонкостям своего ремесла в Аравии и Турции, поочередно поступая в мастерские ко всем известным оружейникам.

В результате он столь преуспел на этом поприще, что вызвал на соревнование самого известного оружейника Османской империи. Испытания состоялись в Константинополе и закончились полным триумфом Хаджи-Мустафы. Вернувшись в Крым и узнав, что творится на Кавказе, знаменитый мастер отправился на помощь Шамилю. Вскоре он вооружил весь Дагестан красивыми, легкими и надежными ружьями, получившими название крымских, а лучшие образцы, стоившие немалых денег, так и назывались - "Хаджи-Мустафа".

Иметь кавказское ружье или кинжал, особенно красиво украшенные, было заветной мечтой не только горцев, но и русских офицеров. [5, с. 153].

Порох горцы добывали сами. Для этого в каждом ауле имелась ступа, которой каждый пользовался по мере надобности... порох не всегда был хорошего качества. Верные пропорции и секреты изготовления настоящего пороха горцы узнали позже от бывших пилигримов и беглых солдат. Серу добывали в богатом месторождении у села Чирката... За выплавку серы из горной руды и за ежегодную доставку тысячи пудов ее на пороховые заводы Имамата Шамиля освободил чиркатинцев от воинской повинности и сверх того, платил им по 30-50 копеек за пуд. [5, с. 152].

Производство пушек надлежащего качества, которого долго не удавалось достичь в Имамате, осуществил Джабраил из Унцукуля, который обучился всем тонкостям этого дела в Египте.

Торговля в Дагестане была отражением географического разделения труда..., т.к. хозяйства в каждой географической зоне имели свою специализацию: даргинцы из предгорья (селение Губден и др.) вывозили товары и в города (мед, воск, марена, шелк, строительный лес, дрова), а покупали железные сельскохозяйственные орудия, оружие, сукно, овчины, украшения, отчасти деревянную утварь и орудия труда, фрукты. Обмен совершался на базарах. Лучшие украшения и оружие можно было найти на базаре в Кубачи, железные изделия - в Харбуке, овчины - в Акуша и Урахи, зерно - в Маджалисе, Магасе, Губдене, сыр - в Акуша, фрукты - в Цудахаре и т.д. [2, с. 244]

Активно велась торговля с Закавказьем. "В 1815 году, например, из Грузии было привезено... 60 наименований товаров: выбойки - 7125 концов, шелка- сырца- 801 батман, ситца - 1326 концов, бурмета - 13321 конец, одеял - 2224 штуки и т.д. В свою очередь, горцы ездили по торговым делам в Кубу, Нуху, Баку, Телави, Тифлис и другие города, куда привозили для продажи продукты скотоводства и кустарных промыслов. "Нуха, - писал корреспондент газеты Кавказ, - очень скоро сделалась главным складочным центром для торговли Дагестана. Среди ее торгового сословия 25% составляли лезгинцы" [2, с. 250]. В данном случае говорится о многих народах Дагестана, так в то время страну гор часто называли " Лезгинстаном. " Нуху ежегодно посещало до 80 торговцев. Только в 1846 году было привезено наплечных бурок на сумму 1300 руб., сукна на 1240 руб., оружия на 1500 руб., овечьей шерсти и мерлушек - на 8 тыс. руб. Торговля Кубы состояла в снабжении товаром Ахты, Кумуха, Кураха, Лучека и других селений Дагестана. Крупным потребителем ювелирных изделий дагестанских мастеров был Тифлис". [2, с. 250].

Торговля с Россией развивалась в двух формах: сначала как меновая, затем как ярмарочная. В первой половине XIX века преобладала меновая торговля. [8, с. 230], которую регулировало несколько отставшее от времени "Положение о меновой торговле с горцами" 1846 года. К середине XIX века меновая торговля уступила место ярмарочной.

Торговля в Дагестане весьма зависела от политики. Во время своего наместничества генерал А. П. Ермолов пытался запретить торговлю с горцами, о чем мы уже говорили.

Н.Муравьев, бывший наместником на Кавказе в 1854 - 1856 годах, напротив, торговле всячески способствовал. Он склонялся к заключению прочного мира с горцами, признанию Имамата Шамиля, как самостоятельного государства под протекторатом России, а развитие торговли считал первейшим средством для установления доверия между сторонами... Сменивший Н.Муравьева А. Барятинский предпочел решать вопрос силой оружия. После окончания Кавказской войны торговля вновь оживилась [2, с.251-252], способствуя как развитию доверительных отношений с остальными регионами России, так и преодолению изоляции и развитию межнациональных связей между народами Дагестана.

Библиографический список

1. Брюзгина О. И. Ювелирное искусство Кубачи. М., "Интербук- бизнес", 2006, 157 с.
2. Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. - М.; Мол. гвардия, 2003.- 452 с.; ил.
3. Микаилов Ш. И. Все аулы Дагестана: Фотоальбом: в 3 кн.: кн. 1.- Махачкала: ИД " Эпоха", 2012.- 376 с.: ил.
4. Микаилов Ш. И. Все аулы Дагестана: Фотоальбом: в 2 кн.: кн. 1.- Махачкала: ИД " Эпоха", ил. ... 2011, 368 с.: ил.
5. Казиев Ш. М. Имам Шамиль. - 3-е изд., испр. и доп.- М.: Молодая гвардия, 2006,- 382[2]. с.: ил.
6. Абдулгамидов А., Нисредова Х. Тайна амугинского булата.-Махачкала: Издательство " Лотос", 2013,- 280с.
7. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля/ Под ред. В. Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. - М.: " Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2009.-584 с., ил.
8. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007,- 460 с., ил.

Сведения об авторе:

Слюнкин Александр Александрович, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: trubchevsk-sobor@mail.ru

УДК 94

А. С. Слюнкин

РОДСТВЕННЫЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ И ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В XIX ВЕКЕ

Аннотация: В статье рассматриваются родственные, общинные и международные взаимоотношения народов Северного и Западного Кавказа в XIX веке, а также различные институты: куначества, аталычества и др., письменно фиксировавшиеся и существовавшие в устной традиции законы и обычаи, которые способствовали жизнеспособности личных, общественных и международных отношений. Рассматриваются как те виды взаимоотношений, которые подверглись изменениям, происходившим в этих сферах жизни у народов Северного и Западного Кавказа и которые привели к фактическому прекращению некоторых форм взаимоотношений, так и те, которые остались фактически неизменными и до сегодняшнего дня оказывают существенное воздействие на общественную жизнь региона.

Ключевые слова: Дагестан, Черкесия, адат, Нохчалла, Адыге- хабзэ, куначество, аталычество, тухум

Slyunkin A. S. Kinship and Interethnic Relations in the North and West Caucasus in the 19th century

Abstract: This article examines the kinship, community, and international relationships of the peoples of the North and West Caucasus in the 19th century, as well as various institutions—*kunachestvo*, *atalychestvo*, and others—as well as folk laws and customs, both recorded and oral, that contributed to the viability of personal, social, and international relations. It examines both those relationships that were subject to the changes occurring in these spheres of life among the peoples of the North and West Caucasus, which led to the virtual cessation of some forms of relationships, and those that remained virtually unchanged and continue to exert a significant impact on the social life of the region to this day.

Keywords: Dagestan, Circassia, *adat*, *Nokhchalla*, *Adyge-khabze*, *kunachestvo*, *atalychestvo*, *tukhum*.

Взаимоотношения между ближайшими родственниками, между родственниками в разных степенях родства, среди представителей различных родов в каждом из множества народов, искони живущих на Северном Кавказе, до сегодняшнего дня являются действенными и сохранившими свое влияние на каждого члена общества, не исключая, разумеется, национальные особенности. Подобного мы не можем сказать о Западном Кавказе по той причине, что в результате Кавказской войны этот, тысячелетиями процветавший регион, называемый многими, кто его посещал, " страной красоты", почти обезлюдел и сейчас мы видим во многих странах Востока черкесские диаспоры, часть из которых сохранили язык и в какой-то степени национальную культуру. В тоже время в некоторых областях жизни произошли невосполнимые потери: умер язык одного из самых многочисленных черкесских народов- убыхов (последний говорящий на родном языке убых умер в Турции в 1990 году), в убыхском языке было 90(!) только согласных звуков.

В XIX веке исчезает аталычество - очень важный институт межнациональных связей на Кавказе. В это же время происходят важные, исторически значимые события в общественно- политической жизни региона: исчезают традиционные формы государственного устройства: в Дагестане- шамхальство Тарковское, ханство Казикумухское, ханство Хунзахское, уцмийство Кайтагское, майсумство Табасаранское, султанат Элису...

По вышеуказанным причинам хронологически в статье описываются родственные и межнациональные взаимоотношения на Северном и Западном Кавказе именно в XIX веке.

Объединения родов или группы одного большого рода у народов Дагестана XIX века назывались и называются до настоящего времени тухум.

Дагестанский тухум к XIX столетию представлял собой родственную группу по отцовской линии, которая, предположительно, образовалась в результате распада большой патриархальной семейной общины на малые индивидуальные семьи, сохранявшие между собой экономические связи: взаимопомощь, первенство родственников при приобретении дома или участка земли... [1, с. 6].

В 60-х годах XIX века врач Кюринского округа А. Цветков изучил тухумы этого округа и пришел к выводу, что тухум — это " ... круг родственников, происходящий от одного предка; называется же тухум не только по имени родоначальника, но и по каким-либо случайным обстоятельствам". [1, с. 7].

Важное значение в жизни любой сельской общины Дагестана имел в описываемое время и, как правило, имеет до сих пор джамаат- собрание всех совершеннолетних мужчин селения для решения тех или иных вопросов. Джамаат избирал из своих членов представителей на должности в управлении аулом и суде. Для последнего избирался кади (судья)- человек, который знал арабский язык на уровне свободного владения как устной, так и письменной речью, так как именно арабский язык был языком делопроизводства в Дагестане того времени, знал обычное право данного сельского общества - адат, нормы которого всегда были записаны тоже на арабском языке. Кроме того, кади должен был быть человеком благочестивой жизни и пользоваться доверием и уважением односельчан. В качестве иллюстрации можно привести пример отца знаменитого аварского поэта Расула Гамзатова, тоже народного поэта Дагестана Гамзата Цадаса (т.е. " из Цада - селения недалеко от Хунзаха), который в молодости был кади в родном селе. Органы сельского управления всегда и выборные должности, по возможности, формировались по принципу представительства от тухумов данного села.

Кроме того, на обсуждение и решение джамаата выносились важные вопросы сельской жизни: обеспечение безопасности территории и жителей общин, выбор представителей для решения спорных вопросов между соседними общинами, выбор суда – маслаата (это арабское слово означает, скорее, „ примирение", т.е процесс примирения находящихся во вражде, в том числе кровников, что было и остается до сих пор делом очень трудным и далеко не всегда приносящим результат), определения последовательности сельскохозяйственных работ, устройством дорог, которые в труднопроходимых местах представляли собой настил, положенный на вбитые в скалы бревна, выбор будуна(муэдзина), пять раз в сутки призывавшего мусульман на молитву.

Этнограф Н.Львов, хорошо изучивший быт и нравы горцев Дагестана, писал об аварцах: " Один из важнейших мусульманских религиозных обрядов следующий: мусульманин ни в коем случае не должен добровольно пропускать ни одного намаза... Горцы говорят, что они не только по времени узнают час, назначенный для молитвы, но от привычки часто молиться чувствуют приближение даже минуты молитвы. Несмотря на такую чувствительность, в каждой деревне назначается, на которого возлагается обязанность напоминать народу приближение времени для молитвы. Этот человек носит название будун... [2, с. 321-322].

При выборе на все должности сельского управления джамаат, где только это было возможно, руководствовался принципом представительства от тухумов.

26 апреля 1868 года наместником Кавказа великим князем Михаилом Николаевичем Романовым было утверждено " Положение о сельских обществах Дагестана", которое юридически(!) значительно ограничило полномочия джамаатов.

Х.-М. Хашаев пишет: " Основными характерными чертами дагестанского тухума XIX в. являются: защита члена тухума не всем тухумом, а ближайшими родственниками (с этим невозможно согласиться, потому что даже сегодня мы видим противоположное- А. С.); отсутствие экономического и политического равенства между отдельными членами тухума;

отсутствие тухумной власти; решение дел членов тухума не тухумной организацией или единолично тухумным старейшиной, а администрацией сельской общины, выборными старейшинами, позже (с 60-х годов XIX века, после присоединения к России) сельским старейшиной и сельским судом". [1, с. 6].

У разных народов Дагестана, а часто и в пределах одного большого селения в термин тухум включается разное количество поколений - от четырех и более. В XIX веке причиной этого являлось деление семьи по мере роста ее численности. В некоторых случаях история тухумов исчисляется многими столетиями. Например, в современном ауле Рутул - исторической столице рутульцев, при населении более 4000 человек насчитывается 14 тухумов, каждый из которых ведет свое начало от далекого предка, жившего три, четыре и более столетий назад.

Родовые объединения были и у других народов Северного и Западного Кавказа, имевшие в каждом народе свое название в отличие от общедагестанского "тухум". В книге "Вайнахская этика" Э. Исаев пишет: "... чеченский тайп объединял семьи, связанные между собой кровным родством по отцовской линии. По мере разрастания тайпы распадались на две и более части - гары (ветви тайпа), каждый из которых со временем образовывал свой собственный тайп. Все члены гара могли назвать имя своего реального предка. Кроме того, каждый чеченец должен был знать и помнить имена не менее 20 лиц из числа своих предков." [2, с. 135].

В истории Чечни насчитывается около 150 тейпов, причем более 20 из них образованы не чеченцами и даже не вайнахами вообще, а пришедшими в разное время и при разных обстоятельствах представителями других народов, которые со временем вошли чеченского общества (курсив всюду мой - А.А. Слюнкин). Пример можно привести из современной истории Чечни. В начале нынешнего века в почтенном возрасте в Чечне умер Мохмад-хаджи Вайсперт - немец, попавший ребёнком в годы Великой Отечественной войны в Чечню, сразу же усыновленный чеченской семьей (для традиционного кавказского сознания чужих детей не бывает) и со временем ставший настоящим чеченцем, воспитавший вместе с женой их детей во всей строгости чеченских обычаев. Мохмад-хаджи был настолько уважаемым человеком в Чечне, что его часто приглашали мирить коровников и ему почти всегда это удавалось, что является абсолютно выдающимся явлением на Кавказе. То есть, ему удавалось в этом благом деле достигать того, что далеко не удавалось чеченцам во многих поколениях.

Слово "тухум" на санскрите и фарси означает "семья", "деревенская община". У аварцев употреблялось и слово "тухум" и слово с таким же значением в собственном языке "кьибил", что по-аварский означает "корень", у лакцев тухум назывался "сака", у лезгин "сихил", у даргинцев "джинс".

Высшим органом сельской общины на Северном и западном Кавказе было народное собрание. Здесь решались важнейшие вопросы жизни общества: войны и мира, заключения союза с соседними обществами или феодальными владениями, утверждение адатных норм или внесение в них изменений и дополнений, выбора должностных лиц. На собрание должны были являться все взрослые мужчины общины. Сначала высказывались старики, потом мужчины среднего возраста и лишь затем молодые, которые без особого разрешения говорить не могли. [2, с. 135].

Кавказовед Н.И. Воронов в записках "Из путешествия по Дагестану" (1870), пишет: "Но вот состоялся джамаат. Все члены его держат себя весьма дисциплинированно: у места молчат, у места говорят, и некоторые весьма бойко, плавно и дипломатично, у места слушают. Интерес каждого - предмет сходки, совещания и, если джамаат собрался в ауле, подле строе- ний, то крыши их переполнены любопытными наблюдателями и слушателями, которым нет места в среде самого джамаата - несовершеннолетними, а иногда и женщинами. Это не стадо,

это строго дисциплинированная толпа; импровизированным поведением ее на сходке может остаться доволен любой поклонник порядка... Кто успел таким образом вышколить дагестанцев? Будто Шамиль? Едва ли. Дисциплина в Дагестане заявляет себя не чем-то привитым, заказным; она, так сказать, вытекает из существа дагестанца, она замечается даже в тех обществах, на которые власть Шамиля распространялась весьма слабо, как, например, в обществах Верхнего Дагестана". [2, с. 135].

Поведение джамаата во время собраний, виденное Вороновым в Дагестане, было обычным для всего Северного и Западного Кавказа. Причина этого заключается в законах обычного права-адатах и традиционных системах воспитания, которые определяли характер родственных и межнациональных взаимоотношений на Северном и Западном Кавказе в XIX веке.

Традиционные адаты во время существования Имамата Шамиля дополнялись, а новыми законами, которые появлялись, исходя из потребностей нового государства. Все законы были сведены в "Низам Шамиля".

"Низам, - пишет кавказовед, поэт и переводчик Шапи Казиев, - был основан на шариате, некоторые неясные положения которого Шамиль развил и уточнил применительно к потребностям государства и его граждан. Все остальные законы и адаты, противоречащие Низаму, были упразднены. Разночтения в исполнении самого шариата Шамиль также привел в единообразие... При этом имам утверждал, что в самом шариате он ничего не изменил, ибо невозможно изменить то, что установлено Богом.

Если прежде богатый, убив бедняка, ссылался на возможность "платы за кровь, а бедный, убив аристократа, неминуемо подвергался смертной казни по принципу "око за око", то теперь закон становился единым для всех. А дело наказания виновных брало на себя само государство, не предоставляя его в распоряжение чудовища кровной мести". [3, с. 138].

У всех народов региона существовали традиционные системы воспитания и правила поведения, которые обеспечивали гармонию родственных и межнациональных взаимоотношений.

Этнический менталитет народов описываемого региона складывался тысячелетиями в тяжелейших природно-географических условиях, часто во враждебном окружении кочевых народов.

У каждого народа добрые обычаи, традиции и законы закреплялись в определенных понятиях и народных кодексах.

Современные исследователи истории вайнахов пишут: "Высшие человеческие, мужские достоинства вайнахи определяют такими понятиями и категориями, как адамалла, кьонахчалла, стонала, майралла, доьналла, обздангалла, нохчалла (человечность, мужество, достоинство, благородство, отвага, и честь).

Образовалось это понятие давно, задолго до того, как ингуши стали называть себя отдельным народом. Поэтому можем утверждать, что понятие "нохчалла" весомо и для них, ибо по большому счету чеченцы и ингуши действительно один единый народ". [4, с. 69].

"Понятие "нохчалла" включает в себя весь спектр моральных, нравственных этических норм и законов, составляющих духовный менталитет вайнахов. Это уникальный Кодекс Чести". [4, с. 69].

Нохчалла включает в себя и законы гостеприимства, и взаимовыручки, особенно необходимой в суровых условиях жизни в горах, где горцы на протяжении столетий жили, фактически, в условиях военной демократии, "белхи" - коллективная взаимопомощь, когда всем селением строят дом новой семье или ремонтируют или строят мост через реку..., это верность слову, потому что слово у вайнахов и не только - это и прощённая обида, и восстановленная семья, и измененный образ жизни и даже упрощённая кровная месть.

Известный этнолог Ян Вениаминович Чеснов любил повторять, что " чеченцем быть трудно". [4, с. 72].

Нохчалла, как мы уже сказали, определяет и взаимоотношения между родственниками. В семьях вайнахов действует правило " все лучшее - старикам", В селах до сих пор существует обычай строить для стариков во дворе небольшой дом для того, чтобы не создавать им никаких неудобств. Начинается и заканчивается день в семье с посещения стариков.

Конфликтные ситуации, например, ссоры женщин, решаются старшими мужчиной и женщиной. У старших обычай тоже определяет круг обязанностей перед младшими, главная из которых состоит в том, чтобы в семьях сыновей поддерживать атмосферу согласия и взаимопонимания.

"Прежде всего от стариков требуется, чтобы они были корректны в отношениях с невесткой. Особенно это касается свекра. Употреблять спиртное, браниться, нарушать принятую в вайнахской семье форму одежды в присутствии невестки, дочерей, считается неприличным. Он всегда старается быть деликатным по отношению к жёнам своих сыновей". [4, с. 88].

Чеченцы, как и все вайнахи (ингуши и бацбийцы), как и все народы Кавказа, большое значение предадут сохранению и постоянному укреплению в различных формах родственных отношений. Этому в значительной степени способствует то, что в сознании вайнахов поступки и личные качества человека определяются как не только как его личные, но и в равной степени принадлежащие к семье, родовой группе. Поэтому человек все усилия прилагает к тому, чтобы ни при каких обстоятельствах не совершить поступка, от которого его родственники, по выражению чеченцев, " почернеют лицом".

Особое отношение в родственных и национальных отношениях вайнахов принадлежит женщине. Обычай предписывает приветствовать женщину стоя. Если мимо проходит пожилая женщина, каждый мужчина, независимо от возраста, встает и приветствует ее первым. Брошенный женщиной между сражающимися мужчинами платок останавливал любую схватку, даже если в ней сошлись два кровника.

Если один из них " ... изъявит согласие покончить дело миром, то желающего примириться приводят к нему (кровнику- А. С.) в дом и в знак примирения, то должен обрить ему голову" - так описывает обряд примирения А. П. Берже. [5, с. 107]. В ходе общения с традиционно воспитанными представителями вайнахской культуры никто из не мог сказать даже после консультаций с родственниками, существовал ли подобный способ примирения канлы (от тюрского "канг"- кровь), т.е. кровников, в XIX веке. Сейчас его точно нет.

У народов Западного Кавказа, известных обычно под общим названием черкесов или адыгов, родственные и межнациональные отношения регулировал свод законов обычного права, называвшийся "Адыге-хабзе". Эти нормы адата были обязательными для всех черкесских народов, несмотря на разность некоторых языков, условий исторической среды проживания и т.д.

В 1834 году в России инженером-топографом, иностранцем на русской службе Иоганном Браамбергом после 2- летнего пребывания на Кавказе была написана уникальная в своем роде книга, которая была сразу отмечена грифом " совершенно секретно" и ею могли пользоваться офицеры Генерального штаба. Только в конце 80- х годов 20- го столетия книга стала доступной читателю после того, как исследователь- кавказовед И. М. Назарова перевела рукопись на русский язык. Иоганн Браамберг насчитывает 15 черкесских народов или, как тогда говорили, " племен", живших на территории от крепости Анапа до истоков Кубани: " натухайцы, шапсуги, абадзехи, тубинцы, убыхи, саше, бжедухи, хаттукайцы, темиргоевцы, эгекваевцы, жанеевцы, адемы, мохошевцы, хегаки, бесленеевцы" [6, с. 121-122].

Языком межнационального общения был черкесский язык в том его изводе, в котором от является таким и сегодня. Исследователь истории черкесских народов Н.Т. Гишев пишет, что " учёные прослеживают адыгов на Кавказе более 6000 лет". [7, с. 63]. Свод адыгских (черкесских) законов " адыгэ-хабзэ", о котором мы уже упоминали, не был зафиксирован в письменном виде, как это тщательно делалось, например, в вольных обществах Дагестана и некоторых государственных образованиях этой области Кавказа на арабском языке [1, с. 97,279]. Черкесы же потеряли письменность в какой- то, пока неизвестный, момент своей истории. Но при этом нормы обычного права- адаты, входившие в "адыгэ-хабзэ", о котором каждый адыг обучался с детства , соблюдались неукоснительно.

" Основная масса адыгских адатов- доисламского происхождения, - пишет современный автор Нуриет Сообцокова. Коран, проникший в адыгскую среду в XVIII - XIX веках, лишь отчасти подтвердил и видоизменил адат. Важным источником образования адатов был третейский мировой суд посредников. Суд по адату представлял собой словесное, добровольное разбирательство. Каждая сторона выбирала своих уполномоченных. Суд был гласный и публичный. Призывались свидетели, их приводили к присяге... По адату разбирались преимущественно дела о воровстве, о наследовании, об отношении детей к своим родителям, мужей к жёнам и т.д.

Преступления большей важности: убийство, ранение, насилие над женщиной и другие виды оскорблений чаще решались правом мщения... Самые жестокие кровомщения были за женщину. Зато преднамеренных убийств, совершенных с целью грабежа, почти не встречалось" [7, с. 63].

Неизвестный (Дж. Эллис?) автор говорит о законах у черкесов: "Судя по всему, у черкесов нет письменных законов. Живут они по общему праву или старинным обычаям. В особо важных случаях собирается весь народ. Созвать всенародное собрание предлагает старший из князей. Сначала это предложение обсуждается среди узденей (свободных- А. С.), которые затем выносят его на обсуждение старейшин, выбираемых из стариков специально для этой цели. Нередко старейшины обладают большим влиянием, чем даже сами князья. Если какое-либо предложение принимается старейшинами, то оно автоматически становится народным решением и народ подтверждает его принятие торжественной клятвой. Народные собрания обычно проходят недалеко от жилища князя на площади, которая отведена под собрания". [8, с. 32].

Письменных законов в очень важных областях жизни, например, в области землевладения, не было и у чеченцев. Известный ученый XIX века Ф. И. Леонтович писал: " право личной поземельной собственности доселе не существует в Чечне... Земля разделилась между этими маленькими племенами или тохумами, как их зовут в Чечне, однако ж не раздробилась на участки между членами их, но продолжала по-прежнему быть общею нераздельною собственностью целого родства" [9, с. 149]. Такие взаимоотношения в землевладении в чеченских селах существуют и сейчас, хотя никогда не были записаны, как и многие другие нормы адата. Знание арабского языка, на котором велось делопроизводство на Северном и Западном Кавказе в описываемое время, было распространенным и среди черкесов, но по какой- то неизвестной причине адыгэ-хабзэ сохранился и сохраняется сейчас только в устной форме.

Например, одним из решений Совета Хасе-собрания мудрых и старейших адыгов, собиравшихся при той или иной важной причине, сохраняющимся тоже в устной традиции, было то, что при упоминании имени достойного человека, рода или павшего смертью героя все, кто при этом присутствует, встают и на несколько мгновений " благоговейно замирают... Это ода человеческому величию, мужеству, доблести, благородству, красоте и чести"(7, с. 40).

Согласно адыгэ-немысу (адыгскому этикету), ни один черкес не потерпел бы нечеловеческого отношения к себе. Поэтому адыгские князья лишь в редчайших случаях проявляли грубость или неуважение к низшим социальным слоям адыгского общества. По словам адыгского просветителя XIX века А. Г. Кешева, у адыгского крестьянина " ...нет ни малейшего признака раболепства. Он также свободно говорит со своим господином как с ровней, и никогда не позволит ему возложить десницу на свою физиономию. Он не терпит также разных кличек... и откликается только на свое имя" [7, с. 41].

"Князей, не соответствовавших своему высокому статусу, не следовавшим законам адыгского этикета, или изгоняли или лишали их княжеского звания на народных собраниях Хасэ" [7, с. 41].

Ян Потоцкий в 1798 году писал: "Проблемы, представлявшие интерес для всей страны, обсуждаются на " поках", представляющих собой род собрания выборных. На них председательствует старейший князь... на собраниях есть две палаты - князей и дворян; в каждой из них есть свои ораторы; обе палаты направляют друг другу свои депутации, и как говорят, они проходят с большим достоинством" [7, с. 42].

Развитию связей как внутри одного народа, так и международных связей на Северном и Западном Кавказе, как и в других частях Кавказского региона, способствовали древние обычаи куначества и аталычества.

Взаимоотношения куначества возникали при самых разных обстоятельствах. Это могла быть и первая встреча гостя и хозяина и даже взаимоотношения между пленными и их хозяевами. На судьбу пленного во время взятия имамом Шамилем Кази- Кумуха князя Илико Орбелиани весьма повлиял глубоко почитаемый Шамилем шейх Джамалуддин Казикумухский, "... который задолго до окончания переговоров взял над пленными особое попечение, считая это делом богоугодным. Накануне обмена шейх привел пленных в свой дом, накормил и велел перевязать их раны. На прощанье шейх сказал Орбелиани: " Теперь мы с тобой кунаки. Приезжай к нам, когда захочешь, и ты всегда будешь в совершенной безопасности и принят как свой" [3, с. 125].

Современные исследователи истории Кавказа говорят: " Кунаков связывали взаимопомощь и участие в важнейших делах друг друга. Бывало, что кунак заменял детям умерших родителей и опекал их до совершеннолетия. Куначество передавалось и по наследству, семьи как бы становились родными, помогая в делах и навещая друг друга, вместе ездили на свадьбы, приносили соболезнования и т.д. "[2, с. 372]. Жива эта традиция, хотя и не в таких масштабах, и сейчас.

Этнограф Н.Анисимов писал: "... Нередко горский еврей (тат - А. С.) вступает с мусульманином в дружбу и, горячо поцеловавшись с ним, делается на всю жизнь его " курдашем". При этом они обмениваются оружием, дают друг другу " священный обет" не пожалеть и головы в случае надобности для спасения друг друга" [2, с. 272].

Отношения куначества распространялись и на русское население Северного Кавказа. Летом 1853 года великого писателя Льва Толстого спас для мира его кунак Садо Мисирбиев.

В разнообразии международных связей на Западном Кавказе особое значение имел обычай "...искусственного родства (аталычества) ... В домах князей Большой Кабарды росли будущие крымские ханы из рода Гиреев. Сами они отдавали детей на воспитание узденям Малой Кабарды, а те, в свою очередь, выбирали "дядек" - аталыков из низших узденей Центрального Кавказа" [10, с. 65].

В Дагестане аталычество было распространено у кумыков.

Аталычество считалось делом богоугодным, потому что сам основатель Ислама Мухаммад провел несколько лет в семье арабов - кочевников как воспитанник.

Русский военный разведчик и дипломат немецкого происхождения Ф. Ф. Торнау писал: "У черкесов существует давний обычай не воспитывать дома детей знатного происхождения. Вскоре после рождения мальчика отдают обыкновенно на прокормление и воспитание в чужую семью, до тех пор, пока он не подрастет и не научится владеть оружием. Весьма часто выбирают для этого совершенно другое племя. Принявший на воспитание ребёнка называется аталык (от тюрского " ата" - отец - А. С.) и приобретает все права кровного родства с семейством своего питомца. Этот обычай много способствует к примирению и к сближению между собою разноплеменных горских семей и обществ, а дети научаются говорить на чужих наречиях, что для них бывает весьма полезно при существующем на Кавказе многоязычии. Женщины заботятся с особенною нежностью о своих питомцах, которые тем сильнее привязываются к посторонним кормильцам, чем менее знают своих родных матерей... [2, с. 114].

Кумыки часто отдавали своих детей на воспитание уважаемым в обществе узденям.

Срок пребывания в доме аталыка... определялся для мальчика 8-13 годами (иногда до 17-18 лет), для девочки - до 12-13 лет. Аталык учил своего питомца всему, что должен был знать и уметь каждый молодой дворянин и князь: правилам поведения, верховой езде, стрельбе, физическим упражнениям, хозяйственным и другим навыкам... Воспитание девочки входило в обязанности жены аталыка: она учила ее рукоделию, различным женским работам и обязанностям будущей хозяйки, тонкостям этикета... При завершении срока воспитания аталык дарил воспитаннику парадную одежду, коня, воображение и торжественно, в присутствии родственников, возвращал его в родной дом. С такой же торжественностью возвращали и девушку. Семья воспитанника устраивала по этому поводу большие торжества, преподносила аталыку и его семье дорогие подарки (оружие, коня, скот, земельный участок и т.д.)" [2, с. 114].

В течение XIX века институт аталычества постепенно принимает более простые формы: срок пребывания воспитанника у аталыка соглашается до 3-х, редко достигает 7 лет, возвращение в родной дом лишается прежней, столетиями бывшей торжественности и к концу XIX века аталычество прекращает свое существование.

В первой половине XIX века на Северном Кавказе происходит процесс феодализации сельских общин. Контроль феодалов над общинами, попавшими под их власть, приводит к тому, что:

1. На должности сельского самоуправления, которые раньше были только выборными, теперь происходит назначение по воле феодала;
2. Совет старейшин превращается в совещательный орган;
3. Судопроизводство переходит к феодалу или к назначенному им человеку;
4. Совершенно утрачивается значение народного собрания как высшего органа власти.

Исключением из этих правил были сохранившие демократическое управление черкесские народы на Западном Кавказе, Ингушетия и Чечня и горные народы Дагестана, входившие в состав Имамата Шамиля.

Во второй половине XIX века на смену традиционному общинному управлению. У горцев Дагестана приходило государственно-административное управление. При этом следует отметить, что общинные, в их числе родственные правила и обычаи оставались основой народной жизни и сохраняют во многом это значение до сегодняшнего дня. Хотя и здесь в настоящее время появляются печальные тенденции: житель селения Ансалта Ботлихского района, всю жизнь работавший юристом, с горечью пишет: "Селение росло и менялось вместе со мной. Сегодня моему селению сложно и тяжело: нет больше былого единства и сплоченности между сельчанами. Каждый живет сам по себе в своем маленьком мире, отгораживаясь друг от друга заборами и красивыми воротами. Самая большая наша беда - не наши житейские проблемы, а

наше высокомерие, зависть, гордость, безразличие и алчность. Моральные ценности людей стали совершенно другими. Сосед дал соседу в долг, тот сразу намекает на проценты. А ведь этого раньше не было ни в истории селения, ни в истории Дагестана. Обман всегда считался позором, а сейчас многие с легкостью обманывают друг друга и не то, что не краснеют, а бахвалятся этим. Дают пустые обещания, что разлагающее влияет на нашу нравственность и мораль... Как не хватает сегодня каждому из нас основы основ горского этикета: намуса, согласия, братства, доброты и милосердия, чести и достоинства, правды и справедливости, истинной и искренней мусульманской любви! "[11, с. 15-17].

Библиографический список

1. Законы вольных обществ XVII - XIX вв.: Архивные материалы. - / Сост., предисл., примеч. Х.- М. Хашаев; отв. ред. Г.-А. Данилов., - Махачкала: ИД " Эпоха", 2007,-300 с.: ил.
2. 2.Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. - М.:Мол. гвардия, 2003,452 с.:ил.
3. 3. Казиев Ш. М. Имам Шамиль.- 3- е изд., испр и доп.- М., Молодая гвардия, 2006, - 382 с.: ил.
4. 4.История и культура чеченского народа. - М: Издательство " Реал- Групп", 2092, - 152 с.
5. 5 А. П. Берже. Чечня и чеченцы.-Грозный: ГУП" Книжное издательство", 2008, - 155 с.
6. 6.Иоганн Браламберг. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. - Москва: Изд. Надыршин А. Г., 2005, - 432 с.
7. 7. Сообцокова, Нуриет. Адыги- черкесы: люди, нравы, обычаи и традиции/ Н. Сообцокова. - Краснодар: Когорта, 2010,- 352 с.: ил.
8. 8. Неизвестный (Дж. Эллис?) автор" Записки к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями, с перечислением кавказских народов и словарей их языков"(Лондон, 1788).//Одежда и быт.- Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых(" Полиграфсервис и Т."), 2007, - 76 с.
9. 9.Покровский Н.Н. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В. Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. - М.: " Российская политическая энциклопедия"(РОССПЭН), 2009,- 584 с., ил.
10. 10. Северный Кавказ в составе яроссийской империи. М: Новое литературное обозрение, 2007, - 460 с., ил.
11. 11. Рашидов А. М. Ансалта: прошлое и настоящее, - Махачкала: Издательство ООО " Мавел", 2014,- 232 с.

Сведения об авторе:

Слюнкин Александр Александрович, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: trubchevsk-sobor@mail.ru

ВОЙНА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(100)"1915-1916/19"

А. В. Вавилин

СМЕРТЬ И КОММЕМОРАЦИЯ В ДНЕВНИКЕ ЧАРЛЬЗА МЭЯ 1915-1916 гг.

Аннотация: В статье рассматривается трансформация отношения к смерти в сознании британского офицера Первой мировой войны на материале окопного дневника и личной переписки капитана Чарльза Мэя, которые интерпретируются как микроисторическая лаборатория, в рамках которой устоявшиеся культурные модели смерти подвергаются испытанию, разрушению и перекомбинации под воздействием индустриализованного насилия. В отличие от иллюстративного использования источника для подтверждения макроисторических изменений, дневник Мэя позволяет наблюдать процесс распада и ситуативной реконфигурации ментальных схем в режиме реального времени. Опираясь на интерпретативное применение типологии исторических режимов смерти Ф. Арьеса, статья показывает, что фронтовой опыт не приводит к линейной смене ментальных форм. Напротив, он порождает ускоренный и сжатый процесс, в рамках которого элементы «прирученной», «своей», «дикой» и «перевернутой» смерти сосуществуют, накладываются друг на друга и вступают в напряжённое противоречие. Особое внимание уделяется адаптивным механизмам — языковому клишированию, ритуализированной деперсонализации, эстетизированному наблюдению и статистической абстракции утрат, — которые функционируют как временные стратегии поддержания психологической операционности в условиях массового уничтожения. Посмертная коммеморация Мэя, реконструируемая на основе семейной переписки, газетных некрологов и мемориальных практик, расширяет пределы данной «лаборатории» за рамки индивидуального опыта, выявляя воспроизводство тех же защитных механизмов на уровне коллективной памяти. В совокупности дневник и его посмертная история образуют единый аналитический корпус, фиксирующий более широкий культурный разлом и демонстрирующий, как индустриальная война подрывала возможность устойчивого, персонализированного отношения к смерти, заместив его фрагментированными, управленческими и эстетизированными режимами её осмысления.

Ключевые слова: Первая мировая война; история ментальностей; восприятие смерти; эго—документы; коммеморация; микроистория

Vavilin A.V. Death and Commemoration in the Diary of Charles May (1915–1916).

Abstract: This article examines the transformation of attitudes toward death in the consciousness of a British officer during the First World War, using the trench diary and personal correspondence of Captain Charles May as a microhistorical laboratory in which established cultural models of death are tested, disrupted, and recombined under the conditions of industrialized warfare. Rather than serving as a mere illustration of macrohistorical change, May's diary allows for close observation of how mental frameworks collapse and are reconfigured in real time. Through an interpretative engagement with Philippe Ariès's typology of historical regimes of death, the article demonstrates that front-line experience did not produce a linear succession of mental forms. Instead, it generated an accelerated and compressed process in which elements of "tamed," "one's own," "wild," and "inverted" death coexist, overlap, and enter into open tension. Particular attention is paid to adaptive mechanisms such as linguistic clichédness, ritualized depersonalization, aestheticized observation, and the statistical abstraction of loss, all of which functioned as provisional strategies for maintaining psychological operability amid mass killing. The posthumous commemoration of May—examined through family correspondence, newspaper obituaries, and memorial practices—extends this laboratory beyond the individual level, revealing the same protective mechanisms at work within collective memory. Together, the diary and its afterlife form a coherent analytical corpus that captures a broader cultural rupture, illuminating how

industrial war undermined the possibility of a stable, personalized relationship to death and replaced it with fragmented, managerial, and aestheticized modes of understanding.

Keywords: *First World War; history of mentalities; perception of death; ego—documents; commemoration; microhistory*

Окопный опыт Чарльза Мэя разворачивается не в вакууме, а на фоне устойчивого набора социальных, культурных и институциональных ожиданий, характерных для эдвардианской Британии и её доминионов. Реконструкция этого контекста необходима не для того, чтобы объяснить психологические реакции автора дневника, а для того, чтобы очертить границы нормативного языка, в рамках которого война и смерть мыслились как поддающиеся осмыслению, дисциплине и контролю — до столкновения с фронтовой реальностью. Происхождение Мэя отражает типичную траекторию «имперского британца». Рождение в Данидине (Новая Зеландия) и последующее возвращение семьи в метрополию были не случайным биографическим эпизодом, а элементом широкой модели имперской мобильности [5].

Колониальный средний класс, добившийся экономической устойчивости на периферии Империи, возвращался в Англию с чувством социальной легитимности и принадлежности к расширенному, «надлокальному» британскому миру. Эта гибридная идентичность сочетала в себе уверенность в собственной полезности Империи, представление о цивилизаторской миссии и привычку к адаптации — качества, которые позднее будут востребованы военной системой, но не гарантируют психологической устойчивости перед лицом массового насилия [6].

Довоенная профессиональная карьера Мэя — секретарь в семейной фирме — укладывается в ценностный код эдвардианского среднего класса: дисциплина, лояльность, рациональность, ориентация на долг и корпоративную ответственность. Это был не аристократический идеал офицерства, основанный на наследственном статусе, а буржуазная модель гражданского служения, в рамках которой военная служба мыслилась как продолжение социальной и профессиональной респектабельности и не предполагала радикального разрыва с прежней идентичностью [9].

Ключевую роль в формировании этих ожиданий играли территориальные части и связанные с ними добровольческие структуры. Служба в таких подразделениях, как кавалерийский полк Короля Эдуарда, была не только военной подготовкой, но и формой социального воспроизводства: школой лидерства, товарищества и управляемой дисциплины. Этот опыт закреплял представление о войне как о пространстве, где риск смерти подчинён профессиональной этике, личной доблести и иерархии, — представление, во многом анахроничное уже к 1914 г. Особое место в этом нормативном ландшафте занимал феномен «батальонов приятелей» (Pals Battalions) [15].

Основанный на мобилизации уже существующих гражданских связей — профессиональных, локальных, дружеских, — этот институт был попыткой перенести в армию логику гражданского общества. Служба «со своими» должна была смягчить страх перед войной, сохранить ощущение социальной непрерывности и придать возможной гибели понятный и коллективно разделяемый смысл. Однако именно эта стратегия, ориентированная на сохранение «домашнего» измерения войны, создала предпосылки для масштабной коллективной травмы, когда боевые потери разрушали не только воинские части, но и целые микро—сообщества в тылу [12].

Формирование «Новой армии» Китченера в целом представляло собой компромисс между старым и новым порядком. С одной стороны, она опиралась на архаичные принципы добровольчества, локальной идентичности и гражданского долга; с другой — должна была функционировать в условиях индустриальной войны, основанной на массовом применении

артиллерии, пулемётов и анонимного огня. Подготовка на Солсберийской равнине, с её акцентом на дисциплину, выносливость и стоическое принятие трудностей, создавала иллюзию управляемого перехода к войне, но фактически лишь отсрочивала столкновение с реальностью «дикой», статистической смерти [16].

Таким образом, институциональная и биографическая рамка, в которую был включён Чарльз Мэй, формировала набор устойчивых ожиданий: представление о войне как о рационально организованном испытании, о смерти как о риске, поддающемся моральному и ритуальному осмыслению, и о субъекте как о носителе долга и профессиональной функции. Именно эти ожидания — а не их успешная трансформация — становятся в дальнейшем объектом разрушения в окопном опыте, зафиксированном в дневнике.

ДНЕВНИК КАК ПОЛЕ ФРАГМЕНТАЦИИ ОПЫТА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Дальнейший анализ дневниковых записей Чарльза Мэя исходит из отказа рассматривать их как последовательное отражение исторических этапов восприятия смерти. Опыт фронта не воспроизводит макроисторическую логику постепенной трансформации, описанную Ф. Арьесом, и не позволяет реконструировать устойчивую «динамику» в строгом смысле слова. Напротив, дневник фиксирует ситуацию, в которой различные исторические формы осмысления смерти сосуществуют, накладываются и вступают в противоречие в пределах одного и того же временного отрезка.

Используемое в исследовании понятие «свёрнутой трансформации» обозначает не ускоренное прохождение стадий, а разрушение самой предпосылки линейности. Речь идёт о травматической фрагментации восприятия, при которой сознание вынуждено ситуативно обращаться к разнородным культурным и психологическим ресурсам — от ритуализации и стоического самоконтроля до клишированного языка и деперсонализации, — не формируя при этом устойчивой позиции по отношению к смерти.

Поэтому аналитические главы статьи организованы не хронологически и не в соответствии с этапами арьесовской модели, а вокруг ключевых противоречий фронтового опыта. Каждая из них рассматривает конкретные дневниковые записи как локальные конфигурации несовместимых режимов осмысления, возникающие в ответ на давление тотального насилия. Такой подход позволяет использовать схему Арьеса не как объяснительную матрицу, а как инструмент выявления тех точек, где индивидуальный опыт выходит за пределы её применимости.

РИТУАЛИЗАЦИЯ И КОРПОРАТИВНЫЙ ЯЗЫК КАК СУРРОГАТ ПОРЯДКА

В дневниковых записях Чарльза Мэя встречаются эпизоды, в которых реакция на гибель сослуживцев оформляется через устойчивый набор ритуализированных формул и профессиональных клише. Эти фрагменты не свидетельствуют о сохранении домодерной модели «прирученной смерти» в арьесовском смысле, а демонстрируют её фрагментарное и функциональное воспроизведение в условиях, где сама возможность устойчивого ритуала уже подорвана [1].

Показательным в этом отношении является запись от 26 ноября 1915 г., посвящённая гибели офицера — подрывника — брата товарища Мэя. Смерть описывается через стандартные характеристики: «энергичный молодой парень», «многообещающий офицер». Эти формулы образуют своего рода профессиональный панегирик, мгновенно переводящий случайную и абсурдную гибель в рамку служебного долга и утраченного потенциала. Категория «чертовски невезение» выполняет здесь функцию объяснительного ярлыка, аналогичного архаическому

принятию «воли судьбы»: она снимает вопрос о причинах и смысле, редуцируя произошедшее к безличной случайности [10 pp.23-24].

Характерно, что скорбь в этом эпизоде вынесена вовне и описывается через наблюдение за состоянием другого: «Это выбило Тауни из колеи, и он очень плохо выглядит». Переживание утраты фиксируется не как внутренний аффект автора, а как видимый симптом в теле и поведении товарища. Завершающие формулы — «бедный старина», «отличный парень» — функционируют как акты краткого ритуального прощания внутри мужской общины, подтверждающие коллективную солидарность перед лицом потери [9]. Однако в отличие от подлинной «прирученной смерти» традиционного общества, этот ритуал лишён протяжённости, сакрального измерения и устойчивой символической структуры. Его функция сугубо прагматична: не сохранение памяти и не интеграция смерти в космический порядок, а быстрая психологическая стабилизация группы в ситуации продолжающейся угрозы. Ритуал здесь не выражает принятие смерти, а служит аварийным средством её нейтрализации [17].

Таким образом, обращение к ритуализированному и корпоративному языку в дневнике Мэя следует понимать не как этап трансформации отношения к смерти, а как ситуативную стратегию психологического выживания. Это попытка наложить знакомую семантическую сетку долга, случайности и товарищества на опыт, который по своей природе сопротивляется осмыслению. Данный эпизод демонстрирует один из возможных режимов реакции на фронттовую гибель, сосуществующий с другими, зачастую несовместимыми способами восприятия, которые будут рассмотрены далее.

СМЕРТЬ КАК АДМИНИСТРАТИВНАЯ РУТИНА

Запись от 27 января 1916 г. фиксирует принципиально иной режим восприятия смерти, резко отличающийся от ритуализированного и эмоционально окрашенного языка более ранних эпизодов. Если в ноябрьских заметках гибель товарища ещё требовала словесного оформления, апелляции к корпоративным добродетелям и минимального акта коллективного прощания, то здесь смерть окончательно утрачивает статус события, требующего символической обработки. Она превращается в элемент повседневной оперативной реальности [10 pp.24-25].

Ключевым является способ фиксации произошедшего. Смерть не описывается как личная утрата или моральный вызов, а упоминается в одном ряду с перемещениями подразделений, состоянием траншей и погодными условиями. Лексика записи сближается с языком рапорта: краткость, отсутствие эмоциональных маркеров, нейтральность формулировок. Даже сама констатация гибели приобретает характер технической информации — факта, подлежащего учёту, а не осмыслению. Таким образом, дневник начинает функционировать как продолжение административного дискурса армии, а не как пространство личной рефлексии.

Этот сдвиг нельзя интерпретировать как результат «привыкания» или эмоционального оскудения в банальном смысле. Речь идёт о глубокой трансформации защитных механизмов сознания. Там, где ранее использовались суррогаты ритуала и корпоративной солидарности, теперь активируется логика функциональной дистанции. Смерть обезличивается не потому, что она стала менее значимой, а потому, что её постоянное присутствие делает любые формы персонализированного отклика психологически невыносимыми [10].

В терминах Ф. Арьеса здесь проявляются черты «дикий» и «перевёрнутой» смерти, однако в специфически фронтовом, институционально опосредованном виде. Это не вытеснение смерти из публичного пространства, характерное для позднемодерной культуры, а, напротив, её полная интеграция в производственный процесс войны. Смерть становится издержкой функционирования системы — событием, которое должно быть зафиксировано, учтено и компенсировано, но не пережито. В этом смысле фронтовая повседневность опережает

культурные сдвиги мирного общества, реализуя логику «перевернутой смерти» в экстремально сжатом виде [1].

Важно подчеркнуть, что данный режим восприятия не отменяет и не вытесняет полностью более ранние формы реагирования, зафиксированные в дневнике. Он сосуществует с ними, однако постепенно занимает доминирующее положение, вытесняя ритуализированные и эмоционально насыщенные реакции на периферию опыта. Именно это сосуществование и нестабильность режимов делает дневник Мэя ценным источником для анализа: он позволяет наблюдать не «переход» от одной модели к другой, а процесс истощения символических ресурсов сознания под давлением непрерывного насилия [10; 14].

Таким образом, запись от 27 января 1916 г. демонстрирует не просто очередной этап адаптации, а качественный сдвиг в способе фиксации реальности. Дневник перестаёт быть пространством переработки травмы и всё чаще выполняет функцию журнала учёта — минимального когнитивного инструмента выживания в условиях, где сама необходимость осмысления смерти становится роскошью.

ЮМОР И ИРОНИЯ КАК ПОСЛЕДНЯЯ ЛИНИЯ ОБОРОНЫ

В ряде записей дневника Чарльза Мэя юмор и ирония выступают в качестве особого защитного механизма, возникающего на стыке между эмоциональным истощением и невозможностью дальнейшей рационализации насилия. В отличие от ритуализированного языка ранних записей и административной сухости конца января, ироническая интонация маркирует момент, когда привычные формы осмысления смерти перестают работать, но окончательная деперсонализация ещё не достигнута [7].

Фронтový юмор, фиксируемый Мэем, не имеет ничего общего с игровым или развлекательным смехом. Он лишён разрядки и не направлен на восстановление внутреннего равновесия. Напротив, он функционирует как форма когнитивного и морального искажения, позволяющая на короткое время удерживать дистанцию между субъектом и непереносимым содержанием опыта. Ирония здесь — это не отрицание ужаса, а его косвенное признание, осуществляемое в форме, которая минимизирует риск аффективного срыва [7; 9].

Особенно показателен саркастический тон, с которым Мэй иногда описывает ранения или гибель сослуживцев. Насмешка не выражает жестокости или утраты эмпатии в прямом смысле; она является реакцией на структурную абсурдность происходящего. Когда смерть становится повседневным и случайным результатом механического процесса, любое серьёзное высказывание о ней грозит либо патетикой, либо отчаянием. Юмор позволяет избежать обоих полюсов, заменяя их циничной нейтральностью, в которой чувство замаскировано, но не устранено [7].

В терминах арьевской модели подобная реакция не укладывается ни в рамки «прирученной смерти», ни в логику «смерти своей». Здесь отсутствует как коллективный ритуал принятия, так и углублённая личная рефлексия. Юмор не создает смысла и не предлагает интерпретации; он лишь временно деактивирует вопрос о смысле как таковой. В этом отношении ирония выступает не как этап эволюции восприятия смерти, а как симптом кризиса всех предыдущих моделей [7].

Важно отметить и социальную функцию фронтového юмора. Он работает как форма негласного согласия внутри мужской военной общины: возможность говорить о непереносимом, не называя его напрямую. Однако эта коммуникация предельно хрупка. За ней не стоит коллективная память или сакральная структура — только мгновенное узнавание общего ужаса. Именно поэтому ирония столь быстро сменяется либо молчанием, либо возвратом к

клишированным формам речи, которые будут подробно рассмотрены в следующей главе [9; 14].

Таким образом, юмор и ирония в дневнике Мэя представляют собой последнюю линию психологической обороны перед окончательной капитуляцией субъекта перед логикой статистической, обезличенной смерти. Это не форма принятия и не путь к примирению с конечностью, а кратковременный жест отчуждения, позволяющий сознанию удержаться на грани между переживанием и распадом. Их появление знаменует момент, когда даже суррогаты «прирученной» смерти исчерпаны, а пространство для «своей» смерти окончательно сжимается.

«СМЕРТЬ СВОЯ»: ПРЕДЕЛ И СРЫВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Если суррогаты «прирученной смерти» и последующая административная рутинизация гибели представляли собой коллективные и институциональные способы дистанцирования от хаоса, то следующий корпус дневниковых записей фиксирует попытку иного рода — напряжённое и предельно уязвимое стремление к индивидуальному присвоению опыта смерти. Эта попытка лишь внешне напоминает то, что Ф. Арьес описывал как становление «смерти своей» — интимного, личного отношения к конечности как к экзистенциальному событию [1]. В условиях фронта подобная позиция не может оформиться в устойчивую ментальную структуру; она возникает как кратковременный психологический эксперимент, быстро достигающий своего предела и оборачивающийся срывом [10].

Таким образом, речь идёт не о полноценном этапе «эволюции» восприятия смерти, а о предельной форме сопротивления сознания логике «дикой» и статистической гибели. Индивидуальное осмысление здесь не углубляется, а перегружается: субъект берёт на себя слишком большую меру ответственности, идентификации и морального ужаса, с которыми психика в условиях непрерывного насилия не в состоянии справиться. Именно поэтому данная фаза оказывается не кульминацией развития, а точкой надлома.

Запись от 10 января 1916 г., посвящённая тяжёлому ранению самого Мэя, демонстрирует раннюю форму этой попытки присвоения судьбы. Ранение осмысливается им не как экзистенциальная катастрофа, а как допустимый профессиональный сбой: «Я решил, что с такой серьёзной раной можно извинить человека...». Эта формула представляет собой акт внутреннего суда, в котором Мэй остаётся активным субъектом оценки даже в момент телесной уязвимости. Его поведение — уход под стог, курение трубки, ожидание разрешения — выстраивается как персональный ритуал самоконтроля, позволяющий удержать ощущение агентности [10 pp.65-66].

Однако эта стоическая интонация не свидетельствует о подлинном «присвоении» смерти в арьевском смысле. Напротив, ранение интерпретируется как элемент профессиональной деятельности, а не как событие личной судьбы. Сравнение с довоенным «я» («Год назад я бы очень переживал...») фиксирует не углубление экзистенциальной чувствительности, а её редукцию: субъект принимает угрозу смерти постольку, поскольку она встроена в логику работы. Это не «моя смерть», а мой временный выход из строя — форма адаптации, которая маскирует, но не разрешает травму.

Запись от 27 января 1916 г. разворачивает иную, более напряжённую форму индивидуального сопротивления. Здесь попытка удержать субъективный смысл осуществляется не через стоицизм, а через гипертрофированное утверждение жизни и порядка. Педантичные рассуждения об устройстве уборных, критика расточительности и неэффективности армейской администрации выступают как символические жесты восстановления гражданской рациональности в пространстве войны. Это попытка противопоставить хаосу насилия ценности

управления, бережливости и ответственности — последние реликты довоенного буржуазного мира [13].

Однако подлинным эмоциональным ядром записи становится реакция на письма от жены. Образ «любимой жены и ребёнка» формирует не столько устойчивый альтернативный смысл, сколько хрупкий внешний якорь, удерживающий субъекта от полного растворения в логике фронта. Это не автономная внутренняя позиция, а зависимость от мира, который существует лишь в воображении и письмах. Именно поэтому этот источник смысла столь уязвим: он не интегрирован в фронтовую реальность и не может быть ею поддержан [14].

Запись от 25 февраля 1916 г. становится моментом, в котором предел данной стратегии обнаруживает себя с максимальной ясностью. Обнаружение детской Библии убитого немецкого солдата с надписью «Отец» вызывает у Мэя мгновенную экзистенциальную идентификацию: «У меня тоже есть маленький ребёнок». В этот момент разрушается фундаментальное фронтовое различие между «своим» и «чужим»; смерть перестаёт быть абстрактной или функциональной и обретает конкретность уникальной человеческой трагедии [10 pp.107-108].

Однако этот прорыв к универсальности не приводит к формированию устойчивой позиции «смерти своей». Напротив, он оказывается непереносимым. Интенсивность морального ужаса и ответственности требует немедленного защитного манёвра. Таким манёвром становится резкий переход к клишированному морализированию («как было бы хорошо, если бы кайзеры... были повержены»), где конкретная, личная трагедия растворяется в абстрактном осуждении системы и её лидеров. Это не углубление рефлексии, а её срыв: сознание отступает от непосредственного экзистенциального столкновения в безопасную зону готовых объяснительных формул [7].

Контраст с наивным вопросом из тыла («Чем ты занимаешься в воскресенье?») подчёркивает окончательный разрыв между фронтовым опытом и миром повседневной жизни. Однако этот разрыв не приводит к формированию автономной фронтовой идентичности, способной выдержать «смерть свою». Напротив, он усиливает изоляцию субъекта, лишая его возможности разделить и переработать пережитое [9].

Таким образом, «смерть своя» в дневнике Чарльза Мэя предстаёт не как достигнутый этап, а как кратковременный и неустойчивый предел индивидуального осмысления, за которым следует психологический откат. Попытка сделать смерть личной, осмысленной и морально выносимой терпит крах под давлением тотального и технологического насилия. Этот крах подготавливает переход к следующему режиму адаптации — деперсонализации и клишированию реакции на гибель других, где речь идёт уже не о понимании смерти, а о выживании перед её лицом.

СМЕРТЬ КАК КЛИШЕ: ЯЗЫК, РИТУАЛ И ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ

Крах индивидуального осмысления смерти, зафиксированный в предшествующем разделе, не ведёт к углублению молчания или к радикальному отказу от символической обработки утраты. Напротив, дневник Чарльза Мэя демонстрирует иной путь адаптации — переход от экзистенциальной рефлексии к языковым и ритуальным автоматизмам. После того как попытка пережить смерть как личную и морально значимую реальность оказывается психологически непереносимой, сознание смещает фокус с понимания на функционирование, с переживания — на воспроизведение готовых форм [14].

В этом контексте язык перестаёт быть средством осмысления и становится инструментом защиты. Повторяющиеся формулы, стандартные эпитеты и устойчивые обороты не столько описывают смерть, сколько изолируют субъекта от её разрушительного воздействия. Клише выполняет функцию мгновенного семантического контейнера, позволяющего

«упаковать» событие гибели без вовлечения в его эмоциональные и моральные последствия. Это не забывание и не вытеснение, а форма контролируемого отчуждения [8; 7].

С точки зрения теоретической схемы Ф. Арьеса данный феномен лишь частично пересекается с тем, что он описывал как «смерть твою» — модель, основанную на культе памяти, публичной скорби и углублённой работе траура [1]. Однако фронтовые практики, зафиксированные Мэем, представляют собой её точную инверсию. Здесь смерть другого не становится поводом для мемориализации и сохранения уникальности личности; напротив, индивидуальность жертвы максимально редуцируется, а сама утрата переводится в регистр служебной необходимости или морально нейтрального факта [12].

Ритуал в этих условиях также утрачивает сакральное измерение. Он не направлен на поддержание связи между живыми и мёртвыми, а служит средством быстрой стабилизации психического состояния группы. Короткие формулы прощания, героические клише и корпоративные эпитафии функционируют как сигналы завершения эмоционального эпизода, позволяя немедленно вернуться к выполнению задач. Речь идёт о ритуале без трансценденции — технической процедуре, встроенной в повседневность войны [14].

Деперсонализация становится логическим итогом этого процесса. По мере того как язык теряет способность удерживать уникальность опыта, смерть окончательно превращается в абстрактную категорию, подлежащую учёту и распределению. Индивидуальная биография растворяется в функциональных характеристиках — звании, роли, полезности для подразделения. В этом смысле деперсонализация не является моральным дефектом или признаком утраты человечности; она выступает необходимым условием психологического выживания в системе, где персонализированное горе невозможно выдержать [10].

Таким образом, данная глава рассматривает клише, ритуал и деперсонализацию не как вторичные или поверхностные явления, а как ключевые механизмы адаптации сознания к режиму «дикий» смерти. Анализ соответствующих дневниковых записей позволяет увидеть, как язык войны формирует особую антропологию утраты, в которой смерть больше не требует понимания — достаточно, чтобы она была корректно названа, зафиксирована и оставлена позади.

РИТУАЛЫ ОТЧУЖДЕНИЯ

Если попытка пережить смерть как «свою» знаменовала собой предельную форму индивидуальной интериоризации травмы, то последующая динамика дневника Мэя фиксирует слом этой хрупкой субъективной позиции. Сознание, столкнувшись с частотой, повторяемостью и абсурдностью гибели, начинает вырабатывать иные защитные механизмы — прежде всего механизмы деперсонализации и языковой автоматизации [14]. В терминах Ф. Арьеса данный феномен может быть описан как инверсия того, что он обозначал как этап «смерти твоей» [1]. Если в классической модели XIX века «смерть твоя» предполагала углублённую работу памяти, романтизацию утраты и эмоционально насыщенное переживание гибели другого, то в условиях окопной войны эта логика претерпевает радикальное искажение [12]. Смерть товарища встречается не усилением личной скорби, а её ритуализированным подавлением посредством готовых языковых и поведенческих клише. Возникает не переживание утраты, а её функциональный суррогат — набор формальных действий (штампованное соболезнование, моментальная героизация, обезличенный учёт), задача которых состоит не в осмыслении произошедшего, а в быстрой стабилизации психического состояния и дистанцировании от травмы [8; 9]. Речь идёт не о скорби, а о её симуляции — минимально достаточной для сохранения внешней нормы и внутренней работоспособности. Таким образом, данный подраздел анализирует не очередную фазу арьевской схемы, а специфический фронтовой

механизм психологической защиты, возникающий между срывом личной рефлексии («смерти своей») и окончательным принятием обезличенной логики «дикой» смерти [1; 7].

Запись от 2 марта 1916 г. наглядно демонстрирует работу этого механизма защитного клиширования. Гибель товарища не становится поводом для экзистенциального вопрошания, а немедленно «упаковывается» в заимствованную, готовую формулу — фразу «Он сражался до последнего» [10 pp.115-117]. Это клише выполняет функцию мгновенного смыслового экрана: оно придаёт смерти социально одобряемое героическое значение и позволяет автору дистанцироваться от её непосредственного ужаса [7]. Последующие характеристики («спокойный, проникательный», «хороший парень») продолжают этот процесс, формируя стандартный ритуал символического завершения. Эмоционально сдержанное обращение «бедняга» фиксирует завершённость защитного акта: смерть отмечена, классифицирована и отодвинута. Это не проживание «твоей» смерти, а отработка процедуры её нейтрализации.

Запись от 6 апреля 1916 г. показывает, однако, что данный механизм остаётся внутренне неустойчивым и даёт сбой при столкновении с сильной личной привязанностью. Описание начинается в режиме обезличенного учёта — «серьёзная потеря», «три сержанта убиты» — что соответствует логике деперсонализации. Однако упоминание сержанта Грести («хороший человек, которого мы все любили») становится точкой разрыва защитного дискурса. Его гибель («его бедное тело было изрешечено пулями») вызывает уже не формальную фиксацию, а открытое эмоциональное высказывание: «очень, очень печально» [10 pp.147-148].

Этот сбой обнажает фундаментальное противоречие: психика пытается функционировать в режиме клиширования и отчуждения, однако конкретный опыт личной связи разрушает этот режим изнутри. В результате не происходит возврата к устойчивой форме «смерти своей», но и клише перестаёт работать. На смену ему приходит архаический регресс — вспышка ярости и жажды возмездия («Будь проклят этот человек... Мы заплатим свою цену за Грести»). Этот аффективный откат знаменует крах всех более сложных систем осмысления: ни ритуал, ни индивидуальная рефлексия, ни языковая автоматизация не выдерживают столкновения с конкретной, эмоционально значимой утратой.

Таким образом, «смерть как клише» предстаёт как неустойчивый компромисс между необходимостью как—то обозначать гибель и невозможностью её полноценно пережить. Клиширование позволяет временно удерживать функциональность сознания, но не образует новой устойчивой ментальной формы. Любое сильное личное вовлечение мгновенно разрушает этот механизм, оставляя субъекта без доступных средств символической переработки утраты. Именно эта исчерпанность языковых и ритуальных защит подготавливает переход к следующему режиму восприятия — к принятию смерти как полностью обезличенного, статистического и технологического факта, где язык постепенно уступает место молчанию и операционному взгляду.

ЭСТЕТИЗАЦИЯ И ОПЕРАТОРСКИЙ ВЗГЛЯД: СМЕРТЬ КАК ОБЪЕКТ НАБЛЮДЕНИЯ

Если предыдущий раздел фиксировал язык и ритуал как механизмы деперсонализации, то дневниковая запись 25 июня 1916 г. демонстрирует следующий уровень психологической адаптации: эстетизацию и визуальное отчуждение. Сознание, утратившее возможность интериоризовать смерть или переработать её через ритуалы и клише, начинает воспринимать гибель как объект наблюдения — как формализованный, почти визуальный феномен [15]. Описание артподготовки и разрушений вокруг окопов подчиняется логике оператора: Мэй фиксирует «композицию поля боя», ритм артиллерийских залпов, траектории снарядов, положение пулемётов [10]. Люди, гибнущие под огнём, превращаются в элементы этой визуальной схемы

— функции в механизме войны. Смерть утрачивает личностное измерение и становится предметом эстетического восприятия: её сила, масштаб, хаотическая красота индустриального разрушения вызывают смесь ужаса и своеобразного восхищения машинной мощью, а не переживание личной трагедии [6].

При этом важно подчеркнуть, что данный эстетический режим не означает принятия или рационализации смерти в традиционном смысле. Мэй не испытывает эмоциональной удовлетворённости; напротив, визуальная отчуждённость выступает как защитный манёвр сознания, позволяющий дистанцироваться от непрерывного потока насилия [14]. Смерть наблюдается, классифицируется, «читается» как текст или изображение, а психика получает возможность удерживать иллюзию контроля над хаосом, не погружаясь в личную катастрофу [10].

Таким образом, запись 25 июня демонстрирует переход от языковых клише и формальных ритуалов к визуальной и эстетической отчуждённости. Субъект ещё удерживается в позиции наблюдателя, однако эмоциональная и моральная вовлечённость сведены к минимуму. Это завершающий этап психологической защиты перед окончательным сдвигом к режиму «дикий» смерти — смерти как обезличенной статистике и технологической неизбежности, о которой пойдёт речь в финальной главе.

ДИКАЯ СМЕРТЬ: СТАТИСТИКА И ЭСТЕТИКА УНИЧТОЖЕНИЯ

Если этап «смерти как клише» выступал временным защитным механизмом, позволявшим снизить остроту утрат, то финальные записи дневника Чарльза Мэя фиксируют качественно иной сдвиг — растворение субъективного опыта перед новой реальностью смерти, обезличенной, статистической и технологической [1;]. В рамках «свёрнутой трансформации» дневник демонстрирует наложение двух моделей, описанных Ф. Арьесом: «дикий смерти», понимаемой как безличный и количественно учитываемый факт, и «перевёрнутой смерти», вытесненной из публичного пространства и лишённой индивидуального выражения [1]. В условиях фронта эти модели не сменяют друг друга, а функционируют одновременно, формируя единый опыт, в котором смерть одновременно фиксируется и замалчивается, превращаясь в элемент работы военной машины, тогда как личная трагедия редуцируется до административных или статистических категорий [7; 15].

Запись от 22 апреля 1916 г. наглядно фиксирует торжество статистического восприятия гибели. Итоги боевых действий формулируются в терминах успеха или провала операции, а потери выражаются сухими количественными показателями: «тридцать убито, шестьдесят ранено» [10 p.158]. Люди в этом регистре утрачивают имена и лица, а сама смерть лишается эмоциональной оценки. Примечательно, что аффективный заряд текста при этом не исчезает, а смещается вовне — в адрес абстрактного врага. Ярость и жажда возмездия функционируют как психологический клапан, позволяющий компенсировать внутреннее напряжение, возникающее в результате деперсонализации собственных потерь [6; 14]. Апогей этого процесса зафиксирован в записи от 25 июня 1916 г., сделанной накануне битвы на Сомме. Здесь «дикая смерть» приобретает форму эстетизированного зрелища [10 pp.208-209]. Артиллерийская подготовка описывается как «великолепная»: дымки различного цвета, взрывы, уподобленные «гигантским тополиам», создают образ грандиозного индустриального спектакля. Технологическая мощь войны воспринимается как объект созерцания, тогда как её непосредственная смертоносная функция для людей в окопах оказывается вытесненной из поля внимания. Противник редуцируется до зооморфной метафоры («немецкий гусь»), что дополнительно снимает необходимость эмпатии [7]. Эстетизация уничтожения здесь выступает высшей формой психологической защиты: невозможность осмыслить предстоящее массовое убийство компенсируется переводом его в регистр эпического и «прекрасного» [15]. В этом контексте «дикая смерть»

не просто констатируется, но вызывает восхищение, свидетельствуя о глубоком отчуждении сознания от индивидуальной трагедии.

Иная грань финального этапа проявляется в записи от 3 июня 1916 г., где фиксируется институциональное вытеснение и табуирование смерти [1]. Гибель солдат становится предметом слухов и сухих сводок, а язык её описания сводится к нейтральным административным формулам: «тяжёлая цена», «тридцать раненых» [8]. Индивидуальное измерение утраты подавляется, и даже попытка вернуть смерти персональный смысл — через упоминание подвигов или последних слов — звучит как риторический жест уходящей эпохи: «Он умер, как и подобает офицеру» [3]. Смерть окончательно трансформируется в техническую и статистическую проблему, что свидетельствует о капитуляции психики перед масштабом индустриального насилия [10].

Таким образом, дневник Мэя фиксирует не последовательную эволюцию этапов, описанных Арьесом, а ускоренный и сжатый процесс разрушения субъективного восприятия смерти. Путь от суррогатов «прирученной смерти» через интериоризацию и личный опыт («смерть своя») ведёт не к их постепенному вытеснению, а к клишированию утрат и, в конечном счёте, к полной деперсонализации и эстетизации «дикой» и «перевёрнутой» смерти. Под давлением фронтовой реальности исторические модели восприятия конца не проживаются в привычной форме, а вынужденно адаптируются к экстремальной ситуации, позволяя психике защищаться, дистанцироваться и, наконец, созерцать смерть как безличный факт и индустриальное явление.

ЭПИЛОГ. КОММЕМОРАЦИЯ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ «СВЁРНУТОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ»

Анализ окопного дневника капитана Чарльза Мэя позволил зафиксировать ускоренную, «свёрнутую трансформацию» восприятия смерти: от спонтанного воспроизводства суррогатов «прирученной смерти» — через кризис «смерти своей» и защитное клиширование утрат — к окончательной капитуляции перед реальностью «дикой» и «перевёрнутой» смерти, обезличенной, статистической и технологически опосредованной [2]. Однако этот процесс не завершился с гибелью автора дневника 1 июля 1916 г. Напротив, посмертная история памяти о Мэе демонстрирует, что трансформация носила не индивидуальный, а структурный характер, распространяясь на сферу коллективного переживания, коммеморации и публичного нарратива [12].

Гибель Мэя и её последующее осмысление в письмах, некрологах и мемориальных практиках становятся кульминационным социальным актом, в котором с особой наглядностью проявляется исторический разлом между двумя режимами отношения к смерти [3]. В этом эпилоге рассматривается, как частная и коллективная память, столкнувшись с фактом его «дикой» гибели, пыталась — и в конечном счёте не смогла — вернуть ей утраченные «прирученные» смыслы [1;]. Коммеморативные практики воспроизводят те же противоречия и защитные стратегии, которые ранее фиксировались в сознании самого Мэя [15]. Письма Чарльза Мэя и его жены Мод, написанные накануне битвы на Сомме, образуют последний диалог двух миров [8]. С одной стороны — фронтовая реальность, в которой смерть становится профессиональной рутинной и элементом военной технологии; с другой — тыловое сознание, для которого она по-прежнему остаётся интимной, религиозно осмысленной катастрофой [1]. Попытка Мэя говорить о грядущем через категории долга, чести и «хорошего исполнения работы» демонстрирует перенос архаической модели «прирученной смерти» в условия тотальной войны, где она уже утратила свою регулятивную силу [7]. Аналогично, символ «Александровых роз» выступает как последняя форма личного ритуала — жест сопротивления обезличиванию,

стремление сохранить индивидуальный смысл в пространстве механизированного уничтожения [4;].

Ответное письмо Мод, не достигшее адресата, приобретает символическое значение разрыва между этими двумя режимами восприятия [9]. Её настойчивое стремление узнать подробности последних минут мужа, восстановить сценарий осознанной и «достойной» смерти, указывает на продолжение тысячелетней традиции «прирученной смерти», которая в условиях индустриальной бойни оказывается неприменимой [1]. Отсутствие тела, невозможность прощания и опора на вещи—реликвии (часы, кольцо, фотографии) фиксируют структурный сдвиг: материальные объекты замещают утраченное тело и разрушенный ритуал, становясь суррогатами присутствия и памяти [12].

Переписка Мод с денщиком Артуром Бантингом выявляет предельное напряжение между частным горем и новой логикой массовой смерти [8]. Бантинг выступает как «живой свидетель», но принадлежит уже иному миру — миру «дикой смерти», где индивидуальные сценарии гибели растворяются в анонимности [7]. Настойчивые требования Мод реконструировать последние мгновения мужа представляют собой не столько поиск информации, сколько ритуальную попытку вернуть смерть в рамки личного и осмысленного [4]. Однако эта попытка обречена на неудачу: сам характер фронтовой гибели отрицает возможность подобной реконструкции [15].

Параллельно с этим в публичном пространстве формируется иной, институциональный ответ на травму. Некролог в *Manchester Guardian* и официальные формулы памяти демонстрируют попытку героизации и сакрализации гибели через язык долга, жертвы и верности государству [3]. Этот дискурс представляет собой форму коллективного «приручения» смерти, в которой индивидуальная агония растворяется в национальном мифе [12]. Однако в семейной переписке, особенно в письмах отца Мэя, обнаруживается иная логика — кропотливое собирание свидетельств, стремление сохранить уникальный образ сына, его личность и человеческую конкретность [9]. Здесь память сопротивляется обезличиванию, даже осознавая невозможность полноценного ритуала прощания.

Контраст между скрупулёзным перечислением индивидуальных судеб и безличной статистикой потерь обнажает ключевой сдвиг эпохи [7]. Массовая смерть становится демографическим и стратегическим фактом, подлежащим учёту и рационализации. На этом фоне высказывания военного руководства о «несерьёзности» потерь фиксируют окончательный разрыв между логикой войны и человеческим измерением утраты [15]. Коммеморативные практики — от частных даров памяти до монументальных мемориалов — выступают как попытка компенсировать этот разрыв, создавая новые, светские формы сакрализации.

Таким образом, эпилог показывает, что «свёрнутая трансформация» восприятия смерти была не только внутренним опытом отдельного человека, но и коллективным процессом, затронувшим семейную память, публичный дискурс и национальные ритуалы. Посмертная история Чарльза Мэя воспроизводит те же защитные механизмы — клиширование, героизацию, эстетизацию и статистизацию, — которые ранее проявились в его дневнике. Это указывает на цивилизационный характер травмы: общество, породившее феномен «дикой смерти», оказалось неспособно осмыслить его иначе как через новые, столь же обезличенные формы символического контроля. В этом смысле окопный дневник Чарльза Мэя и последующая история его памяти образуют единый аналитический корпус. Он фиксирует не просто опыт войны, но глубинное изменение самого способа быть человеком перед лицом смерти в индустриальную эпоху. Личная хроника превращается в микромодель исторического перелома, документируя конец одной ментальности и формирование другой — в которой смерть утрачивает ритуальную близость и становится объектом управления, учёта и мемориального конструирования.

ВЫВОДЫ

Проведённый анализ окопного дневника капитана Чарльза Мэя позволяет сделать ряд выводов, уточняющих и проблематизирующих классические представления об исторической трансформации отношения к смерти, предложенные Ф. Арьесом. Прежде всего, исследование демонстрирует, что макроисторическая схема смены режимов восприятия смерти оказывается ограниченно применимой к микровременному и экстремальному опыту тотальной войны. В условиях фронта данные модели не воспроизводятся в виде последовательных этапов и не образуют линейной или даже ускоренной эволюции. Напротив, наблюдается наложение, фрагментация и одновременное сосуществование разнородных, исторически несоразмерных форм отношения к смерти.

Введённое в статье понятие «свёрнутой трансформации» позволяет концептуализировать этот феномен. Под ним понимается не переход от одной устойчивой ментальной модели к другой, а ускоренный распад самой возможности целостного и непротиворечивого осмысления смерти. Фронтной субъект оказывается вынужден ситуативно обращаться к различным символическим и риторическим ресурсам — от элементов «прирученной смерти» до клише «дикой» и «перевёрнутой» смерти, — не интегрируя их в единую систему. Таким образом, трансформация принимает форму не развития, а сжатия и коллапса культурных моделей под давлением экстремального опыта.

Особое значение имеет вывод о судьбе индивидуального субъекта в условиях индустриального насилия. Анализ дневниковых записей Мэя показывает, что фронтной опыт не ведёт к углублению персонального отношения к смерти («смерти своей»), а, напротив, выявляет пределы индивидуализации. Попытки личного присвоения смерти — через рефлекссию, ритуализацию или эстетизацию — носят кратковременный и психологически неустойчивый характер. В дальнейшем они сменяются либо защитным клишированием утрат, либо полной деперсонализацией, при которой смерть редуцируется до статистического, технологического и административного факта.

Микроисторический подход, применённый в исследовании, позволяет рассматривать фронтной дневник не как иллюстрацию заранее заданных макропроцессов, а как инструмент критической проверки теоретических моделей. Опыт Чарльза Мэя выявляет зоны методологической неприменимости линейных схем и показывает, что в ситуации тотальной войны исторические режимы восприятия смерти не сменяют друг друга, а вступают в конфликтное и нестабильное сосуществование. В этом смысле дневник фиксирует не адаптацию сознания к новой реальности, а его последовательную дезинтеграцию. Наконец, анализ посмертной коммеморации Мэя демонстрирует, что выявленные в дневнике механизмы не ограничиваются индивидуальным уровнем. Семейная переписка, некрологи и мемориальные практики воспроизводят те же стратегии символической защиты — героизацию, клиширование и сакрализацию, — что и фронтные записи. Это свидетельствует о цивилизационном характере травмы: общество, столкнувшееся с феноменом массовой «дикой» смерти, оказалось неспособно интегрировать её в прежние культурные формы и было вынуждено создавать новые, зачастую столь же обезличенные, режимы памяти.

Таким образом, окопной дневник Чарльза Мэя и связанный с ним корпус источников позволяют зафиксировать не просто опыт войны, но фундаментальный сдвиг в способах осмысления смерти в индустриальную эпоху. «Дикая» и «перевёрнутая» смерть предстают не как очередные этапы исторической эволюции, а как предельные режимы существования сознания в условиях массового и технологического уничтожения, где сама возможность устойчивого символического отношения к концу оказывается поставленной под вопрос.

Библиографический список

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / пер. с франц. – М.: Прогресс; Прогресс—Академия, 1992. – 528 с.
2. Beckett I. F. W. The Nation in Arms, 1914–1918 // The Oxford Illustrated History of the British Army / ed. by D. Chandler, I. Beckett. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – P. 299–323.
3. Bourke J. Dismembering the Male: Men's Bodies, Britain and the Great War. – London: Reaktion Books, 1996. – 336 p.
4. Bourne J. M. Britain and the Great War, 1914–1918. – London: Edward Arnold, 1989. – 266 p.
5. Das S. (ed.) Race, Empire and First World War Writing. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 346 p.
6. Fussell P. The Great War and Modern Memory. – Oxford: Oxford University Press, 1975. – 424 p.
7. Gorer G. The Pornography of Death // Encounter. – 1955. – Vol. 5. – P. 49–52.
8. Hynes S. The Soldiers' Tale: Bearing Witness to Modern War. – New York: Penguin Books, 1997. – 328 p.
9. Leed E. J. No Man's Land: Combat and Identity in World War I. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 257 p.
10. May Ch. To Fight Alongside Friends: The First World War Diary of Captain Charlie May / ed. by G. Carr, D. Starrett. – London: William Collins, 2015. – 384 p.
11. Mosse G. L. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. – Oxford: Oxford University Press, 1990. – 276 p.
12. Parker P. The Old Lie: The Great War and the Public—School Ethos. – London: Constable, 1987. – 280 p.
13. Roper M. The Secret Battle: Emotional Survival in the Great War. – Manchester: Manchester University Press, 2009. – 384 p.
14. Simkins P. Kitchener's Army: The Raising of the New Armies, 1914–1916. – Manchester: Manchester University Press, 1988. – 359 p.
15. Strachan H. The First World War. Vol. I: To Arms. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 455 p.
16. Walter T. The Revival of Death. – London: Routledge, 1994. – 224 p.
17. Watson A. Enduring the Great War: Combat, Morale and Collapse in the German and British Armies, 1914–1918. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 288 p.
18. Wills G. The Pals Battalions of the First World War. – Barnsley: Pen & Sword Military, 2013. – 224 p.

Сведения об авторе:

Вавилин Андрей Витальевич, магистр кафедры всеобщей истории и международных отношений
Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail:
an.chertow@yandex.ru

УДК 94

А. Н. Гольцов

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РЕШЕНИЯХ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИГИ НАЦИЙ

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемы защиты прав национальных меньшинств в рамках решений Парижской мирной конференции 1919 года и последующей деятельности Лиги наций. Автор рассматривает историческое значение Парижского мирного договора, подчеркивая его роль в формировании международного права относительно национального самоопределения и соблюдения прав этнических групп. Анализируются конкретные механизмы и нормы, установленные Лигой наций для мониторинга положения национальных меньшинств, включая создание специализированных комиссий и подписанные государствами обязательства соблюдать международные соглашения. Особое внимание уделяется эффективности международных механизмов защиты меньшинств и выявлению факторов, влияющих на успешность реализации соответствующих норм. Исследование включает сравнительный анализ опыта различных стран, подписавших договоры о защите меньшинств, а также оценку влияния политических изменений на соблюдение принятых обязательств. Результаты работы позволяют сделать выводы о роли международных организаций в обеспечении равноправия народов и значении сотрудничества государств в области защиты прав национальных меньшинств.

Ключевые слова: Британская империя, нация, национальные меньшинства, Первая мировая война, Парижская мирная конференция 1919 г., Лига наций.

Goltsov A.N. The Problem of the Protection of the Rights of National Minorities in the decisions of the Paris Peace Conference (1919) in the activities of the League of Nations

Abstract: The article is devoted to the study of the problem of protecting the rights of national minorities within the framework of the decisions of the Paris Peace Conference of 1919 and the subsequent activities of the League of Nations. The author examines the historical significance of the Paris Peace Treaty, emphasizing its role in the formation of international law regarding national self-determination and respect for the rights of ethnic groups. Specific mechanisms and norms established by the League of Nations to monitor the situation of national minorities are analyzed, including the creation of specialized commissions and commitments signed by states to comply with international agreements. Particular attention is paid to the effectiveness of international mechanisms for the protection of minorities and the identification of factors influencing the successful implementation of relevant norms. The study includes a comparative analysis of the experience of various countries that have signed treaties on the protection of minorities, as well as an assessment of the impact of political changes on compliance with the obligations assumed. The results of the work allow us to draw conclusions about the role of international organizations in ensuring the equality of peoples and the importance of cooperation between states in the field of protecting the rights of national minorities.

Keywords: British Empire, nation, national minorities, World War I, Paris Peace Conference 1919, League of Nations

Первая мировая война коренным образом изменила политическую карту Европы, вызвав распад крупных империй и образование новых независимых государств. Вместе с этим возникла острая необходимость решить проблему защиты прав многочисленных национальных меньшинств, оставшихся за пределами исторических границ своих этносов. Именно эта задача стояла перед участниками Парижской мирной конференции 1919 года, итоговые соглашения которой включали обязательства стран-победителей обеспечить права меньшинств посредством специальных международных гарантий.

Важнейшую роль в дальнейшем развитии механизма защиты прав национальных меньшинств должна была сыграть Лига наций – международная организация, созданная в результате Версальского договора специально для разрешения возникающих разногласий и предупреждения военных конфликтов. Тем не менее, несмотря на амбициозность замыслов и

усилий, предпринятых в рамках этих институтов, практика показала ограниченность и недостаточную действенность разработанных подходов.

Вопрос о меньшинствах, оставленный на откуп суверенным государствам в конце XIX – начале XX веков, в конце Первой мировой войны получил новую интерпретацию. На Парижской конференции защита меньшинств перешла в юридическое переосмысление международных отношений и кодификацию гарантий, предоставляемых населению. Однако, не будучи площадкой для перехода к универсализму права, конференция и установленные ею юридические отношения позволили понять напряженность, которая возникла в ходе обсуждений между дипломатическими делегациями, а также подтекст решений и резолюций. Этот вопрос позволил, с одной стороны, рассмотреть реализацию одного из основных требований Мирной конференции и системы, которую она намеревалась создать, не только с точки зрения предоставленных прав, но и с точки зрения требований и давления, которые также отражают то, как вопрос гражданских войн, в отдельных регионах, проник в текущие дискуссии. Вынужденные учитывать эти вопросы в Центральной и Восточной Европе, великие державы и другие государства создали, в том числе в рамках Лиги Наций, систему отношений, в которой меньшинства будут услышаны только на словах, чтобы их можно было лучше игнорировать при урегулировании конфликтов, вызванных агрессивным и дискриминационным национализмом. Об этом открыто заявляют в обращении к мировому сообществу участники 7 Всероссийского Съезда Советов «Свидетельствуя перед лицом всех угнетаемых рас и наций мира, что так называемая Версальская мирная конференция еще раз доказала наглое лицемерие империалистической буржуазии и ее грубое издевательство над правом самоопределений наций, выразившееся в новом разделе человечества на победителей и побежденных, на великие и малые нации, на расы, предназначенные господствовать, и на расы, предназначенные быть рабами. Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов, собравшихся для дальнейшего утверждения завоеваний великой Октябрьской революции, проложившей дорогу полному освобождению трудящихся масс и угнетаемых наций всего мира, посылает свое горячее приветствие всем классам, народам и расам, борющимся против бесстыдного империалистического насилия и эксплуатации, и выражает полную готовность российских рабочих и крестьян оказывать им как моральную, так и материальную поддержку. Съезд подтверждает политику Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров, неуклонно проводящих на территории Р.С.Ф.С.Р. полное уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы» [5].

В руках воюющих национальных государств, не желающих защищать преследуемое население в 1919 году, вопрос меньшинств стал инструментом критики многонациональных центральных империй, тем более после 1917 года и постепенного выхода России из конфликта. С 1914 года пропаганда требовала защиты народов и их перехода к политической автономии с целью ослабления имперских и империалистических держав и, таким образом, предотвращения новых войн. Права меньшинств являлись инструментом развала империй, прикрытым провозглашенным универсализмом самоопределения народов, который особенно активно продвигал Вудро Вильсон. Вильсон был склонен путать понятия национального самоопределения и народного суверенитета и всегда ограничивал применение своего принципа уточнением: «что всем четко определенным национальным устремлениям должно быть дано максимальное удовлетворение, которое может быть им предоставлено, без внесения новых или увековечивания старых элементов раздора и антагонизма, которые со временем могли бы нарушить мир в Европе, а следовательно, и во всем мире» [Цит. по 1, с. 145].

На пленарном заседании Мирной конференции Вудро Вильсон отметил: «Возьмите права меньшинств. Ничто, смею сказать, не может так нарушить мир во всем мире, как

обращение, которое может быть применено к меньшинствам в определенных обстоятельствах. И поэтому, если великие державы должны гарантировать мир во всем мире в каком-либо смысле, разве несправедливо, что они должны быть удовлетворены тем, что были предоставлены надлежащие и необходимые гарантии?» [8, р. 406] Он не только призывал к защите разнообразного населения Центральной и Восточной Европы, но и, прежде всего, указывал на крупные группы населения, в первую очередь в Польше, для которых в «Четырнадцати пунктах», представленных на Конгрессе США, требовались сила и независимость.

Официальное предложение о создании международной правовой системы защиты меньшинств было выдвинуто президентом Вудро Вильсоном на заседании Совета четырех 1 мая 1919 г. Он сослался на примеры жестокого обращения с еврейскими общинами в Польше и Румынии. Дэвид Ллойд Джордж предложил наложить аналогичные обязательства на другие новые или значительно расширившиеся государства в Центральной и Восточной Европе. Эти предложения были немедленно переданы членам комитета, занимающегося новыми государствами и меньшинствами. Американский и британский члены комитета – Дэвид Хантер Миллер и Джеймс Хедлэм-Морли, которые уже давно работали над этим вопросом, – настаивали на необходимости введения защиты меньшинств путем заключения отдельных договоров. Доклад по этому вопросу, принятый Советом четырех 17 мая 1919 года, оказал большое влияние на последующие споры [Цит. по 1, с. 148].

Одновременно с мирными договорами Союзные и объединившиеся державы заключали отдельные договоры с государствами, созданными вновь или значительно расширившими свои территории в результате Первой мировой войны: с Польшей (Версаль, 1919 г.), Сербско-Хорватско-Словенским государством (Сен-Жермен-ан-Ле, 1919 г.), Чехословакией (Сен-Жермен-ан-Ле, 1919 г.), Грецией (Севр, 1920 г.), Румынией (Париж, 1919 г.). Все указанные договоры, кроме Версальского мирного договора с Германией, содержали специальные положения о национальных меньшинствах. Так, в Договоре между Соединенными Штатами Америки, Великобританией, Францией, Италией и Японией, с одной стороны, и Польшей, с другой стороны, послужившем основой для заключения в рамках Лиги Наций последующих подобных договоров, содержались следующие типовые положения о правах меньшинств: Польша обязывалась предоставить всем своим жителям полную и совершенную защиту их жизни и свободы без различия происхождения, национальности, языка, расы или религии; закреплялось право всех жителей Польши на свободное исповедание, как публичное, так и частное, всякой веры, религии или всякого верования, отправление которых не будет несовместимо с публичным порядком и добрыми нравами (ст. 2); ст. 3 возлагала на Польшу обязанность признать польскими гражданами, по праву и без каких-либо формальностей, германских, австрийских, венгерских или русских граждан, проживавших ко дню вступления договора в силу на территории, которая признается или будет признаваться составной частью Польши. При этом все такие лица старше 18 лет получали право оптировать всякое другое гражданство, которое было для них открыто; закреплялось равенство всех польских граждан перед законом и говорилось о пользовании одинаковыми гражданскими и политическими правами без различия расы, языка или религии. Подчеркивалось, что различие в религии, веровании или исповедании не должно вредить никому из польских граждан, поскольку это касается пользования гражданскими и политическими правами, особенно при допущении к государственным должностям, службам и почестям или к занятию различными профессиями и промыслами (ст. 7) [2, с. 102].

Целью всех данных документов было обеспечение прав «расовых, религиозных или языковых меньшинств». При этом создатели системы использовали данное обозначение как синоним понятия «национальное меньшинство». Упомянутые документы содержали

следующие гарантии: право на жизнь и свободу без дискриминации; свободное существование в рамках публичной и частной жизни, в том числе свободу верований и убеждений; равенство в области гражданских и политических прав; равенство перед законом и фактическое равенство; равный доступ к государственной службе, профессии; использование языка меньшинства в суде, помимо этого, свобода использовать любой язык в частной сфере, в коммерции, в области религии, в печати и публичных собраниях, как и в специальных благотворительных, религиозных, социальных, образовательных учреждениях, созданных группами; право создавать и своими силами управлять подобными организациями в районах с плотным проживанием лиц, принадлежащих к меньшинствам; право преподавания в школах на языке меньшинств; право на получение помощи от государства с целью обеспечения религиозных, образовательных и благотворительных нужд меньшинств [3, с. 121].

Таким образом, государства, в отношении которых действовала система гарантирования прав национальных меньшинств, могут быть подразделены на три категории: 1) государства, связанные специальными договорами о защите прав национальных меньшинств: Польша, Чехословакия, Румыния, Сербо-Хорвато-Словенское государство, Греция; 2) государства, взявшие на себя соответствующие обязательства в силу мирных договоров, заключенных с ними державами Антанты: Австрия, Болгария, Венгрия, Турция; 3) государства, декларирующие свои обязательства при вступлении в Лигу Наций: Албания, Ирак, Латвия, Литва, Финляндия, Эстония. При различии в форме обязательства государств всех трех категорий совпадали по содержанию и по способу их гарантирования Лигой Наций [2, с. 104].

Согласно выработанной процедуре, рассмотрение вопросов о меньшинствах проходило в следующем порядке. Петиции и жалобы на нарушение договора могли подаваться заинтересованными лицами или любой организацией в Секретариат Лиги, решавший о формальной приемлемости петиции с точки зрения выработанных специальных условий. В случае признания петиции приемлемой она сообщалась Секретариатом соответствующему правительству, имевшему право в течение двух месяцев представить свои объяснения. Для рассмотрения петиции по существу материал препровождался в «Комитет трех», состоявший из членов Совета. Комитет решал, заслуживает вопрос быть поставленным на рассмотрение Совета или нет. В случае отрицательного решения дело передавалось в архив Секретариата Лиги. В случае положительного – дело подлежало передаче на обсуждение очередной сессии Совета Лиги Наций. Обсуждение происходило в присутствии представителя заинтересованного правительства; представители петиционера ни в какой мере не привлекались к участию, поскольку право возбуждения дела принадлежало лишь членам Совета, а петиция рассматривалась только как простая информация (*information pur et simple*), из самого факта принятия которой не вытекали никакие обязательства для Совета Лиги Наций. Решения Совета принимались единогласно [Цит. по 2, с. 104].

Это первоначальное политическое намерение не помешало многим меньшинствам Центральной и Восточной Европы воспользоваться этим обещанием мира, равенства и автономии на арене Мирной конференции. Арена, потому что для их различных делегаций речь шла о том, чтобы оспорить судьбу, протестовать против насилия, жертвами которого они были, и таким образом обратиться за защитой к великим державам. Тексты, подготовленные делегациями, колебались между очень общими призывами и очень точной информацией о перенесенном насилии. Делегации не ограничивались дипломатической ареной, где ее члены в целом являлись зрителями. Они пытались выйти за эти рамки, обращаясь к общественному мнению через многочисленные газетные заголовки и публичные демонстрации. Таким образом, «вопрос меньшинств» оказывается на столе главных представителей великих держав. Первого мая на заседании Верховного совета конференции сам Вильсон выразил свою

обеспокоенность: «Одной из вещей, которая нарушает мир во всем мире, является преследование евреев [...] Вы знаете, что они подвергаются особому жестокому обращению в Польше и лишены гражданских прав в Румынии» [9, р. 159]. Вместо того чтобы напрямую заняться этим вопросом или рассмотреть возможность каких-либо гуманитарных действий, организаторы Мирной конференции связали его с вопросом укрепления новых союзных государств на востоке. Видимо успокоенные своими комиссиями по расследованию и новыми государствами, великие державы тем не менее обязывают последние гарантировать защиту своих меньшинств посредством договоров о меньшинствах, прилагаемых к договорам, которые подтверждают их независимость и утверждают их территориальные расширения. Напряженность между требованиями вмешательства и поддержкой новых государств так и не была снята. Лига Наций должна была гарантировать надлежащее выполнение этих положений, как провозглашалось в одной из первых резолюций Совета Лиги Наций от 22 октября 1920 года: Эти положения [относящиеся к национальным меньшинствам] представляют собой обязательства, имеющие международный интерес, и будут находиться под гарантией Лиги Наций. [...] До сих пор международное право возлагало гарантию выполнения положений такого рода на великие державы. Мирные договоры положили начало новой системе: они обратились к Сообществу Наций [10, р. 5]. Это оптимистичное заявление, которое, казалось бы, положит начало новой международной системе, гарантирующей защиту всех групп людей. Но также, как дискуссии в рамках Мирной конференции структурно привели к минимизации преследований и нейтрализации предупреждений о них, включение защиты меньшинств в договоры и международную систему де-факто приведет к их неэффективности. Другими словами, предполагаемая защита меньшинств, гарантированная Лигой Наций, останется нереализуемым и никогда не реализованным постулатом.

Несмотря на свое нежелание, новые государства, подписавшие договоры о защите, ошибались в отношении эффективности положений, гарантированных Лигой Наций. Один из еврейских делегатов на Мирной конференции, председатель Национального еврейского совета Восточной Галиции, уже тогда справедливо предупреждал, что: [...] чтобы быть эффективной, международная защита меньшинств должна включать, помимо деклараций о принципах, реальные санкции; документ, который претендует на установление такой защиты, но при этом не определяет эти реальные санкции, будет лишь «куском бумаги» [6, р. 3].

Проблема принуждения подписантов к выполнению положений договоров о меньшинствах возникла очень рано. Однако сразу после их подписания Лига Наций подчеркнула, что ее прямое вмешательство во внутренние дела, равно как и какие-либо санкции, не представляются возможными. Международное сообщество ограничивается вмешательством в случае международных споров и только в роли арбитра или посредника. Но что касается внутренней дискриминации, Лига Наций прямо заявляет, что не будет вмешиваться. Основная идея заключалась в том, что решение проблемы меньшинств должно было быть найдено в рамках постоянного и доверительного сотрудничества между большинством и меньшинствами внутри каждого государства.

Несколько делегаций в Женеве подчеркивали неопределенность в отношении обращения в Совет Лиги Наций по конкретным вопросам, касающимся меньшинств. В записке Генерального секретариата Лиги Наций от 1926 года подчеркивается, что «петиция в Лигу Наций по вопросам меньшинств [...] является лишь источником информации для членов Совета, позволяющим им осуществлять права и выполнять обязанности, вытекающие из договоров» [10, р. 5]. Другими словами, получение информации о нарушении договоров в отношении меньшинств и дискриминации никоим образом не обязывает Совет. Более того, любой запрос должен соответствовать ряду формальных критериев и пройти через различные комитеты,

занимающиеся вопросами меньшинств. Однако в этих комитетах заседали представители обвиняемых государств, которые, как и во время гражданской войны, противопоставляют конструирующую версию событий, что, как правило, достаточно для срыва процедур. Кроме того, дискуссии между различными делегациями часто страдают от соотношения сил или альянсов, которые делают такие случаи предметом торга в более других отношениях [7, р. 156]. Франция, как и другие великие державы, проявляла особую снисходительность и молчание по отношению к своим союзникам в Восточной Европе. Так что, как упоминается в брошюре лондонских квакеров и как свидетельствуют архивы Лиги Наций, было отправлено множество петиций, но они никогда не рассматривались внимательно. Она не только оказалась неэффективной в обеспечении равенства прав национальных меньшинств, но и не позволила преследуемым меньшинствам использовать Ассамблею в качестве трибуны.

В договорах имеется множество «пробелов», и, несмотря на обещанное равенство, по всей Европе множатся ограничения на число студентов из меньшинств, меньшинства лишены политических представителей, а что еще более важно, в хаосе послевоенного периода власти отказывают многим потенциальным гражданам в праве требовать гражданства и документов, фактически создавая препятствия для реализации прав, которые должны быть автоматическими. Таким образом, многие приграничные меньшинства в значительной степени лишены возможности осуществлять свои права. Система подачи петиций в Лигу Наций кажется эффективной только в тех случаях, когда протест поддерживается государством. С этого момента поднятая проблема становится не вопросом внутренней политики, а предметом международной напряженности, обостряя национальные вопросы. Не предлагая систему регулирования проблемы меньшинств в Европе, Лига Наций делает ее щекотливым вопросом, оставляя беззащитными меньшинства, которые ни одно государство не претендует защищать.

Навязывая договоры о меньшинствах, великие державы, безусловно, стремились укрепить государства, созданные или сформированные Мирной конференцией. Но вместо того, чтобы защищать национальные меньшинства, великие державы, и, в частности Франция, на протяжении всех обсуждений фактически одобряли жестокое отношение этих новых государств к своим народам. Было бы слишком упрощенно противопоставлять друг другу международную систему, сформировавшуюся в Лиге Наций, и восточноевропейский национализм, сферу права и сферу силы [9, р. 159]. Договоры о меньшинствах были также разработаны с целью угодить дискриминационным государствам в отношении их национальных меньшинств.

Жалобы правительств сосредоточены на навязанных статьях, без учета того, насколько безобидно применение этих положений. Решение «проблемы меньшинств» не привело к триумфу права, который позволил бы, по крайней мере символически, остановить преследования и дискриминацию.

Но, как ни парадоксально, акцент на внешних проявлениях права в урегулировании конфликтов одновременно помешал дискурсам, основанным на призывах к гуманности и состраданию. Они служили для привлечения внимания общественности, но политические круги к ним не были невосприимчивы. Более того, они, дискредитировали тех, кто их использовал, поскольку политики считали их группами давления, преувеличивающими масштабы насилия в Восточной Европе.

Помимо незнания об этом насилии, восприятие ситуации, созданной продолжающимися гражданскими войнами, и необходимой поддержки обусловлено политическими и военными интересами великих держав, от которых их представители не могут отстраниться. С интернационализацией «проблемы меньшинств», разжигаемой бесконечными дискуссиями в комиссиях и арбитражах, в которых по крайней мере одна из сторон всегда считает себя

ущемленной, любое улучшение положения меньшинств представляется как навязанное извне. Парадоксальным образом, придание международного резонанса преследованиям лишает возможности влиять на внутреннюю политику, проводимую или покрываемую националистическими правительствами. В то же время попытка решения проблемы, демонстрируемая созданием специальной комиссии Лиги Наций, оставалась лишенной каких-либо рычагов воздействия.

Подводя итоги исследования важно отметить, что после Первой мировой войны в межгосударственных отношениях появился новый язык международного права. Мы выделим три момента в этом развитии: использование термина «меньшинство» в двусторонних соглашениях между победившими и побежденными государствами; создание системы общей защиты, закрепленной в «режиме меньшинств» Лиги Наций; и, наконец, «вопрос меньшинства», построенный вокруг проблем и противоречий, связанных с применением этой системы.

Термин «меньшинство» появился в дебатах, состоявшихся на Парижской мирной конференции 1919 года, а затем в так называемых договорах о «меньшинствах», ратифицированных с этого момента. Использование этого термина первоначально было обусловлено конкретным применением двусторонних политических и дипломатических правил, направленных на защиту определенных граждан, не принадлежащих к национальной группе большинства, в рамках реформированных или созданных государств. Позднее эти различные правила легли в основу обобщенной системы защиты меньшинств.

Первым договором о защите меньшинств стала статья 93 мирного договора, заключенного между Германией, союзниками и Польшей 28 июня 1919 года (Версальский мирный договор): «Польша принимает, соглашаясь включить их в Договор с Главными Союзными и Объединившимися Державами, постановления, которые эти Державы сочтут необходимыми для защиты в Польше интересов жителей, отличающихся от большинства населения по расе, языку или религии. Польша соглашается равным образом на включение в Договор с Главными Союзными и Объединившимися Державами постановлений, которые эти Державы сочтут необходимыми для защиты свободы транзита и справедливого режима для торговли других наций» [4, с. 45 – 46].

Для того чтобы система всеобщей защиты стала реальностью, были необходимы два элемента: с одной стороны, подтверждение принципа национальностей через идеализм американского президента Вудро Вильсона; с другой стороны, институционализация международных отношений через создание «всеобщей ассоциации наций». Установление «режима меньшинств» в Лиге наций основывалось на серии текстов различного рода: специальные главы в мирных договорах; специальные договоры «о меньшинствах»; односторонние заявления, сделанные некоторыми государствами при вступлении в Лигу наций: Финляндией, Албанией, Литвой, Латвией, Эстонией, Ираком; и, наконец, специальные соглашения, заключенные между соседними государствами, такие как германо-польская конвенция о Верхней Силезии, принятая в Женеве 15 мая 1922 года. Впоследствии права меньшинств были развиты в нескольких резолюциях Совета Лиги наций, направленных на защиту национальности, гарантирующих право собраний и равенство перед законом, а также свободное использование языка.

Тем не менее, применение этой системы защиты с самого начала столкнулось с рядом противоречий, которые уже были частью принципа гражданства и которые, как мы увидим, сохраняются по сей день. Прежде всего, это вопрос о предоставлении правосубъектности меньшинствам, который был в центре дебатов на двух конференциях национальных меньшинств Европы, организованных в Женеве в октябре 1925 и августе 1926 года.

Библиографический список

1. Гаврилюк, Н. П. Механизмы правового регулирования положения меньшинств: от парижской конференции до Лиги Наций / Н. П. Гаврилюк, Е. И. Дедиу // Культура Мира. – 2025. – Т. 13, № 44(1). – С. 144 – 159. – EDN FAUMLG. 3, p. 439
2. Ильинская, О. И. Защита прав человека в деятельности Лиги Наций / О. И. Ильинская // Журнал российского права. – 2017. – № 11(251). – С. 96 – 110. – DOI 10.12737/article_59f067bda6d325.12816675. – EDN ZUQIRX.
3. Ильяшевич, М. В. Международно-правовая защита национальных меньшинств и Лига Наций / М. В. Ильяшевич, А. А. Белоусова // Закон и право. – 2018. – № 11. – С. 120-122. – DOI 10.24411/2073-3313-2018-10239. – EDN YMRWNF
4. Ключников, Ю. В. Версальский мирный договор = Версаль / полный перевод с французского подлинника под ред. Ю. В. Ключникова и Андрея Сабанина; со вступительной статьей Ю. В. Ключникова и предметным указателем. – Москва: Изд. Литиздата НКВД, 1925. – XXXI, 198 с. – (Итоги Империалистической войны: серия мирных договоров)
5. Статья № 580. Об угнетенных нациях. Опубликовано в Приложении к № 279 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 12 декабря 1919 года. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. – М. 1943. – С. 829 – 830. – URL:<https://istmat.org/node/38873> (Дата обращения 15.04.2025 г.)
6. Comité des Délégations juives auprès la Conférence de la Paix, Les Droits nationaux des Juifs en Europe orientale. Recueil d'études, – Paris. – 1919. – 128 p.
7. Marbeau Michel La Société des Nations. Vers un monde multilatéral, 1919 – 1946, Tours, Presses universitaires François-Rabelais, – 2017. – 302 p.
8. Preliminary Peace Conference, Protocol № 8, Plenary Session of May 31, 1919. Papers Relating to the Foreign Relations, of the United States The Paris Peace Conference 1919. Volume III. – United States Government Printing Office Washington. – 1943. – 1062 p.
9. Smith Leonard V. Sovereignty at the Paris Peace Conference of 1919. (The Greater War, 1912 – 1923.) – New York: Oxford University Press, – 2018. – 277 p.
10. Société des Nations, Protection des minorités de langue, de race ou de religion par la Société des Nations. – Genève. – 1929. – 58 p.

Сведения об авторе:

Гольцов Андрей Николаевич, аспирант кафедры истории Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, e-mail: goltsov1@yandex.ru

УДК 930.1

А. Е. Ковалеров

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: С началом Второй мировой войны вопрос коллаборационизма на оккупированных территориях (странах) был одной из позорных страниц их истории. Особенно остро он встал в СССР, так как проводимая советским руководством внутренняя политика, настроила против государства немалую часть собственных граждан. Этим непременно решило воспользоваться руководство Третьего Рейха с целью разгрома Красной армии, захвата территории страны, а также использования ее экономических ресурсов в своих целях. Первоначально предполагалось использовать лояльную часть населения оккупированных территорий, советских военнопленных и эмигрантов (покинувших Россию в годы гражданской войны) только для поддержания правопорядка на оккупированной территории СССР, а также для поддержания экономики Третьего Рейха. Однако с увеличением потерь Вермахта и СС было принято решение о создании боевых частей и подразделений коллаборационистов для борьбы против армий стран Антигитлеровской коалиции. Во многом это удалось сделать германскому командованию, однако это не смогло спасти его от разгрома.

Ключевые слова: коллаборационизм, Великая Отечественная война, СССР, Третий Рейх, охранные части, боевые подразделения

Kovalerov A. E. Collaboration of Soviet Citizens during the Great Patriotic War

Abstract: Since the beginning of the Second World War, the issue of collaboration in the occupied territories (countries) has been one of the shameful pages of their history. It was especially acute in the USSR, as the internal policy pursued by the Soviet leadership turned a considerable part of its own citizens against the state. The leadership of the Third Reich certainly decided to take advantage of this in order to defeat the Red Army, seize the country's territory, and use its economic resources for their own purposes. Initially, it was supposed to use the loyal part of the population of the occupied territories, Soviet prisoners of war and emigrants (who left Russia during the Civil War) only to maintain law and order in the occupied territory of the USSR, as well as to maintain the economy of the Third Reich. However, with the increase in losses of the Wehrmacht and the SS, it was decided to create combat units and units of collaborators to fight against the armies of the countries of the Anti-Hitler coalition. In many ways, the German command managed to do this, but it could not save it from defeat.

Keywords: Collaboration, the Great Patriotic War, the USSR, the Third Reich, security units, combat units

С началом Второй мировой войны 1 сентября 1939 года коллаборационизм, как явление начал широко распространяться на оккупированной армией Германии территориях Европейских стран. После разрастания конфликта и вовлечения в него все большего количества стран появлялись и разнообразные формы сотрудничества местного населения с оккупационными властями. Можно выделить бытовой, военно-политический, государственный, административный и экономический коллаборационизм [2, с.12].

Бытовой, как правило, подразумевал доброжелательное отношение местного населения к оккупационной власти, ее вооруженным силам (силам правопорядка) при отсутствии ярко – выраженного недовольства большей массы местного населения установленным порядком жизни. В большинстве своем широко был распространен на территории стран Западной и Восточной Европы за исключением СССР, Югославии и Польши.

Государственный коллаборационизм, как правило, выражался в поддержке на государственном уровне проводимой Германией международной политики и был присущ странам, как появившимся в ходе ведения боевых действий (Словакия, Хорватия, французское правительство «Виши», Норвегия), так и зависимым от неё странам (Испания, Италия, Венгрия, Румыния, Болгария, Финляндия).

Административная форма сотрудничества, как правило была характерна всем оккупированным территориям, где Третий Рейх сумел создать подконтрольные ей рычаги управления с использованием своих сторонников из числа местного населения и выражался в проведении политики порабощения на данных территориях.

Экономический коллаборационизм в основном заключался в работе местного населения и использовании ресурсов оккупированных (подконтрольных) территорий на экономику Германии и её вооруженные силы. Ярче всего данное явление было представлено на территориях Чехии, Северной Франции, Польши, Норвегии, Греции и др.

Однако большее распространение в условиях продолжавшего противостояния в Европе получил военно–политический коллаборационизм, выразившийся в пропаганде нацизма и его идей среди местного населения, с целью привлечения к участию в боевых действиях, как в ряды вооруженных сил Германии, так и для поддержания правопорядка на завоеванных территориях в рядах сил полиции. По состоянию на декабрь 1941 года на оккупированных территориях в рядах местных сил правопорядка только по подтвержденным данным числилось 60 420 советских граждан, что является внушительной цифрой [1].

С началом Великой Отечественной войны, несмотря на тот факт, что по генеральному плану «Ost» с территории Западной Украины предполагалось выселить 65 % населения, из Белоруссии - 75 %, а с территории Литвы, Латвии и Эстонии около 50 % коренных жителей, немецкое командование стало активно вовлекать советских граждан в противостояния со своим государством [3]. Во многом это было связано с тем, что военное руководство Третьего Рейха понимало, что без привлечения сочувствующей ей части местного населения на свою сторону добиться победы и контроля над оккупированными территориями невозможно. Боевые действия первого периода войны показали полное превосходство Вермахта над Красной армией, как в организационном, так и в командном отношении. К тому же благодаря полученному опыту ведения боевых действий умело организовать грамотное взаимодействие различных родов войск в ходе ведения войны. В немалой степени это было связано с репрессиями, которым подверглись Советские вооруженные силы в 1937-1938 годах, а также из-за многократного увеличения численности армии в предвоенный период при отсутствии достаточного количества подготовленных командных кадров. Эти причины во многом и сыграли решающую роль в поражениях Красной армии на первом этапе войны.

Так в период с 22 июня по 5 декабря 1941 года в плен к Германским вооруженным силам попало около 3 млн. человек, а всего за время войны 5,7 млн. советских военнослужащих [4, с. 44]. При этом ввиду того, что советское руководство отказалось от подписания Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» 1929 г., руководство Третьего Рейха сочло себя свободным от исполнения в отношении советских военнопленных. Это стало причиной гибели большого количества советских граждан, находившихся в плену в нечеловеческих условиях. Так из красноармейцев, взятых в плен в 1941 году, к концу войны уцелело около 20 %, из взятых в плен в 1942 году – около 27% [12, с. 137-138].

Одной из проблем было то, что плен рассматривался советским законодательством, как преступление, так как во время войны в СССР был издан Приказ Ставки верховного Главного Командования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 г. «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» [9]. В соответствии с ним семьи командиров и политработников, сдавшихся в плен врагу, подлежали аресту. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев было предписано лишать государственного пособия и помощи. Именно этот приказ породил чувство безысходности у сотен тысяч советских военнопленных. В то же время в документе наркома обороны № 0321 от 26 августа 1941 г. говорилось, что всех «сдавшихся в плен уничтожать всеми средствами», «семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать

государственного пособия и помощи", семьи командиров и политработников арестовывать «как семьи нарушивших присягу и продавших свою Родину дезертиров» [15].

Причиной сотрудничества военнопленных с немецким командованием стала проводимая руководством Третьего Рейха политика размежевания советских граждан по национальному признаку. Так в директиве руководителя Главного управления имперской безопасности Германии Рейнхарда Гейдриха от 10 октября 1941 года говорилось, что «при использовании советских военнопленных нужно учитывать их национальную принадлежность. В частности, с украинцами, белорусами, азербайджанцами, армянами, представителями терских народов строго обращаться только в том случае, если среди них обнаружатся фанатичные большевики». В связи с этим у многих людей стал выбор: либо пойти на сотрудничество с противником, либо остаться верными данной ими присяге. Не все смогли проявить мужество и непоколебимость в связи с чем, определенная часть военнопленных перешла на сторону Третьего Рейха и встала на путь предательства.

Другой категорией, сотрудничавшей с оккупационной администрацией, стали лица из числа граждан СССР. За время войны под оккупацией Германии и её сателлитов (Румынии, Финляндии, Венгрии и др.) находились около 1795 тыс. кв. км территории страны, на которой до войны проживало около 80 млн. человек или 41,9 % населения страны [14, с. 203-204]. Для них, как и для военнопленных помимо тяжелого оккупационного режима причиной для сотрудничества с врагом послужила, прежде всего, внутренняя политика советского руководства.

В частности религиозные преследования, голод на территории СССР в период с 1932 – 1933 года, репрессии 1930 – х годов в промышленности и научной сфере, политика коллективизации и уничтожения «кулаков, как класса», а так же проведение политики расказачивания и борьбы (иногда не обоснованной) с националистическими настроениями на территории Северного Кавказа, Украины, Прибалтики, Средней Азии.

Важной причиной сотрудничества стал изданный осенью 1941 года приказ советского руководства об уничтожении всех населенных пунктов в тылу немецких войск на расстоянии 40-60 км от линии фронта [14, с. 820]. Он подтолкнул немалую часть советских граждан на сотрудничество с оккупантами. Все вышеперечисленные причины во многом способствовали тому, что население оккупированных территорий в той или иной форме стало поддерживать руководство Третьего Рейха.

Последней категорией ставшей на путь борьбы с СССР стали бывшие граждане Российской империи и Советского Союза, подвергнутые репрессиям и преследуемые советским правительством за активную борьбу с ним. Большая часть таких людей либо сразу вступала в ряды Германских вооруженных сил, либо в последствии принимала участие в различных коллаборационных формированиях. В то же время бывшие военнослужащих Русской императорской армии, сражавшиеся с большевиками ещё в составе Белых армий в годы гражданской войны, считали данную войну продолжением борьбы против большевиков. В их представлении это был исторический шанс вернуться на Родину, так как они рассчитывали, что Германское руководство воссоздаст свободную от коммунистического режима Россию.

Во многом причинами создания подразделений из советских граждан и военнопленных послужили потери, понесенные Германией и ее союзниками на Восточном фронте (во многом превышающие те, что до этого были за 2 предыдущих года войны в Европе), а также необходимость контроля захваченной территории и обеспечения безопасности тыловых районов воюющих армий. В большинстве своем все коллаборационные формирования и организации можно подразделить на 4 группы: «хиви» (от немецкого *Hilfswillige* – добровольный помощник), полицейские команды, «остарбайтеры» (от немецкого *Ostarbeiter* – работник с востока),

а так же части охраны тылов и боевые части, привлекаемые к боям против регулярных частей Красной армии. Первая группа, как правило, набиралась из числа советских военнопленных и гражданских лиц для службы в качестве водителей, поваров, обслуживающего медицинского персонала и разнорабочих. Однако с увеличением потерь в Вермахте стали привлекаться и к непосредственному участию в боевых действиях. К концу войны их численность составляла около 800 тыс. человек, как в боевых, так и в тыловых частях [6, с.15].

Полицейские команды стали возникать с самого начала Великой Отечественной войны на оккупированных территориях, как подразделения поддержания правопорядка. Набор в них осуществлялся из расчета из расчета 1 служащий – на 100 человек местного населения. Основная их функция состояла в поддержании правопорядка среди местного населения на оккупированных территориях, а также проведение операций против советских партизан и подпольщиков совместно с немецкой армией. Среди данной категории на оккупированной территории СССР были различные формы проявления данных подразделений. Так в 1943 г. начинается формирование в Крыму полицейских батальонов «Schuma». Они включали в себя: полицию порядка в городах и сельской местности, отряды самообороны, полицейские батальоны для борьбы с партизанами, вспомогательную пожарную полицию, вспомогательную полицию охраны лагерей военнопленных и несения трудовой повинности.

«Остарбайтеры», как правило, набирались принудительно из числа местных жителей оккупированной части СССР (большая их часть была вывезена с территории Украины) в период с зимы 1941-1942 годов до конца лета 1944 года. Их основной сферой применения являлась работа на экономику Третьего Рейха. За годы войны с территории СССР было вывезено около 5 млн. человек, что помогало Германии относительно долго не испытывать проблем с рабочей силой.

Однако, самую значительную помощь в противостоянии со странами антигитлеровской коалиции сыграли тыловые и боевые части, набираемые из числа советских граждан и военнопленных, а также эмигрантов, покинувших Россию в годы гражданской войны и в большей своей массе настроенные антикоммунистически. Первым подобным подразделением можно считать сформированным в тылу группы армии «Центр» из военнопленных казаков добровольческую часть № 102 состоявшую из 2 кавалерийских эскадронов, 2 эскадронов самокатчиков, 1 кавалерийского взвода на конной тяге и 1 взвода противотанковых орудий во главе с бывшим майором Красной армии И.Н. Кононовым. Под его руководством в начале 1942 года данное подразделение в составе 88-й пехотной дивизии Вермахта отлично себя зарекомендовало в боях с частями Красной армии под Вязьмой, Полоцком, Великими Луками, а также в боях против советских партизан. На тот момент это был один из немногочисленных случаев создания подобных подразделений. Ввиду успешных действий данного подразделения, а также общего положительного отношения Германского руководства к казакам, как близким по крови к арийской расе, было принято решение о централизованном создании из числа советских граждан, военнопленных и эмигрантов подобных формирований.

Так в октябре 1942 года в ходе, проводимой немецкими вооруженными силами операции «Blau» удалось захватить большую часть территории, где компактно проживало большое количество донских и кубанских казаков. Они в немалой степени отрицательно относились к советской власти. При помощи сотрудничавших с Третьим Рейхом бывших генералов Белых армий генерал – лейтенанта А.Г. Шкуро и генерала от кавалерии П.Н. Краснова, которым была знакома «психология» казачества, при поддержке симпатизирующей части местного населения в г. Новочеркасск, был проведен казачий сход, на котором был избран штаб Войска Донского и его походный атаман - войсковой старшина С.В. Павлов [10, с.61]. С этого момента

началось централизованное формирование казачьих частей и подразделений в структуре Вермахта и СС.

Немного позже, 10 ноября 1943 года была сформирована центральная военная организация «Казачий Стан», объединившая казаков всех казачьих войск в составе Германских вооруженных сил. Первым крупным соединением сформированных из казаков (в основном из числа эмигрантов и советских военнопленных) стала 1-я казачья кавалерийская дивизия, сформированная 1 июля 1943 года. На тот момент основными функциями, которые выполняли данные подразделения, были защита тыловых коммуникаций и районов расположения фронтовых частей, а также борьба с партизанами на оккупированных территориях. Территория их применения не ограничивалась СССР, а распространялась и на другие оккупированные Германией страны.

Приказом от 25 февраля 1945 года на базе 1-й казачьей кавалерийской дивизии был сформирован 15-й казачий кавалерийский корпус СС под командование генерал – майора Вермахта Гельмута фон Панвица. На тот момент его численность составляла около 25 тыс. человек, из которых немцы составляли лишь 20 % численности. С приближением конца войны данные части все чаще стали привлекаться к непосредственному участию в боевых действиях против регулярных сил Красной армии, Югославских, Болгарских и Румынских войск. Так, в марте 1945 года части 15-го казачьего корпуса провели успешные наступательные действия против болгарских частей входе последнего крупного немецкого наступления у озера Балатон. Однако это уже были локальные успехи, которые не могли повлиять на общее катастрофическое положение Германии. К маю 1945 года личный состав казачьих формирований принял решение о прекращении борьбы и уходе в западную оккупационную зону, где сдался в плен войскам западных союзников. К этому моменту в казачьих частях на всех театрах военных действий проходили службу порядка 80 тыс. человек.

Другим примером коллаборационных формирований стали воинские части и подразделения, личный состав которых набирался из числа лиц кавказских и азиатских народов СССР. Централизованное формирование подобных частей началось в ноябре 1941 года после того, как 15 ноября генерал – квартирмейстер генерального штаба сухопутных войск генерал – майор Э.Вагнер издал приказ «О создании охранных «сотен» из военнопленных туркестанской и кавказской национальностей» [7, с. 387]. Одним из первых подразделений сформированным в исполнение данного приказа стал Туркестанский полк в составе 444-й охранной дивизии группы армий «Юг». Полк в своем составе имел четыре пехотные роты (что по численности его приравнивало больше к батальону) общее командование над которыми осуществляли немецкие офицеры и фельдфебели [8, с.359]. Боевое крещение он получил зимой 1941 – 1942 года при охране тыловых коммуникаций группы армии «Юг».

Основываясь на успешном опыте применения данного подразделения в последующем было принято решение о проведении более широкой компании по созданию подобных воинских частей и команд. Однако, ввиду увеличения потерь, а так же принятия Германским командованием решения о проведении летней наступательной кампании 1942 года целью которой, ставился захват Кавказа с его нефтяными месторождениями и вовлечением Турции в войну против СССР, был сделан вывод о необходимости формирования подобных подразделений с целью привлечением их к непосредственному участию в боевых действиях против регулярных частей Красной армии. Так уже 30 декабря 1941 года был подписан приказ о формировании нескольких кавказских и тюркских частей, в последующем получившим наименование Восточные легионы.

Помимо чисто боевых задач, данные части должны были играть и политическую функцию (поднять свои народы на борьбу против СССР). Базой подготовки данных подразделений

послужила оккупированная Польша. За первые три месяца 1942 года были сформированы 4 легиона: Туркестанский, Кавказско – магометанский, Грузинский и Армянский. В августе Кавказско – магометанский легион был расформирован, а на его базе были созданы отдельные подразделения из народов Северного Кавказа и Азербайджанский легион. В последующем был сформирован Волжско – татарский легион, включавший в себя башкир, татар, марийцев, мордву и др. Подготовка данных частей возлагалась на штаб Восточных легионов, позже переименованный 23 января 1943 года в штаб командования Восточными легионами.

По состоянию на октябрь 1943 года на территории Польского генерал губернаторства удалось подготовить 53 пехотных батальона общей численностью 53 тыс. человек. В мае 1942 года был образован еще один центр по формированию «восточных» войск в Полтавской области УССР. Пополнение в него набиралось из числа военнопленных фильтрационных лагерей данного региона. К июню 1942 года удалось закончить формирование 25 восточных батальонов общей численностью около 30 тыс. человек. В середине июня первые батальоны Восточных легионов, закончившие обучения были переброшены в группу армии «Юг» для последующего их участия в боевых действиях на территории Кавказа (в основном в горной местности). В сентябре 1942 года началось их боевое применение в составе частей 17 полевой армии Вермахта являвшейся самой большой по численности армией, где проходили службу бывшие советские граждане (около 16 % всей численности армии составляли подразделения восточных легионов) [7, с. 363]. В этих боях они себя показали не с самой лучшей стороны, в результате чего, после понесенных поражений в Сталинградской битве и на Курской дуге Германским руководством в сентябре – октябре 1943 года было принято решение о передислокации большинства Восточных легионов (около 32 батальонов) на «Атлантический вал» для обороны Франции, Нидерландов и Бельгии от предполагаемой высадки Западных союзников СССР по Антигитлеровской коалиции.

Всего же к июню 1943 года в составе Вермахта и СС удалось сформировать 78 восточных батальонов, 1 полк и 122 отдельные роты (охранные, истребительные, хозяйственные и т.д.) общей численностью 80 тыс. человек [11, с. 7].

В то же время были и отдельные примеры успешного применения данных подразделений. Так, сформированный в конце 1941 – начале 1942 года батальон, а позже полк «Бергман», личный состав в который набирался из политических эмигрантов и военнопленных кавказских народов СССР, отлично себя показал в диверсионных операциях на объектах нефтедобычи в районе г.Грозный. Позже он прикрывал отступление 1-й танковой армии с территории Кавказа, а в последующем до самого конца войны использовался как карательное подразделения в борьбе против партизан.

Следующим примером формирования коллаборационных частей из представителей русской национальности можно считать сформированную зимой 1941 – 1942 годов Русскую национальную народную армию (РННА). Набиралась она из числа бывших военнослужащих 33-й армии, 4-го воздушно - десантного и 10-го гвардейского кавалерийского корпуса Красной армии, попавших в плен в результате неудачной попытки окружения и разгрома группы армии «Центр». Инициаторами создания стали эмигранты - И.К. Сахаров, К.Г. Кромиади и С.Н. Иванов.

Вооружение армии состояло из трофейного захваченного имущества советских войск. Основной сферой ее применения стала борьба с партизанами в тылу группы армии «Центр», а также проведение диверсионных операций во фронтовых частях и соединениях Красной армии. К декабрю 1942 года с помощью привлечения сочувствующих антисоветских элементов и вербовки советских военнопленных численность РННА удалось довести до 4000 бойцов, после чего командованием Вермахта было принято решение о ее применении против

регулярных частей РККА [8, с. 445]. Однако это применение оказалось малоэффективным, в результате чего в декабре 1942 года после неудачной попытки силами армии деблокировать немецкий гарнизон в г. Великие Луки она была расформирована, а оставшиеся подразделения были распределены для охраны коммуникаций тыловых районов Германских армий [15, с. 395].

Еще одним примером формирования подразделений, для борьбы с партизанами и регулярными частями Красной армии, стала сформированная зимой 1941–1942 годов Русская освободительная народная армия (РОНА). Её появление во многом было примечательно тем, что она была создана на основе отрядов самообороны для защиты, так называемой «Локотской республики» (административное образование, созданное оккупационными властями на части территории Орловской – нынешней Брянской области) руководимой К.П. Воскобойниковым, а после его уничтожения в январе 1942 года Б.В. Каминским.

Изначально ее функции ограничивались проведением охранных мероприятий и антипартизанских рейдов, однако при приближении регулярных частей Красной армии, она стала привлекаться и к непосредственному участию в боевых действиях против неё. Так в марте 1943 года первые два батальона РОНА были впервые применены против передовых частей Советских войск, наступающих на Орел, однако большой боеспособности они не продемонстрировали, при этом при выдвижении к фронту около 700 человек её бойцов перешли на сторону партизанских формирований.

В этом эпизоде крылась главная проблема армии, так как первоначально комплектование армии осуществлялось только добровольцами из числа военнопленных и эмигрантов. Однако с затягиванием войны началась проводиться принудительная мобилизация в ряды армии мужского населения подконтрольных администрации республики территорий. Это не замедлило сказаться на ее боеспособности и дисциплине.

В сентябре 1943 года при приближении частей Красной армии к границам «Локотской республики» ее правительство вместе с остатками частей армии бежали на территорию Белоруссии, где привлекались Германским командованием для проведения карательных операций против партизан и сочувствующим им мирному населению. В последующем решением руководства СС РОНА была расформирована и к июлю 1944 года была развернута в 29-ю гренадерскую дивизию СС. В этом статусе она приняла участие в подавлении Варшавского восстания в августе – октябре 1944 года и в последующих карательных операциях против жителей Польши, до своего фактического роспуска после расстрела своего командира Б.В. Каминского (за поощрение грабежей и расправ над местным населением) в конце августа 1944 года [1, с. 39]. За это время через ряды РОНА, а в последствии 29-й гренадерской дивизии СС успело пройти службу порядка 20 тыс. человек.

К осени 1944 года все вышеперечисленные подразделения были объединены в Русскую освободительную армию (РОА) под руководством бывшего генерал – лейтенанта Красной армии А.А. Власова, попавшего летом 1942 года в немецкий плен после разгрома 2 – й ударной армии на Волховском фронте.

Согласившись работать на противника, он стал его главным «рупором» в борьбе с коммунистической идеологией на оккупированной территории. Под его подписью вышли обращения «К бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза», а так же знаменитый «Смоленский манифест», появившийся в декабре 1942 года, где провозглашалось создание Русского комитета и его вооруженных сил Русской освободительной армии (РОА). Правда на тот момент это решение так и осталось на бумаге. В большинстве своем причиной этому послужило недоверие руководства Третьего Рейха к формированию подобных самостоятельных подразделений, а также слишком независимая

линия, проводимая А.А. Власовым, в результате чего он на долгое время был отстранен от фактического руководства деятельностью Русского комитета.

Решение о создании боевых частей РОА было принято только к лету 1944 года и изначально предполагалась начать их формирование на базе уже имевшихся подразделений коллаборационистов, а также организовать набор добровольцев из числа советских военнопленных и эмигрантов. Однако, ввиду тяжелого положения на Западном и Восточном фронте к вопросу формирования вернулись только осенью 1944 года после того, как 14 ноября 1944 года в г. Прага при поддержке руководства Третьего Рейха состоялся учредительный съезд Комитета освобождения народов России (КОНР), председателем которого стал А.А. Власов. На нем был провозглашен манифест, постановивший объединение под единым руководством всех антисоветских сил, находившихся в распоряжении Германского командования, включая эмигрантские организации, национальные комитеты и восточные формирования.

Другим важным фактором в формировании РОА сыграл указ А. Гитлера от 28 января 1945 года, в котором главнокомандующим армии назначался генерал – лейтенант А.А. Власов [8, с.41]. В этом же документе указывалось, что вооруженные силы КОНР получали самостоятельность от Третьего Рейха и объявлялись вооруженными силами «союзного» государства с предоставлением права получения финансовой и материальной помощи за счет выделенного кредита, который погашался лишь после победы над СССР.

К началу мая 1945 года общая численность вооруженных сил КОНР, непосредственно подчинённых генерал – лейтенанту А.А. Власову составляла более 120 тыс. человек [2, с.189]. В это время в них входили помимо пехотных и казачьих частей, подразделения авиации, а также технические части и школы подготовки командного состава. Однако, данные силы были размещены и использовались как на Западном, так и на Восточном и Итальянском фронте против сил Союзников и Красной армии. Это не позволяло в полной мере использовать имевшиеся силы самостоятельно в результате чего данные части и подразделения в большинстве своем поступали под командование Вермахта и СС.

Изначально планировалось сформировать 1-2 дивизии и проверить их в боевых условиях и в случае успешного применения, довести общее число сформированных соединений до 10. Далее им предполагалось выделить самостоятельный участок фронта для борьбы с Красной армией. Однако ни времени, ни ресурсов на это уже не хватало, ввиду чего до конца войны удалось сформировать только 3 дивизии. Самой боеспособной из них была 1-я, так как она была полностью укомплектована и оснащена (на момент апреля 1945 года численность дивизии составляла 20 тыс. человек), 2-я была вооружена только стрелковым оружием и не имела тяжелого вооружения, 3-я находилась на стадии формирования до самого конца войны (к маю 1945 года в лагерях подготовки имелось около 10 тыс. человек практически не укомплектованных даже необходимым количеством стрелкового вооружения).

Помимо данных соединений удалось сформировать резервную бригаду, инженерный батальон и нескольких офицерских школ, а также отдельные авиационные подразделения и подразделения Кригсмарина общей численностью около 50 тыс. человек [11, с.42]. Первое боевое применение формирований РОА, состоявшего из сводной ударной группы, состоялось 9 февраля 1945 года на Одерском фронте в районе населенных пунктов Ней – Левин, Карлсбизе и Керстнебрух [8, с.42]. В этих боях ей удалось потеснить несколько подразделений 230-й стрелковой дивизии, однако общую обстановку на фронте оно не изменило.

Однако, ввода в бой значительных сил и средств РОА так и не состоялось, и вплоть до конца войны части и соединения армии располагались в тыловых районах группы армии «Центр», а также на Балканах, где их и застала капитуляция Германии. Последним эпизодом ее применения можно считать поддержка восстания местного населения в г. Прага в период с

5 по 8 мая 1945 года, где части 1-й дивизии под командованием генерал – майора С.К. Буниченко вступили в боевые действия с немецким гарнизоном города, рассчитывая тем самым искупить свою вину перед западными союзниками и СССР [8, с.44].

Советское руководство отказало в предоставлении гарантий в помиловании участников «власовского движения», ввиду чего руководством коллаборационистов было принято решение о приостановке боевых действий против немецких сил и отводе частей РОА навстречу войскам Великобритании и США с целью сдачи в плен. Однако в соответствии с договорённостями стран Антигитлеровской коалиции, достигнутыми на Ялтинской конференции, проходившей в Крыму в период с 4 по 11 февраля 1945 года, все участники коллаборационных формирований и интернированные граждане СССР должны были быть переданы советскому руководству, ввиду чего большая часть РОА сдавшихся в плен была передана СССР. При этом депортации подверглись не только советские граждане, но и лица никогда его до этого не имевшие (бывшие граждане Российской империи, иммигрировавшие во время гражданской войны), проходившие службу в различных коллаборационных формированиях Вермахта и СС. Всего же за годы Великой Отечественной войны через боевые формирования, воевавшие на стороне Германии прошли около 1,5 млн. советских граждан (без учета насильственно угнанных и добровольно привлеченных к работе на немецкую экономику «Остарбайтеров»).

Заключение: Таким образом, коллаборационные формирования, использовавшиеся Германией и воевавшие на ее стороне сыграли большую роль в ведении боевых действий на фронтах Второй мировой войны. Прежде всего, благодаря их использованию немецкому командованию в значительной степени удавалось компенсировать боевые потери, а также осуществлять контроль над оккупированными ею территориями. В то же время для руководства СССР это стало большой трагедией, так как немалая часть советских граждан по идеологическим или материальным соображениям согласилась пойти на сотрудничество с противником. Во многом это было обусловлено проводимой советским руководством внутренней политикой по отношению к отдельным категориям граждан страны, а также поражениями первого периода Великой Отечественной войны.

Однако в большинстве своем коллаборационные формирования показали свою малую боеспособность. Результатом этого стало то, что личный состав данных подразделений при первой возможности старался уклониться от непосредственного участия в боевых действиях против регулярных частей Союзных войск и Красной армии, либо переходить на сторону партизан и вместе с ними бороться с врагом.

Библиографический список

1. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart. 1983. Bd. 4. S. 1061.
2. Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. Berlin, 1982. S. 118.
3. Александров, К.М., Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели, Москва: Яуза, Эксмо: 2005. - 752 с. - (Досье III рейха).
4. Великая Отечественная война. 1939-1945: Воен.-ист. очерки. Кн. 1. Суровые испытания - Москва: 1998. – 504 с.
5. Военно – исторический журнал. 1988. № 9. 26-28 с.
6. Гарин И., Русский коллаборационизм во время Второй мировой - Москва: 2014. – 144 с.
7. Дробязко, С., Крашук, А., Вторая мировая война 1939 – 1945. Русская освободительная армия. Военно - историческая серия «Солдаты». Москва: АСТ, 1998. – 45 с.
8. Дробязко, С.И., Романько, О., Семенов, К. Иностранные формирования Третьего рейха. 2-е изд. – Москва: 2011. - 832 с.

9. Дробязко, С.И., Романько, О.В., Семенов, К.К., Иностранные формирования Третьего рейха / Под ред. К.К.Семенова, М., АСТ; Астрель, 2009. – 848 с.
10. Ковалев, Б.Н., Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг. Типы и формы - Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. - 372 с.
11. Махно, В., Справочник "Полный перечень объединений и соединений 3-го Рейха из граждан СССР", Киев: 2010. – 156 с.
12. Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. - 896 с.
13. Романько, О.В., Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах Вермахта и СС. Москва: Эксмо, Яуза: 2006.– 640 с.
14. Семеряга, М.И., Коллаборационизм : Природа, типология и проявления в годы Второй Мировой войны / М. И. Семиряга; Акад. воен. наук. - Москва : РОССПЭН, 2000. – 862 с.
15. Семерягин, В., Коллаборационисты. Кто и как сотрудничал с оккупантами во время Великой Отечественной войны // ФСБ за и против. - 2020. - № 4(68). - с.42-49.

Сведения об авторе:

Ковалеров Артем Евгеньевич, студент Крымского инженерно – педагогического университета им. Февзи Якубова, e-mail: kovaleroyal@mail.ru

УДК 94 (430)

С. В. Кобец

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Аннотация: В статье исследуется восприятие советского государства в идеологии национал-социализма. Рассмотрение данного аспекта позволяет выявить идеологические предпосылки проведения нацистской оккупационной политики на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Вписывание образа советской системы и советского человека в контекст нацистского мировоззрения послужило отправной точкой преступным действиям нацистской администрации и вермахта в годы войны.

Ключевые слова: СССР, национал-социализм, нацистская идеология, антисемитизм

Kobets S.V. The Image of the Soviet Union in the Concepts of National Socialism

Abstract: This article examines the perception of the Soviet state within the ideology of National Socialism. This examination allows us to identify the ideological preconditions for the Nazi occupation policy in the USSR during the Great Patriotic War. The framing of the Soviet system and the Soviet individual within the context of the Nazi worldview served as the starting point for the criminal actions of the Nazi administration and the Wehrmacht during the war.

Keywords: USSR, National Socialism, Nazi ideology, antisemitism

Нацистское движение, возникшее в Германии в годы Веймарской республики, представляло собой праворадикальное течение, ставившее перед собой целью пересмотр Версальского мирного договора и возрождение величия германского государства. Нацистское движение первоначально представляло собой политическую группу, примыкавшую к фёлькишескому движению, лишь затем выделилось в самостоятельную силу с претензией на политическую власть в германском государстве. Идеологические основания нацистского движения были высказаны ее лидером А. Гитлером в многочисленных выступлениях и книге, написанной для популяризации нацистского движения в веймарском обществе и концентрированном изложении [3]. Также большое значение в выработке нацистской идеологии сыграл идеолог нацизма А. Розенберг, впоследствии ставший министром Имперского министерства оккупированных восточных территорий после начала германо-советской войны в 1941 г., реализовывавший свои представления на практике [7]. Как отмечал российский историк С. Артамошин, «нельзя сказать, что нацистская идеология есть лишь <примитивизация> ранее существовавших идей. Скорее ей было свойственно оформление их в чеканные формы, используемые в пропаганде, для большей восприимчивости в массах. Впрочем, творчество главного нацистского теоретика Альфреда Розенберга не является образцом упрощения. Его сочинения весьма запутанны по композиции, что встречало непонимание даже среди самой нацистской элиты. Но его роль в формировании мировоззрения никем не оспаривалась и там, где дело касалось идеологических сентенций, никто не мог с ним тягаться» [1. С.108-109].

Нацистская идеология представляла собой расистское мировоззрение с ярко выраженным антисемитским компонентом. Для представлений А. Розенберга характерным являлось соединение представлений о расе с характеристикой души конкретного народа. Биологизм его мысли выражался в слияние мистического расизма и биологического понимания крови. Это означало формирование новой веры в значение крови. Как писал А. Розенберг, «сегодня просыпается новая вера: миф крови, вера, что вместе с кровью будет защищена вообще божественная сущность людей. Олицетворяющая светлое знание вера в то, что нордическая кровь представляет собой таинство, которое заменило и победило старое причастие» [8. S.114]. Мировоззренческий поворот в сторону принятия расизма соединялся с актуальными проблемами современного германского общества. Нацисты постоянно подчеркивали собственное значение

спасителей Германии, которая оказалась после Первой мировой войны на пороге государственной и общественной катастрофы. Как отмечал А. Гитлер, «Германия катилась в пропасть; удержать ее от окончательного падения в последнюю минуту, было призвано наше движение» [5. S. 409].

Расистский взгляд на человеческую историю воплощался в представлениях нацистов в стремление к радикальному противопоставлению арийцев и евреев. Нацистский антисемитизм был не только расистским взглядом и носил в себе политический элемент, отражавший политическую реальность Веймарской республики. Политическое равноправие, полученное немецкими евреями на основании Веймарской Конституции и преодоление религиозного ограничения, воспринималось нацистами как антигерманская политика, проводимая ими в силу того, что многие политические деятели социал-демократического и коммунистического движения имели еврейские корни в своем происхождении. Они полагали, что в результате слабости германского государства после войны немецким евреям удалось получить политические права. Это означало, что для нацистской позиции важным являлось то, что политическая система Веймарской республики отождествлялась с господством в политической и общественной сфере германского еврейства. А. Розенберг демонизировал роль евреев в германском обществе и рассматривал их как расовых противников германской нации [8. S. 460]. Схожие уничижительные характеристики использовал и А. Гитлер, отмечавший, что «евреи - это образ и подобие дьявола. Еврейство означает расовый туберкулез народов» [4. С.23]. Утверждения нацистов о стремлении евреев к мировому господству основывались на получившей широкое распространение в Германии книге «Протоколы сионских мудрецов», подвергнутых суровой критике в историографии как домисел и фальшивку. В Германии этот текст был переведен Мюллером фон Гаузенем, издавшим ее под псевдонимом Готтфридом цур Бееком. Она распространялась по подписке журнала *Auf Vorposten* в качестве специального издания. Также Мюллер фон Гаузен был председателем «Общества по борьбе с влиянием евреев» [1. С. 75-76]. В годы Веймарской республики воплощением господства еврейства А. Гитлеру виделась советская система СССР, которая своим политическим руководством была представлена коммунистами еврейского происхождения, что для нацистской позиции уже являлось основанием определения советского государства как еврейского. В своем воинственном антисемитизме нацисты не стремились увидеть особенности национального состава и руководящих кадров Советского Союза, что могло бы послужить опровержением данного тезиса. Важным является то, что А. Гитлер и его сторонники стремились разжечь ненависть внутри страны против немецких евреев и в далекой перспективе именно антисемитизм стал идеологическим фактором формирования образа врага в лице Советского Союза. А. Гитлер отмечал, что «русский большевизм есть только новая, свойственная XX веку попытка евреев достигнуть мирового господства» [5. S. 751].

Политико-антисемитское восприятие советской политической системы, которое оставалось в представлении А. Гитлера на протяжении всего последующего времени несколько отличалось от расово-биологической интерпретации А. Розенберга, который видел в России результат восточно-монгольского наследия с элементами западноевропейской политической культуры. В данном случае он считал большевизм чуждым русскому духу явлением, произрастающим из западноевропейской марксистской мысли. Русская революция 1917 г., которую А. Розенберг встретил в Москве, виделась им сочетанием марксизма и еврейства, стремлением евреев захватить политическую власть. Следует отметить, что данные инсинуации нацистского идеолога обосновывались им ссылкой на Протоколы Сионских мудрецов, в пропаганде которых в Германии он сыграл не последнюю роль [2]. А. Розенберг опираясь на воинственный расизм считал, что в ходе русской революции с национальной основой русских было

покончено и определял население Советской России как результат расового смешения, в котором не осталось ничего русского и служившего «живым укором» нордическому человеку [8. S.214]. А. Розенберг стремился рассматривать большевизм, как только как угрозу европейской системе, но и прежде всего угрозу внутренней безопасности Германии. В книге «Чума в России», вышедшей в 1936 г. он подчеркивал, что «чума в России ежедневно работает над нашим разрушением; она сегодня более чем когда-либо простирает свои когти над немецкой родиной, над всей Европой» [1. С.126]. Российский исследователь С.В. Артамошин считал, что нацистское восприятие большевизма и политики советской власти было обусловлено внутривластной стратегией нацизма, усматривавшего в нем серьезного политического конкурента в борьбе за массы и власть в Германии, и для дискредитации которого допустимо использование всех средств. «Нацистские идеологи умело использовали антисоветские настроения среди части граждан Германии с тем, чтобы показать в наиболее ужасающем виде надвигающуюся “красную чуму” и предложить себя в качестве силы, способной ей противостоять. Здесь идеологический и политический аспект сливались в единое целое. С одной стороны, большевизм являлся политическим соперником нацизма в борьбе за влияние на массы населения, а также в стремлении к обретению политической власти в Германии. С другой стороны, он выступал как мировоззренческий противник, как творение евреев, агрессивный продукт расового смешения. Для потенциальных сторонников, таким образом, большевизм мог выступать либо как продукт еврейской воли, либо, если это не совпадало с убеждениями, как политическая сила, стремящаяся к захвату власти и перелицовки всего политико-экономического уклада жизни на коммунистический лад» [1. С. 126].

Размышляя о перспективах будущего восстановления Германии, нацистский лидер А. Гитлер уже в 1920-е гг. считал, что в области внешней политики большевизм выступал ширмой, под которой скрывался русский панславизм [6. S. 54]. СССР не представлял в веймарский период интерес для А.Гитлера, так как внутривластная необходимость диктовала ему акцентирование внимание на тех аспектах, которые могли быть понятным и политическим значимым для германского населения. Такой проблемой могла быть только ревизия Версальского мирного договора, что отодвигало фактор советского государства на второй план. А. Гитлер писал, что «целью всей нашей внешней политики должно являться приобретение новых земель» [5. S. 735-736]. Рассуждения А. Гитлера представляли европоцентристский взгляд на проблему реорганизации Европы, основным препятствием которой могла выступить только Франция, которая была раздражающим фактором и основным врагом не только для нацистов, но и многих немцев. Это объяснялось враждебной и жесткой политикой Франции в отношении реализации условия Версальского мира и выполнения репарационных выплат. Поэтому представление Франции как потенциального противника Германии было вполне объяснимо. Видимо не случайно, что в главе своей книги «Восточная ориентация или восточная политика» А. Гитлер уделяет основное внимание именно роли Франции и особенностям французской политики на континенте. Вместе с тем важно отметить, что данная глава открывается утверждением, сыгравшим важную роль в объяснении особенностей нацистской политики на территории СССР. А. Гитлер писал, что «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены» [5. S.742]. Это означало не только ревизию восточных границ Германии, но и перспективу направленности экономической политики, которая представляла собой вовлечение СССР в орбиту немецких интересов. Экономическая стратегия нацистской Германии в 1930-е гг. представляла собой стремление к созданию условий для трансформации экономической системы в автаркию. Как отмечал российский исследователь С.В. Артамошин, идея автаркии была включена в нацистскую идеологию нацистским

экономическим теоретиком Вернером Дайцем в 1932 г., который во второй половине 1930-х гг. возглавлял ведомство внешней экономики во Внешнеполитическом бюро НСДАП. В. Дайц полагал, что нацистская экономическая система должна строиться на основе стремления «жить собственной силой и за счет собственного пространства», что означало создание системы автаркии в области экономики как средства обеспечения национальной независимости [Цит. по:1. С.144]. Стремление к автаркии предусматривало создание экономической базы, способной обеспечить функционирование германской промышленности и решение продовольственного обеспечения. Данный принцип означал, что германская политика будет ориентирована на пространства СССР, на которых возможно удовлетворение всех этих элементов.

Можно утверждать, что экономический расчет и реализация с 1936 г. Четырехлетнего плана в Германии объективно должны были привести к установлению контроля над пространством Советского Союза как региона, богатого продовольственными, природными и людскими ресурсами. Выработка практической стратегии экономической эксплуатации СССР накануне нападения в июне 1941 г. во многом определялась экономическими расовыми принципами.

Библиографический список

1. Артамошин С.В. Идеиные истоки национал-социализма. – Брянск, 2002.
2. Кон Н. Благословение на геноцид: миф о всемирном еврейском заговоре и «Протоколы сионских мудрецов»/Пер. с англ. – М., 1990.
3. Мазер В. История «Майн Кампф». Факты, комментарии, версии. – М., 2007.
4. Фест Й. Гитлер. Биография. /Пер. с нем. - Пермь, 1993. - Т.2
5. Hitler A. Mein Kampf. – München, 1936.
6. Kuhn A. Hitlers aussenpolitisches Programm: Entstehung und Entwicklung 1919-1939. - Stuttgart, 1970.
7. Piper E. Alfred Rosenberg. Hitlers Chefideologe. – München, 2005.
8. Rosenberg A. Der Mythos des 20.Jahrhunderts. Eine Wertung seelisch-geistigen Gestaltenkampfe unserer Zeit. - München, 1934.

Сведения об авторе:

Кобец Сергей Вячеславович, директор по развитию Агентства архивного поиска «Трибус»,
s_kobets@mail.ru

УДК 94(100)“1914-1918”

Д. И. Шендыгаев

ПРОБЛЕМА ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В Г. БРЯНСКЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. 1915-1917 ГГ.

Аннотация: Настоящая статья посвящена вопросу переселенцев в Брянске и Брянском уезде в годы Первой мировой войны. В результате вынужденной миграции переселенцам западных территорий Российской империи приходилось сталкиваться с объективными проблемами, свойственными миграционным процессам. В статье анализируются действия местных властей и общественных организаций по решению возникших трудностей: проблема регистрации переселенцев, жилищный вопрос, помощь в поиске работы для переселенцев, выплаты денежных пособий и беженских пайков.

Ключевые слова: переселенцы, миграция, вынужденная миграция, временное убежище, г. Брянск, Брянский уезд, Первая мировая война

Shendygayev D.I. The problem of forced settler in Bryansk during the First World War. 1915-1917

Abstract: This article focuses on the issue of resettlers in Bryansk and the Bryansk district during the First World War. As a result of forced migration, resettlers from the western territories of the Russian Empire faced various challenges associated with migration processes. The article analyzes the actions taken by local authorities and public organizations to address these difficulties, including the registration of resettlers, housing issues, assistance in finding employment for resettlers, and the provision of financial benefits and refugee rations.

Keywords: Resettlers, migration, forced migration, temporary asylum, Bryansk, Bryansk District, The First World War

В отечественной истории миграционные процессы оказали значительное влияние на формирование российской государственности. В современном обществе миграционные процессы существенно возросли, оказывая влияние на демографические процессы в российском сообществе. Изучение института миграции требует комплексного анализа в социальных, демографических, исторических и иного рода аспектах. В отечественной истории всплеск внутренней и внешней миграции приходился на периоды внутренних и внешних потрясений: Первая мировая война, Великая Отечественная война, распад Советского Союза.

В демографической науке термин «миграция» трактуется исследователями по-разному: используются такие понятия как «колонизация», «иммиграция», «эмиграция», «переселение», «подвижность», что затрудняет изучение данного вопроса [1, с. 37]. В данной статье понятие миграции рассматривается в широком смысле, как «совокупность фиксируемых различными способами как безвозвратных, так и возвратных перемещений между разными населенными пунктами» [1, с. 48].

Дефиниция «беженец» появляется в международном праве с началом Первой мировой войны. После окончания войны понятия «беженец» было определено и зафиксировано в ряде международных договоров, в частности в 1926 г. на Женевской конференции по урегулированию проблем русских и армянских беженцев. Проблема беженцев вновь стала актуальной в результате событий Второй мировой войны, что привело к созданию международно-правовой системы для защиты беженцев. В межвоенный период беженцами признавались лица определенной национальности, оказавшиеся в ситуации невозможности правовой защиты со стороны своего государства и при этом не получившие гражданства иного государства [2, с. 113]. Схожим по значению понятия «беженец» является понятие «переселенец». При этом понятие «переселенец» включает лиц, «меняющих место постоянного проживания в соответствии с международным договором или по решению компетентных органов государства» [3]. Определенные трудности заключаются в отсутствии устоявшейся терминологии данных понятий и их применения ко времени начала Первой мировой войны. В настоящее время характер

переселения определяется как добровольный и принудительный. В частности, советский и российский демограф П. М. Полян определяет принудительную миграцию как «перемещение значительных масс людей, предпринятые государством по отношению к своим или чужим гражданам путем принуждения» [4, с. 11]. Однако, в сложившейся ситуации на Восточном фронте Первой мировой войны, переселение граждан не всегда инициировалось государством, а во многом определялось неудачами русской армии на фронтах войны.

Английский историк П. Гэтрелл, исследовал вопросы беженцев в России в годы Первой мировой войны, определял 2 основные группы беженцев в Российской империи во время войны. К первой группе он относил беженцев, бежавших от войны и добровольно покидавших свои дома, ко второй группе относились интернированное население, заподозренное в помощи противнику. Принудительному выселению с прифронтовых территорий подвергалось еврейское население и немецкие колонисты, большая часть которых являлась подданными российского императора [5, р. 16-17].

Со вступлением Российской империи в Первую мировую войну, миграционная политика российского правительства теряет целенаправленный и приобретает вынужденный характер. Вопреки ожиданиям руководства России о быстром окончании войны, о наступательном характере войны для русской императорской армии, военные действия развернулись непосредственно на территориях западных губерний Российской империи. Миллионы жителей западных районов России были вынуждены уезжать с постоянных мест проживания и искать прибежища в центральных и восточных губерниях, привыкая к новой повседневности.

В связи с «Великим отступлением» русской армии в 1915 г., территории западных районов Российской империи были оккупированы немецкими войсками. Правительство Николая II было вынуждено предпринять меры по разрешению вопросов вынужденных переселенцев западных губерний страны. В законе, изданном 30 августа 1915 г. было дано определение понятия «беженец», а основная тяжесть забот о нуждах данного населения поручалась Министерству внутренних дел и подведомственным организациям [6, с. 2].

Численность беженцев из зон боевых действий в 1916 г. уже достигала 1,2 млн. человек. Штабам северо-западного и юго-западного фронтов было поручено организовать эвакуацию беженцев из зон военных действий. В первую очередь решался вопрос эвакуации населения железнодорожным транспортом в центральные губернии России. Так, главноуполномоченный северо-западного фронта просил Брянский городской комитет об организации питательного и врачебного пунктов по пути следования поездов с беженцами, принять меры по организации питательного и врачебных пунктов [7, Ф. 2. Оп. 1. Д. 1192. Л. 169].

Беженцев отправляли преимущественно в Европейскую часть России. Изначально планировалось использовать приграничные территории как временные пункты содержания беженцев для продвижения в дальнейшем на восточные территории страны. Однако по мере увеличения численности беженцев и развития событий на фронтах беженцы стали расселяться в приграничных территориях [8, с. 7]. До создания осенью 1915 г. особого совещания по устройству беженцев под председательством министра внутренних дел, нуждами беженцев занимался «Комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий» (председателем комитета являлась великая княжна Татьяна Николаевна). В губерниях и уездах открывались отделения Татьянинского комитета, которые на местах оказывали помощь беженцам. Правительство осуществляло посредством Татьянинского комитета и Всероссийского Земского союза и союза городов организацию массового передвижения беженцев в российские губернии, незатронутые войной. Государство взяло на себя финансирование деятельности данных организаций, однако комитеты также организовывали сбор средств для своих нужд [9, с. 120].

С августа 1915 г. заботы по обеспечению нужд беженцев были возложены на земские и городские общественные учреждения [10, Ф. 2. Оп. 1. Д. 1192. Л. 19.]. Часто помощь беженцам оказывали местные жители и местные благотворительные организации. Так, жителям города Брянска, насчитывавшего 30 тыс. человек и уезда в январе 1916 г., приходилось заботиться о 9139 беженцах [8, с. 7-8]. Из числа этих беженцев, были русскими 3353 человек взрослого населения и 945 детей. Также среди беженцев в Брянске были поляки, литовцы, латыши, немцы, евреи и татары [11, Ф. 2. Оп. 1. Д. 1192. Л. 55.].

Миграция населения в годы войны имела вынужденный характер, в силу этого государство не могло в должной мере организовать переселение населения из районов военных действий. Обязанность разместить беженцев возлагалась на местную власть и полицию. Перечень проблем, который необходимо было разрешить местным властям в вопросе беженцев был обширный. К примеру, гласный Брянской городской думы Пипенко Н. обращался к городскому голове г. Брянска с просьбой о необходимости регистрации беженцев из Варшавы и Риги с целью профилактики болезней и предоставления беженцам работы [12, Ф. 2. Оп. 1. Д. 1192. Л. 3.]. В г. Брянске для беженцев были построены 3 барака, рассчитанных на 200 человек и арендовано помещение для размещения 100 человек. С ростом количества беженцев выросла и цена на сдаваемое жилье. В отдельных губерниях властями создавались специальные комиссии, задачей которых являлась борьба с завышением цен на жилье для беженцев [9, с. 128–130]. С целью ликвидации проблемы трудоустройства беженцев Акционерным обществом Мальцовских заводов было принято решение расселить беженцев в селениях, близ лесных работ [13, Ф. 374. Оп. 1. Д. 204. Л. 53, 54].

Помощь беженцам оказывало местное брянское дворянство. Однако проблема размещения беженцев вызывала споры среди общественности. Так, председатель орловской уездной земской управы С.А. Цуриков и брянский уездный предводитель дворянства В.В. Тенишев, высказывались о необходимости размещения беженцев в восточных губерниях, в силу невозможности размещения в Брянском уезде и во избежание «народных бедствий». Однако в данной дискуссии возобладала точка зрения председателя орловской губернской земской управы С.Н. Маслова, призывавшего к гуманности и помощи людям, пострадавшим от военных действий [9, с. 131–132].

В октябре 1915 г. по подсчетам брянского городского комитета, комитета Брянского завода в Бежице, комитета Льговского поселка, в Брянске и уезде насчитывалось от 12 до 15 тысяч беженцев. На совещании комитетов помощи беженцам, осевшим в пределах города Брянска и его уезда, состоявшемся 14 октября 1915 г. был принят ряд решений. Во-первых, дальнейшее увеличение числа беженцев было крайне нежелательным для уезда, и администрация «все дозволенные законом меры по сокращению числа беженцев в Брянске». В сравнении с осенью 1915 – 1916 гг. число беженцев в Брянском уезде постепенно уменьшалось к концу 1916 г., и оставалось на одном уровне до конца войны. К 1 марта 1917 г. в Брянском уезде насчитывалось 8195 беженцев, 1 августа 1917 г. – 8667 человек, к 1 декабря 1917 г. – 8485 беженцев [14, Ф. 4. Оп. 1. Д. 482. Л. 130, 140, 148.]. Во-вторых, был выработан единый план действий по отношению к беженцам, согласно которому необходимо было проводить строгую регистрацию. В-третьих, беженцы были разделены на две категории: трудоспособные и нетрудоспособные. Для первой категории беженцев, в первую очередь, нужно было оказать помощь в поиске работы, для второй категории следовало оказывать финансовую и материальную помощь [15, Ф. 4. Оп. 1. Д. 465. Л. 9-9 об., 10-10 об.].

Еще одним вопросом, требующим быстрого решения, являлась организация обучения детей беженцев. В августе 1915 г. попечитель Московского учебного округа Тихомиров А. сообщал об отсутствии организации учебного процесса среди детей карпатско-русских

беженцев на протяжении учебного года и необходимости обеспечить беспрепятственный прием детей галичан в высшие и низшие начальные училища [16, Ф. 29. Оп. 1. Д. 645. Л. 126.]. Брянский городской комитет по оказанию помощи беженцам сообщал о нехватке обуви и одежды для детей, вследствие чего дети не посещали занятия [17, Ф. 2. Оп. 1. Д. 1192. Л. 135.].

После событий февральской революции 1917 г. часть беженцев изъявила желание вернуться на охваченные войной территории. Часть румынских, польских и литовских беженцев хотела вернуться обратно в места постоянного проживания. По всей видимости это намерение было вызвано отсутствием возможности организованно оказывать помощь данной категории населения [18, Ф.44. Оп.1 Д.1 Лл.113-113 об.]. После событий октябрьской революции вопросами беженцев занималось Центральное правление Всероссийского Союза беженцев. Всероссийский союз беженцев ставил задачу возвращения беженцев на покинутые ими территории и разрешения насущных проблем вынужденных переселенцев в местах их нахождения. В губерниях создавались местные губернские Советы беженцев, которые продолжили работу дореволюционных организаций, занимавшихся помощью беженцам. Всероссийский союз беженцев возлагал все финансовые обязательства на государство, потому что трудности вынужденных переселенцев возникли как результат деятельности государства [9, с. 295–297].

События Первой мировой войны поставили правительство Российской империи перед беспрецедентным явлением вынужденного массового переселения. Российская власть ко времени начала Первой мировой войны обладала опытом в вопросе организации переселения, однако характер войны, масштабы миграции изменили изначальные планы правительства, в том числе и в вопросе миграционной политики. На момент вступления в военный конфликт правительство русского императора не имело разработанного плана эвакуации населения таких масштабов, отсутствовала нормативно-правовая база и государственные органы, ответственные за эвакуацию. В связи с необходимостью отступления в 1915 г., российская власть создала законодательную базу, однако основная тяжесть проблем беженцев ложилась на местную власть и общественные организации. Властям на местах, в общем и целом, удалось справиться с проблемами беженцев, однако частные вопросы обучения, выдачи пособий, нехватка одежды и обуви не всегда являлись разрешенными. Созданная правительством Российской империи во время войны система мер поддержки беженцев действовала до начала 1918 г., когда были отменены казенные пайки и всевозможные комитеты, оказывавшие помощь вынужденным переселенцам.

Библиографический список

1. Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 2.: Миграция населения: явления, понятия, детерминанты. – М.: Экон-Информ, 2017. 234 с.
2. Белькова Е.Г. Беженцы и переселенцы: разграничение понятий // Известия Иркутской государственной экономической академии. № 3 (59). 2008. С. 113-116.
3. Бекашев К.А. Переселенцы // Большая российская энциклопедия 2004-2017. URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/2330566?ysclid=mi4x4micqz738474416> (дата обращения: 28.10.2025)
4. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М.: О.Г.И. – Мемориал, 2001. 328 с.
5. Gatrell P. A whole empire walking: refugees in Russia during World War I. Indiana University Press, 1999. 318 p.
6. Законы и распоряжения о беженцах. Выпуск I-й. М.: Городская типография, 1916. 109 с.
7. ГАБО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1192. Л. 169.

8. Брянщина в годы Первой мировой войны: сборник. – Брянск: ООО «Новый проект», 2021. 532 с.
9. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914-1925 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Брянск, 2014. 461 с.
10. ГАБО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1192. Л. 19.
11. ГАБО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1192. Л. 55.
12. ГАБО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1192. Л. 3.
13. ГАБО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 204. Л. 53, 54.
14. ГАБО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 482. Л. 130, 140, 148.
15. ГАБО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 465. Л. 9-9 об., 10-10 об.
16. ГАБО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 645. Л. 126.
17. ГАБО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1192. Л. 135.
18. ГАБО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1 Л. 113-113 об.

Сведения об авторе:

Шендыгаев Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, e-mail: shendygayev@inbox.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94 (430)

А. Е. Порунов

ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ В ПЕРЕСЫЛОЧНОМ ЛАГЕРЕ ДУЛАГ 142

Аннотация: В данной статье затрагивается тема реализации трудовой повинности в пересылочном лагере Дулаг 142, находившегося на территории ремонтного завода в посёлке Урицкий, входившего в городскую агломерацию Брянска. Исследование истории лагеря, как и исследование политики оккупационных властей на территории Брянщины традиционно рассматривалось через документы и донесения партизанского движения, а также нарративные источники, не справедливо упуская ряд важных источников, которые повествовали бы о положении людей на оккупированной территории. Через такую же призму рассматривалась история пересылочного лагеря Дулаг 142, что в свою очередь не давало полную картину происходящих в годы оккупации процессов. В свою очередь, ряд исследователей ошибочно причисляют данный пересылочный лагерь к «лагерю смерти», что в свою очередь является фактологической ошибкой, что способствует дальнейшим неверным выводам в проводимых исследованиях.

Ключевые слова: трудовая повинность, оккупация Брянщины, Дулаг 142, пересылочный лагерь, военные преступления, Вторая Мировая Война, Брянск

Porunov A. E. Labor service in the transit camp Dulag 142

Abstract: This article examines the implementation of labor service at the Dulag 142 transit camp, located on the grounds of a repair plant in the village of Uritsky, part of the Bryansk metropolitan area. Research into the camp's history, like research into occupation policy in the Bryansk region, has traditionally been approached through documents and reports from the partisan movement, as well as narrative sources, unfairly omitting a number of important sources that would reveal the plight of people in the occupied territory. The history of the Dulag 142 transit camp has been examined through a similar lens, which in turn fails to provide a complete picture of the processes unfolding during the occupation. Furthermore, some researchers mistakenly classify this transit camp as a "death camp," a factual error that contributes to subsequent incorrect conclusions in ongoing research.

Keywords: Labor service, occupation of Bryansk region, Dulag 142, transit camp, war crimes, World War II, Bryansk.

Тема политики нацистов на оккупированных в годы войны территориях в настоящий момент сталкивается с некоторыми трудностями в исследованиях. Прежде всего, эти трудности возникают с источниковедческой базой, так, как зачастую, в исследованиях на данную тематику используются несколько видов источников, правдивость которых можно поставить под сомнение. В первую очередь, под сомнение можно поставить нарративные источники. Естественно, воспоминания проходят через призму личностных переживаний, психологических травм, а то и вовсе с высоты прошедшего времени претерпевают искажения. Так, самым ярким примером неточности в личностных донесениях, являются донесения военного врача Д. И. Миминошвили о пересыльном лагере Дулаг 142. В своём заявлении Городской комиссии по расследованию злодеяний, причиненных немецко-фашистскими захватчиками, он отмечает, что: «Всего военнопленных собралось на ограниченном участке площади около 90 000 м² около 95 000 человек».[8, С.130] Однако, более точные подсчеты, что сделаны

ЧГК по городу Брянску нам говорят о таких цифрах: «До 80000 заключенных».[10, Л. 4] Таким образом, мы можем видеть, что нарративные источники искажают реальные события ужасных дней оккупации. Другой источник, который может использоваться исследователем проблемы – это периодические издания. В годы ВОВ газеты, выполняли свою непосредственную функцию пропаганды и поддержки боевого духа в самые тяжелые дни. Так, например, в газете «Красная звезда» за ноябрь 1941 года существует статья «Что делается в Клинцах», и там корреспондентами было взято интервью у солдат, которые 3 месяца находились в глубоком тылу, набрали на город Клинцы, остались незамеченными для оккупационных властей, а после сумели перейти линию фронта и воссоединиться с частями РККА: «Вскоре в Клинцах появился бургомистр. Это был некий Шефановский, сын крупнейшего прасола, всем известный здесь матерый троцкист». [15, С. 2] Также, в той же статье отмечено, что «Фашисты назначили в деревнях старост. Эти старосты облечены всеми правами бывших полицейских надзирателей. В районах созданы полицейские участки. Их, как правило, возглавляют немцы или финны».[15, С. 2] На сколько реальными являются донесения о том, что в Клинцах появился бургомистр, который принадлежал к крайне левому блоку Троцкистов в партии ВКП(б), учитывая политику нацистов по отношению к коммунистам как в Германии, так и на оккупированных территориях? Тем более, что Шефановский на 4 ноября значится в документах, как бургомистр города Брянска. [9, Л. 46] Конечно, к подобным, политически ангажированным статьям стоит относиться крайне критически.

Другой источниковедческой базой, что лежит в основе исследований нацистской оккупации, являются различные документы советских структур, такие как:

1. Донесения разведки партизанских отрядов;
2. Акты Чрезвычайных государственных комиссий (районные, городские, областные);

Данные источники о зверствах нацистов хоть и являются огромным помощником в исследовании злодеяний, но они не отвечают на ряд важных, даже ключевых вопросов: как проходил геноцид советского народа? Как проходил рабский труд советских граждан на оккупированной территории? Как советские граждане угонялись на работы в Германию? А то и порой могут вызывать дискуссию. Так, например в энциклопедии нацистских лагерей, что составлял мемориальный музей Холокоста, существуют такие цифры: «3 ноября 1941 года в Дулаге 142 содержалось 24 600 заключенных» [6, Р. 88], а число погибших в лагере они оценивают так: «По данным ЧГК (Чрезвычайной государственной комиссии СССР), в Дулаг 142 умерло 40 000 заключенных; Однако эта цифра существенно преувеличена, и фактическое число погибших, вероятно, было ближе к 15 000». [6, Р. 88] И действительно мы видим, что данная тема вызывает дискуссию у исследователей. Также, хочется отметить, что существует фактологическая ошибка у ряда исследователей данной проблемы. Некоторые исследователи ошибочно называют лагерь Дулаг 142 – лагерем смерти, что отнюдь не верно, так как «лагерь смерти», он же Vernichtungslager, в переводе с немецкого – лагерь для уничтожения, является отдельным видом нацистских лагерей, с подчинением в системе РСХА, в то время, когда Дулаг, сокращение от Durchgangslager – лагерь для пересылки, являлся отдельным видом лагерей, подчинявшимся командованию вермахта.

Поэтому, исследуя тему геноцида на территории СССР, мы обязаны обращаться к немецким документам. Так, например, в ЦДНИБО был обнаружен один интересный документ, который повествует нам о быте заключенных военнопленных в Дулаг 142. Этим документом является приказ комендатуры лагеря от 3 июля 1942 года. В данном приказе написано:

«В соответствии с приведенным выше предписанием, по приказу окружного командира по делам военнопленных от 18.6.42, комендантам дулагов поручено немедленно организовать

починку взятых сапог и ботинок и затем поместить их на склады. О проделанной работе отчитаться всем дулагам.

В связи с этим Дулаг 142 приказывает:

Сбор изъятой кожаной обуви состоится в ближайшие дни. Поэтому там, где это еще не произведено, следует немедленно изъять сапоги и ботинки и передать их на сохранение. О приказе пленным не должно быть известно заранее. Деревянная обувь в дулаге на данный момент к выдаче не готова.

В соответствии с пунктом 2 вышеприведенного предписания, для рабочих команд Дулаг 142 передает полномочия по принятию решения о ношении обуви руководителям подразделений, к которым эти команды приписаны. Пленные, которые продолжают носить кожаную обувь, должны быть занесены в список с обоснованием такой необходимости.

Исполнение этих мер будет проверяться офицером Дулага с понедельника, 6-го июля».[13]

Данный приказ нам говорит о том, что кожаную обувь необходимо было изымать, чинить и отправлять на склад. Можно ошибочно подумать, что конфискованную обувь использовали солдаты вермахта. Однако, часть ответа на вопрос, как использовалась конфискованная кожаная обувь уже лежит в документе: Кожаную обувь использовали трудовые команды Дулаг 142.

И тут встает другой вопрос, если в Дулаг 142 часть труда была на заключенных, то соответственно и трудом военнопленных и гражданских лиц исполнялась трудовая повинность на оккупированных территориях. Отсюда возникла задача, найти документы, которые нам бы повествовали о том, как проходила трудовая повинность на территории Дулаг 142.

Ответ на этот вопрос нам дадут отчеты экономических районов оккупированных территорий. А в частности, дневники экономического командования Брянска.

Так, в документах указывается, что 17 декабря 1941 года в Брянске появляется хозяйственная команда (Wirtschaftskommando) под руководством майора Кизова. [1, Fol. 1] Именно с этого дня в Брянске начинает реализовываться трудовая повинность на оккупированных территориях.

И сразу же, издаются основные приказы. 26.12.1941 дано указание окружным сельскохозяйственным руководителям Брянска и Орла о предоставлении требуемых саней. Норма для района Брянск: 1250, для района Орёл: 3400. [1, Fol. 2]

Здесь мы видим то, что у немцев в зиму 1941 года возникают проблемы с обеспечением снабжения в войсках и для этого, население должно было изготавливать сани.

Первое упоминание в данных документах Дулаг 142 является в отчете от 10.02.1942. Так здесь написано: «В Дулаг 142 было поставлено 4 мешка свиной щетины». [1, Fol. 12] Не удивительно, что лагерь начал использоваться немцами для кустарного производства, так как лагерь организовали на бывшем 6-ом ремонтном заводе и 60-м артиллерийском складе, территория которых была совмещена.

Следующим упоминанием о лагере в отчетах хозяйственной команды, является то, что комендант майор Вайзе совместно с майором Клеметом выехали в Дубровку для осмотра находящихся там предприятий и ознакомления с местным производством. [1, Fol. 25] Тут же отмечено, что: «Производство лыж в Дубровке должно продолжаться также и в летние месяцы». [1, Fol. 25] Данная отметка в дневнике хозяйственной команды, о том, что осмотр предприятий осуществлялся совместно с комендантом лагеря, наводит нас на мысль о том, что не последнюю роль в обеспечении рабочей силы предприятий играет Дулаг 142.

В отчете о положении дел от 27 января 1942 года. Говорится: «В Брянске продолжилось создание небольших кустарных производств с использованием уже имеющихся мощностей в Орджоникидзеграде и Дулаге 142». [1, Fol. 51]

Следующее упоминание о работах в лагере, исходя из дневника это запись от 30.03.1942: «В Дулаг 142 состоялось совещание по важнейшим вопросам строительства повозок. Технической бригадой 13 были завершены основные подготовительные работы по обработке железа. Еженедельный объём производства был установлен в 70 повозок». [1, Fol. 27]

Здесь мы видим, что уже на территории самого лагеря начинают проводиться работы по хозяйственному обеспечению немецкой армии. Датировка данной записи совпадает с показаниями А. М. Сахненко, которая говорила о том, что её вместе с семьей переместили в лагерь в поселке Урицкий.[7]

Параллельно с этим, зимой 1942 года, в Дулаг 142 появляются кожевенные мастерские, в которых начинается выделка кожи и шкуры. На работы в эти мастерские немцами было направлено 5 кожевников, помимо тех заключенных, что находились в лагере. [1, Fol. 61]

Весной 1942 года, как отмечают немцы, в период половодья, в Брянске были затоплены кузницы, что находились на берегу Десны. Скорее всего, под кузницами имеются в виду завод Брянский Арсенал. Так в хоз. дневнике записью от 18.04.42: «Вследствие таяния снега вода в Десне сильно поднялась. Поскольку городские кузницы затоплены, о продолжении работы не может быть и речи. Они будут переведены в Дулаг 142.» [2, Fol. 4]

Таким образом, в Дулаг становится и центром обработки металла весной 1942 года.

Перед немцами лежала задача по заготовке леса для разных нужд военного характера. Прежде всего это были различные телеги, повозки, пиломатериалы для обустройства своих укреплений итд. Так, немцами эксплуатировались лесопилки в Брянске и его окрестностях. И одной из лесопилок, которая эксплуатировалась немцами в годы войны – была лесопилка в Сельцо. Для того чтобы начать лесозаготовки в Сельцо, в дневнике хозяйственной службы. [2, Fol. 17]

Также в том же донесении от 16.05.1942 говорится о том, что в Дулаг была отправлена партия древесины и заготовок для телег и повозок. Также немцы отмечают, что в Дулаг 142 должна была построена лесопилка, однако у немцев возникли проблемы с доставкой из Германии пиломатериала. [2, Fol. 19]

Таким образом, мы видим, что в мае в Дулаге продолжают работы по обработке металла и древесины.

В отчете 19.05.1942 написано, что на принудительные работы в Германию было угнано 1488 человек из Дулага. [2, Fol. 19]

Параллельно с угоном людей в Германию, продолжалась и работа в самом лагере. Так в Дулаг из Сельцо были привезены материалы для постройки саней. [2, Fol. 19]

27.06.1942 в Дулаге 142 состоялся очередной отбор заключенных на работы, который зафиксировали в хозяйственном дневнике. Работы эти были уже не в Германии, а на месте, в Брянске и его окрестностях. Так, в тот день лесозаготовки было отобрано 19 мужчин и 72 женщины. [2, Fol. 30] Также, в донесении говорится, что: «Главный приоритет – создание дровяных запасов на складах, кроме того, заготовка должна распространяться на кругляк для поставки на лесопилки, расположенные в Брянске». [2, Fol. 30]

Еще одним примечательным фактом служит то, что немцы расписали какой паек полагался работающим на лесозаготовке заключенным: «Для питания лесорубов на различных лесных участках было организовано 5 полевых кухонь. Рабочие получают там ежедневно один теплый перекус и 200 граммов хлеба. Условием является выполнение нормы выработки не менее 2 куб. м древесины на человека». [2, Fol. 30] Данные нормы для задействованных на

работах гражданских, полностью совпадают с теми нормами питания, что описывала А. М. Сахненко в своих показаниях ЧГК. [7, Л. 77] Что в свою очередь наводит на мысль, что семья Александры Михайловны была задействована в подобных мероприятиях.

Донесение хозслужбы от 30.06.1942 гласит: «После того как Дулаг 142 был полностью очищен, дальнейшее получение рабочей силы из числа эвакуированных временно невозможно. Как только в Дулаг поступит новый транспорт, управление лагеря произведет уведомление. Удовлетворение потребностей основных заказчиков теперь может осуществляться только по результатам строжайшей проверки картотеки. Учет рабочей силы за пределами города Брянск из-за деятельности партизан возможен лишь в очень ограниченных масштабах». [2, Fol. 31]

Подтверждением того, что в июне 1942 года лагерь опустел, служит также и оперативно-разведывательная сводка партизанского отряда им. Виноградова. Развед. сводка БШПД содержит в себе отчет, датируемый с 25.06.1942 по 01.07.1942, и в отчете от 26.06.1942 говорится о том, что: «Концентрационный лагерь, находящийся в ремонтной базе, с приближением фронта ликвидирован и переоборудован в склад боеприпасов, который снабжал гарнизон Ордженикидзеграда и Украинский батальон». [16, Л.9] И то, что: «Находившиеся в концентрационном лагере пленные, частично отправлены на работы в Германию, остальные завербованы во вновь созданные украинские батальоны». [16, Л.9 об.] Конечно, советские партизаны не вдавались в подробности классификации нацистских лагерей, и пишут в своих отчетах общее название – концлагерь. Но интересен тот факт, что подобным отчетом подтверждается то, что лагерь в моменте июня 1942 года находился в запустении. Таким образом, можно сказать о том, что все заключенные были задействованы на принудительных работах как на местах, так и в Германии, что в свою очередь говорит о масштабах исполнения лагерем трудовой повинности.

Помимо различных мероприятий по лесозаготовке и металлообработке на базе цехов в лагере, заключенные были задействованы и более мелких хозяйственных работах. В донесении от 16 мая 1942 года говорится, что было найдено большое количество тряпья в лагере для больных туберкулезом. На разгрузку и погрузку этого тряпья были направлены заключенные лагеря Дулаг 142. [2, Fol. 32] Также в том же донесении говорится: «На вокзале и на лесопилке (рядом с мельницей) было обнаружено около 3 вагонов полосового, круглого и плоского железа, которое может быть использовано для постройки саней-волокуш и будет отправлено по железной дороге в Дулаг 142». [2, Fol. 32]

Интересным является и донесение от 02.06.1942 говорит нам о том, что заключенные Дулага 142 были направлены на работы на торфяные разработки в Свени: «Станция Свень расположена примерно в 3 км от станции Брянск II (Южный) на линии в Почеп.

На железнодорожной территории рядом со станцией складировано около 7 000 т торфа. Разрешение на вывоз выдано 14-й полевой железнодорожной дирекции.

При погрузке торфа необходимо учитывать следующие моменты:

- а) Для погрузки одного вагона ежедневно требуется 5 человек.
- б) Дулаг готов предоставлять ежедневно 20 военнопленных.
- в) Этих людей необходимо ежедневно забирать из лагеря и возвращать обратно. От станции до Дулага 15 км.
- г) Охрану Дулаг предоставить не может.
- д) Для перевозки людей Дулаг не может предоставить грузовик.
- е) Доставлять людей на автомашине прямо в Свень нельзя, так как дорога проходит через болото, кроме того, один мост поврежден.

Поскольку доставка людей туда и обратно очень затруднительна, предлагается разместить их в Свени и также организовать там их питание. Продовольственное обеспечение должно быть гарантировано армией. Возможности для размещения имеются». [2, Fol. 37]

Таким образом, мы видим, что география труда заключенных лагеря расширяется, а сам труд заключенных использовался повсеместно на территории Брянска и его окрестностей.

В донесении от 01.07.1942 говорится: «Всего 1818 русских гражданских рабочих были отправлены в Рейх, из них из района Брянск — 278 мужчин и 497 женщин». [3, Fol. 1] Таким образом, мы можем сделать вывод, что 775 человек было угнано на работы в Германию из Дулага 142, так как это был на тот момент единственный Брянский пересылочный лагерь, из которого шло распределение людей в Германию.

03.08.1942 Со стороны управления труда для программы "Ост" из числа отобранных в Дулаге 142 гражданских лиц были произведены крупные передачи из общего запрошенного количества в 1 050 рабочих сил, так что осталось предоставить лишь остаток в 50 человек. Также Управление строительства ВВС в Брянске в течение последних дней получило 200 человек этим путем и тем самым покрыло наиболее срочные потребности. [3, Fol. 5]

В отчете от 21.08.1942 немцы писали так: «После участия управления труда в совещании руководителей районов в Брянске 20.08 и 21.08 с Дулагом 142 было достигнуто соглашение о том, чтобы из числа еще находящихся в лагере и подлежащих распределению гражданских русских выделить все трудоспособные силы и предоставить их для использования на месте или для добровольной отправки для работы в Рейхе. Результатом этой меры стали 471 человек для покрытия местных потребностей и 316 для отправки в Рейх. Остальные состояли лишь из стариков, женщин и детей младшего возраста». [3, Fol. 9]

А также: «Поскольку можно ожидать продолжения поступления гражданских русских, покрытие оставшихся потребностей в рабочей силе для наиболее неотложных мероприятий не вызовет затруднений, особенно с учётом того, что в городском районе Брянска, во взаимодействии с полицейской службой, также могут быть мобилизованы отдельные работники». [3, Fol. 9]

23.08.1942 из Дулага было вывезено 1050 рабочих для организации Фрица Тодта в Мюнхене. [3, Fol. 10]

Также немцами обсуждались планы на организацию в начале сентября 1942 года крупной обувной мастерской на территории Дулага 142. [3, Fol. 16] Что в свою очередь совпадает с реализацией приказа о конфискации сапог и ботинок.

В октябре 1942 года, немцы пишут в отчете, что: «Погрузка торфа в Свени продолжалась, однако работы затруднялись из-за нехватки пригодной рабочей силы и подходящих рабочих материалов. Кроме того, железная дорога не всегда была в состоянии предоставить вагоны». [4, Fol. 53]

Второго января 1943 года, немцы в своем дневнике хозяйственной команды пишут: «Из Могилёва было предоставлено 1000 кг клея для дерева, который предназначается для рабочих Дулаг 142». [5, Fol. 1]

Потребность в столярном клее, который был предоставлен рабочим Дулага 142 говорит нам о том, что рабочие лагеря были задействованы в столярных мастерских.

Однако в донесении от 07.01.1943 немцами было сказано: «Мобилизация гражданской рабочей силы для Рейха прерывается из-за продолжительного карантина (случай сыпного тифа в транзитном лагере в Брянске)». [5, Fol. 1]

15 января, в донесении пишут, что: «В Дулаге 142 мобилизация рабочей силы для Рейха была прервана трехнедельным карантином (случай сыпного тифа в транзитном лагере

Брянск). Установлено, что заболевание не распространилось дальше. В начале февраля, предположительно, может быть отправлен следующий транспорт в Рейх.

В отчетный период на 17.12.42: 162 мужчины, 422 женщины, на 24.12.42: 48 мужчин, 95 женщин. Всего: 727 человек из района Брянск были отправлены в Рейх». [5, Fol. 28]

И мы можем сравнить цифры, которые дают немцы о количестве угнанных на работы в Германию до и после карантина. Так, если весной-летом 1942 количество увозимой в Германию рабочей силы было примерно в районе 1 тысячи человек за один раз, зимой того же года года, эти цифры были в районе нескольких сотен человек за раз, то после того, как в лагере началась эпидемия сыпного тифа – людей не набиралось и сотни. Так в отчете за 20.03.1943 говорится о том, что было отправлено: 18 мужчин и 68 женщин. Всего 86 человек. [5, Fol.11] Что в свою очередь говорит о масштабах эпидемии в лагере. В разведсводке №5 штаба партизанского движения Брянского фронта от 16 января 1943 года упоминается эта эпидемия сыпного тифа: «Наиболее частые болезни в лагере: отечная болезнь (на почве голода), туберкулез, сыпной тиф, от которых погибло несколько тысяч человек из общего числа 45 000 военнопленных». [17, Л. 8]

Примечательно, что в конце марта 1943 года, немцы пишут: «Управление труда приступило к подготовительным работам по созданию и ведению картотеки лиц, отправленных в Рейх, чтобы иметь возможность осуществлять особое попечение об оставшихся здесь членах их семей». [5, Fol.14]

Таким образом мы можем сделать вывод, что пересыльный лагерь 142 в моменте перерос из обычного пересыльного лагеря, коих было множество на оккупированных территориях, и только в нынешней Брянской области мы можем насчитать 8 таких лагерей: Дулаг 142, Дулаг 202 и Дулаг 314, что был развернут в октябре 1941 а уже в ноябре перебазировался в Курскую область, в Брянске, Дулаг 131 и 121 в Унече, Дулаг 161 и 121 в Клинцах, Дулаг 185 в Карачеве, Дулаг 125 в Синезёрках.[6, Р. 45] В лагерь, который стал центром концентрации рабочей силы и реализации трудовой повинности на территории нынешней Брянской области. Параллельно с этим, лагерь выполнял свои непосредственные функции, которые заключались в транспортировки военнопленных и гражданских лиц в Германию, где после происходила фильтрация людей в различные структуры нацистской системы, будь то Организация Тодта, программа труда для иностранцев, реализацию которой отождествляют с определением *Ostarbeiter* – «работник с востока». Также люди из этого пересыльного лагеря проходили свой путь и через систему РСХА, так, например, один из первых людей, что попал в Дулаг 142 стал генерал-майор 280-й стрелковой дивизии Данилов Сергей Евлампиевич, которая входила в состав 50-й армии. В лагере его допросили [14], а после отправили в тюрьму Нюрнберга, после тюрьмы он попал в лагерь Флоссенбург.[11] И тут мы можем сделать вывод, что параллельно с реализацией трудовых программ, люди передавались в руки СД, а после помещались в лагеря, которые принадлежали структуре РСХА.

На территории же самого Брянска и его окрестностей, трудовая повинность в лагере и труд заключенных реализовывалась несколькими способами:

1. Заключенные были задействованы в металлообработке;
2. Деревообработка на различных лесопилках и лесозаготовках;
3. Торфопроизводства в Свени.

В подтверждении того, что лагерь в моменте стал фабрикой, служит протокол допроса свидетелей по так называемому «Людвигсбургскому делу». В конце 60-х, начале 70-х годов XX века, в Людвигсбурге проходило судебное разбирательство над охраной нескольких лагерей, в том числе и охраной Дулага 142. Так, свидетель Отто Греслин, в войну будучи ефрейтором, в лагере занимал должность водителя коменданта, на пятнадцатый вопрос следователя

«Кто из штата непосредственно участвовал в фильтрации военнопленных в лагере?» дал такие показания: «Так как я ничего не знаю о фильтрации, ничего не могу сообщить о тех, кто был к ней причастен. Наш лагерь был реорганизован в настоящую фабрику, на которой производили повозки, сани, гвозди, картель и прочее. Там были представлены все основные востребованные производственные профессии».[12] Данные показания также подтверждают, что в лагере сконцентрировались производственные мощности.

Библиографический список:

1. BArch: Abteilung Militararchiv. RW 31/765.
2. BArch: Abteilung Militararchiv. RW 31/766.
3. BArch: Abteilung Militararchiv. RW 31/767.
4. BArch: Abteilung Militararchiv. RW 31/768.
5. BArch: Abteilung Militararchiv. RW 31/769.
6. Geoffrey P. Megargee, Rüdiger Overmans, Wolfgang Vogt. The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945, Volume IV: Camps and Other Detention Facilities Under the German Armed Forces. Bloomington, Indiana University Press, 2022 – 808 p.
7. БГА. Ф. 243. Оп. 2. Д. 133.
8. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Брянская область: Сборник документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. ред. Ж. Л. Розанова; сост. А. И. Шендрик и др.; авт. науч. ст. В. П. Алексеев; авт. археогр. предисл. В. Ф. Блохин. — М. : Фонд «Связь Эпох», 2020. — 424 с.
9. ГАБО. Ф.1757. Оп.1. Д.3.
10. ГАРФ Ф. Р-7021. Оп. 19. Д. 1.
11. Данилов Сергей Евлампиевич. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero109167379/> (Дата обращения: 10.12.2025)
12. Дело в отношении бывших сотрудников Дулага 142, Материалы доследственной проверки уголовной полиции Германии [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.poisk32.ru/index.php?showtopic=23979&pid=212860&mode=threaded&start=#entry212860> (Дата обращения: 10.12.2025)
13. В государственном архиве Брянской области выявлен подлинный немецкий документ администрации лагеря Дулаг 142. Электронный ресурс. URL: <https://archive-bryansk.ru/2021/в-государственном-архиве-брянской-об/> (Дата обращения 21.10.2025)
14. Информация о военнопленном Данилов Сергей Евлампиевич. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=84592962> (Дата обращения: 10.12.2025)
15. Красная Звезда от 29.11.1941
16. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 910.
17. ЦДНИБО. Ф.П-1650. Оп.1. Д.83.

Сведения об авторе:

Порунов Артемий Владимирович, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета, e-mail: porunov123@gmail.com

УДК 391.2

М. А. Умерова

СТАНОВЛЕНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ НАУКИ В КРЫМУ: ЭВОЛЮЦИЯ ЕВПАТОРИЙСКОГО МУЗЕЯ И ЛИЧНОСТЬ П. Я. ЧЕПУРИНОЙ

Аннотация: Статья посвящена формированию и развитию Евпаторийского археолого-этнографического музея, основанного в начале XX века, и роли Полины Яковлевны Чепуриной в становлении научного подхода к сохранению исторического и культурного наследия полуострова. Рассматриваются этапы эволюции музея от сбора частных коллекций до систематизированного исследовательского центра, подробно освещаются основные направления деятельности П. Я. Чепуриной, включая организацию этнографической коллекции, разработку методов реставрации и каталогизации уникальных артефактов, а также её значительный вклад в изучение традиционных ремёсел и устной истории крымских татар и караимов. Особое внимание уделено проблемам взаимодействия между научным сообществом и органами управления культурой, конфликты вокруг судьбы уникальной коллекции Евпаторийского музея и последствия административного давления на учёного-исследователя. Статья раскрывает значимую роль П. Я. Чепуриной в формировании отечественной школы краеведческой науки и популяризацию культурного наследия Крыма.

Ключевые слова: Крым, этнография, Евпаторийский музей, П. Я. Чепурина

Umerova M. A. The formation of local history in Crimea: the evolution of the Yevpatoria Museum and the personality of P. Ya. Chepurina

Abstract: The article is devoted to the formation and development of Evpatoria Archaeological-Ethnographic Museum established in the early twentieth century, as well as the role played by Polina Yakovlevna Chepurina in establishing a scientific approach towards preserving historical and cultural heritage on the peninsula. The stages of museum evolution are discussed, from private collections gathering to systematic research center organization. Special attention is given to key directions of P. Ya. Chepurina's activities, including ethnographic collection arrangement, restoration methods' development, cataloging techniques for unique artifacts, and her significant contribution to studying traditional crafts and oral history of Crimean Tatars and Karaites. Particular emphasis is placed on problems arising between academic community and cultural authorities regarding the fate of the unique collection of Evpatoria Museum, conflicts caused by administrative pressure exerted upon the researcher-scientist. The article reveals the important role of P. Ya. Chepurina in shaping Russian school of local studies and promoting cultural heritage of Crimea.

Keywords: Crimea, ethnography, Evpatoria Museum, P. Ya. Chepurina

Здание будущего Евпаторийского археолого-этнографического музея было построено в 1912 году предпринимателем Юфудой Гелеловичем. Первая коллекция античных древностей уже была сформирована и хранилась в здании Евпаторийской городской управы. Профессор М. И. Ростовцев и член Императорской археологической комиссии Л. А. Моисеев еще в 1916 году ходатайствовали об учреждении в городе "музея для хранения античных находок". Таким образом, 1916 г. можно считать началом формирования археологической коллекции, которая легла в основу собрания Евпаторийского музея. В феврале 1921 года распоряжением начальника 46-й стрелковой дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии для выставки, которая на данном этапе именовалась «Музей Искусство старины» было выделено здание по улице Советской [4, л.200].

Одновременно с археологической коллекцией, сформированной в результате поиска Керкинитиды, было положено начало и этнографическому собранию. К 1921 году этнографические материалы, характеризующие культуру и быт караимов, являлись основными во временной экспозиции. Помещением, где первоначально концентрировались экспонаты, стала городская библиотека [5, л.90]. В начальный период своего существования музей был

археолого-этнографическим, а приоритетным направлением работы музея являлось изучение, сохранение и экспонирование культурного наследия народов, населявших город. Всего к середине апреля 1921 г. в фондах музея насчитывалось около 2000 предметов, в его залах удалось сделать предварительную расстановку [1, с. 5].

Развитие этнографических исследований в Крыму в 1920-е годы непосредственно связано с деятельностью выдающегося евпаторийского краеведа, директора Евпаторийского археолого-этнографического музея Полины Яковлевны Чепуриной (1880-1947 гг.) [7, с. 211].

Полина Яковлевна Чепурина родилась 8 октября 1880 г. в Киеве в семье священника [2, л.10]. Она окончила Евпаторийскую гимназию, а затем Одесское художественное училище. Образование было продолжено через несколько лет в Московском археологическом институте, где Полина Яковлевна получила специальность «археолог-художник» [9, с. 4].

В 1910-1911 гг. состоялась ее первая научная экспедиция по Крыму, где она собирала крымскотатарское орнаментное шитье. Маршрут экспедиции охватил Юго-Восточный Крым: Отузы, Козы, Токлук, Судак, Таракташ, Кап-сихор, Кутлак, Ай-Серез.

После окончательного установления Советской власти в Евпатории 13 ноября 1920 г. краевед смогла реализовать себя как специалист в музейном деле. По приглашению Евпаторийского наробраза П. Я. Чепурина заняла должность заведующей музея, открытым в конце 1920 г. Практически сразу после открытия музея евпаторийскими этнографами была начата работа по созданию «Восточной комнаты» (над экспозицией работали с 22 июня по 16 июля). В апреле 1921 г. на заседании Евпаторийской секции ОХРИСа обсуждался вопрос «о привлечении татарина» в качестве заведующего «Восточной комнатой» и караима для разбора караимских рукописей в архивном отделе секции. Так в музее стал сотрудничать И. С. Аирчинский. Кроме «Восточной комнаты» Полина Яковлевна открыла комнату прикладных искусств.

Начало научных исследований П. Я. Чепуриной в области изучения крымскотатарского и караимского народного искусства относится к началу 1910-х годов, когда ею были прочитаны первые научные доклады, посвященные этому вопросу. По результатам экспедиции 1910-1911 гг. в Русском географическом обществе ею был сделан доклад «Культура и быт крымских татар». Позже, обучаясь у В. Н. Харузиной, на заседании этнографического кружка при Археологическом институте она прочла доклады: «Орнамент крымскотатарской вышивки», «Быт, искусство и архитектура крымских татар» [7, с.212].

Многие виды одежды крымских татар, а также предметы быта, сшитые из тканей, украшались нарядной вышивкой, в которой исследователи выделяют шесть основных и четыре дополнительных вида [13, с. 5]. Из них три типа вышивок: «татар-ишлеме», «эсаб-ишлеме», «телли» являются двухсторонним шитьем, выполненным столь искусно, что невозможно найти ни одного узелка и очень трудно отличить лицевую и изнаночную сторону, а также догадаться, как одна нить соединена с другой. «Татар-ишлеме» – татарская гладь выполнялась шелковыми, хлопчатобумажными, а также золочеными и серебряными нитями на тонкую ткань без предварительного настила. «Эсаб-ишлеме» или «османлы-ишлеме» – счетная или турецкая вышивка – широко была распространена среди вышивальщиц Южного берега Крыма и выполнялась на тонких льняных тканях. Шитье «телли» – это шитье плоской, небольшого размера посеребренной пластинкой. Таким способом часто выполнялись геометрические орнаменты. Эти три типа вышивок использовались, чтобы вышить: «юзьбез» – полотенца, «Къуран-без» – покрывальца для Корана, женские головные уборы, «учкъур» – пояса и др.

При соблюдении основных правил шитья получаются стежки одинаковой величины. Для шитья первых трех видов служили пяльцы «кергеф» – представляющие собой деревянную прямоугольную раму на ножках, выполненных из точеного дерева. Раму можно было наклонять по ходу выполнения вышивки. Шитье «мыкълам» – это односторонняя вышивка

золочеными и серебряными нитями по предварительному настилу, выполнявшаяся по плотным тканям – сукну, бархату, атласу или по коже. Такой вышивкой украшались вещи для торжественных случаев – праздничная одежда и головные уборы, свадебные кисеты для табака, футляры для Корана и др.

В докладе П. Я. Чепуриной «Орнаментное шитье Крыма» седьмой шов стягами назван старейшими мастерицами орнаментного шитья (Адавиа Эфендиева в Евпатории и Исма Мансурская в Бахчисарае) «догры мышамбак» (прямой мышамбак). Он шьется почти без счета и совершенно непрозрачен. При шитье «догры мышамбак» счет ведется лишь продольным нитям основы материала, на котором выполняют вышивку. Вокруг них по счету двухдольных нитей идет непрерывный обвив рабочей нитью по горизонтали по ширине с подъемом вверх на одну нить: и так ряд за рядом непрерывно покрывается весь рисунок. Толстые, ручной крутки, шелковые нити лежат в этом шве плотными рядами, что придаст ему большое сходство с техникой гобеленов. Этот первичный вид шитья стягами к концу XVIII века почти совершенно исчезает и очень редко попадает на вещах первого десятилетия XIX века как обводной шов на орнаментных мотивах прямолинейных форм. Старинные вышивки XVIII века все исполнялись на редкой домотканной «атме» (гладкая ткань).

Одежда крымских татар шилась из местных и привозных тканей. «Тканье и шитье играли до последнего времени у татар огромную роль, как среди домашних занятий, так и в виде промыслов» [64, с. 72]. Ткачеством и вышивкой занимались как женщины, так и мужчины. Мужчины-ремесленники (ткачи и вышивальщики) были объединены в цеха «безази» – ткачей и «казазы» – вышивальщиков. Мужчины ткали плотные суконные ткани – «сокъма». Особенно мягкое сукно получалось из шерсти ягнят. Женщины ткали льняные ткани, которые были столь тонкими, что А. С. Пушкин в поэме «Бахчисарайский фонтан» назвал их «пеленой», а турецкий путешественник Э. Челеби о них писал: «Таких же полотен с белыми краями и вышитых рубашек, как саранские, не найдешь ни в одной другой стране». Крымские льняные ткани отличались не только тонкостью, но и мягкостью, прочностью. Это были однотонные ткани кремового и белого цветов, а также полосатые, узорные ткани, которые можно разделить на следующие типы: «атма-ал-баш» – ткань с толстыми цветными нитями, «атма-керекекенар» – ткань сплошь полосатая, «атма-асма-сантрач» – ткань в клетку». Из тканей шились: одежда, простыни, чехлы на «миндеры», подушки, «кьапама» – покрывала для постелей, «богъча» – платки, в которых переносили вещи, скатерти, разнообразные полотенца и др.

Одновременно в кругах крымоведов в СССР и за рубежом фамилия П. Я. Чепуриной все чаще звучала при упоминании евпаторийской старины и изучении археологических и этнографических памятников региона. Ее имя ассоциировалось с евпаторийскими древностями и благодаря небольшому по объему, обзорным публикациям о деятельности музея, помещенным в периодическом издании Российского общества по изучению Крыма – журнале «Крым» [10, с. 73-74]. В 1923 г. на географическом отделении Первого Московского государственного университета Полина Яковлевна выступила с сообщениями «Евпаторийская старина и орнамент крымских татар» и «Бытовое искусство крымских татар и памятники старины» [3, л. 7].

В газете «Известия» от 24 августа 1926 г. была опубликована статья советского художественного критика Якова Александровича Тугендхольда (1882–1928) в которой говорилось о памятниках архитектуры города и Евпаторийском краеведческом музее. Я. Тугендхольд писал, что памятники татарской эпохи находятся под охраной местного отделения по делам музеев и охраны памятников. В старом городе сохранились: большая прекрасная мечеть Джума-Джами, воздвигнутая при хане Девлет-Гирее в XVI в. в подражание константинопольской Айе-Софии, затем еще более древний монастырь дервишей, Текие, остаток XV века, а также ряд караимских домов старинной архитектуры с чудесной деревянной резьбой, которые

удалось с величайшим трудом уберечь, как «бытовые» памятники, несмотря на жесточайший дровяной кризис недавних лет. Наконец вблизи моря и санаторий вот уже шесть лет открыт археолого-этнографический музей. Первоначально музей этот, как и все подобные музеи на местах, рожденные революцией, был, в сущности, чем-то вроде склада случайных вещей, картин, разрозненного фарфора, даже серебряных самоваров. Теперь все это рассортировано по другим местам, а музей превратился в то, чем ему и надлежит быть - в хранилище местной культуры: античной, татарской, караимской. Здесь демонстрируются предметы татарского и караимского быта и культуры, среди которых есть редчайшие вещи, как, например, караимская люстра, сделанная в Багдаде 600 лет назад, и высоко художественные караимские ткани. Все эти вещи собраны, благодаря энергии завмузеем, одного из лучших знатоков крымского искусства — П. Я. Чепуриной. Наконец, к музею же присоединена и богатейшая библиотека покойного караима Мичри, насчитывающая до 1500 старинных книг и рукописей на русском, французском, еврейском, арабском и персидском языках.

За два летних месяца в музей перебивало свыше 8000 чел. Особенное внимание в музее привлекает комната, восстанавливающая праздничное убранство татарского дома во время свадебного обряда. Комната - шатер вся украшена сверху донизу искусными тканями и вышивками — приданым невесты. Но сама невеста, приносящая в дом мужа все это добро, должна во время 6-дневного свадебного пира сидеть в углу комнаты, за особой завесой («перде»), укутанная в покрывало. Такова крымскотатарская брачная традиция. Революция нанесла всей этой символике порабощения женщины окончательный удар. В настоящее время, по данным Крымнаркомюста, полученным даже по самым густым татарским районам, едва 40% татарских браков совершаются при посредстве представителей религиозного культа, большинство же лишь регистрируется в ЗАГСе. Но еще показательнее и чудеснее тот рост движения среди женщин - татарок, который, например, здесь, в Евпатории, за последние 1,5 года дал очень ощутимые результаты (по ликвидации неграмотности, образованию среди татарок, кружков по самообразованию, активному участию их в выборах горсовета и т. д.). Женщина-татарка начинает энергично преодолевать старую, восточно- косную среду.

Во время моего посещения евпаторийского музея с улицы донесся барабанный бой. Это татарские пионеры, мальчуганы и девочки (некоторые в смешных, по-татарски, длинных платьицах, но с алыми повязками) пришли осматривать музей. В комнате студент-татарин, научный сотрудник музея, объяснил им старый обряд. Дети заулыбались. Одна из пионерок, бойчее, стала что-то говорить студенту, а он перевел мне:

— Нам очень, очень нравятся здесь все вещи, и платья, и чадры, и туфельки, но мы ни за что не согласились бы сидеть, как в тюрьме, за занавеской, в роде этой вашей невесты!

Исходя из слов советского критика, можно сделать вывод, что благодаря усилиям П. Я. Чепуриной, музей стал настоящим достоянием Евпатории.

В плане научно-исследовательской работы Евпаторийского краеведческого музея на 1925-1926 годы заведующая наметила двухнедельную командировку в Москву и Ленинград для знакомства с постановкой научной обработки и охраны предметов этнографии: тканей, вышивок, кустарного производства. Намечалось провести систему каталогизации и классификации собрания предметов быта крымских татар и караимов. Отдельным пунктом были указаны разработки в области караимской библиографии. В заключении к плану научной работы П. Я. Чепурина отметила, что накопленный этнографический, художественный и фольклорный материалы вполне могли бы стать основой для фундаментальных научных исследований [7, с. 214].

В 1925 г. Археолого-этнографический музей был реорганизован в Музей Краеведения. Создана новая экспозиция, насчитывающая 5 отделов: караимский; татарско-ногайский (на

материалах Евпаторийского уезда); археологический (посвященный раскопкам в Евпатории (Керкинитиде); курортно-бальнеологический (Евпатория как курорт); производственный (Сакские соляные промыслы и бромный завод).

Этнографическая коллекция Евпаторийского музея по караимам, крымским татарам и ногайцам была отмечена в отдельной публикации журнала «Этнография» (1926 г.) как наиболее полная и представляющая научный интерес для дальнейших теоретических исследований [25, с.10].

На Международной выставке декоративного искусства и современной художественной промышленности, состоявшейся в 1925 г. в Париже, представленные П. Я. Чепуриной вышивки крымских татар были удостоены бронзовой медали. Этот успех вдохновил краеведа на работу, целью которой было восстановление по всему Крыму угасавшего к тому времени искусства шитья и ткачества крымскотатарского народа.

В 1924 году во время исследования средневековой евпаторийской мечети Джума-Джами из-за образовавшегося протекания П. Я. Чепурина обнаружила там древний Коран, который был включен в состав фондов музея. Директор Евпаторийского музея обратилась к специалистам из академических центров СССР и Западной Европы для определения датировки и общей исторической ценности данного памятника. Тогда была обозначена уникальность Корана «по письму, росписи и количеству заставок» [11, с. 5]. После ее доклада об открытии уникального книжного памятника в КрымОХРИС, в Евпаторию прибыл заместитель заведующего КрымОХРИСом Ян Петрович Бирзгал (1898–1968), который изъясил уникальную книгу из фондов музея Евпатории и увез в Симферополь. Дело в том, что руководство КрымОХРИСа (А. И. Полканов и Я. П. Бирзгал) поддерживали инициативу У. А. Боданинского сделать Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае единственным центром по изучению тюркской культуры и централизованным местом хранения соответствующих памятников. Заведующая евпаторийским музеем обратилась с жалобой на неправомерные действия Я. П. Бирзгала и стоявших за ним А. И. Полканова и наркома просвещения Крымской АССР У. В. Балича в Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР.

В 1926 году П. Я. Чепурина приняла участие в Конференции археологов СССР в Керчи, которая проходила на базе местного музея. Краевед выступила там (на той же секции, что и Б. Н. Засыпкин; их доклады следовали один за другим) с сообщением «О Коране евпаторийской мечети», где остановилась на истории сооружения культовой постройки. Она привела две легенды о Коране – как «заветном даре на черный день» и «сердце мечети», изъятие которого приведет к смерти мечети [12, с. 6]. Подробно были проанализированы художественное оформление, шрифты уникального памятника, причиненные временем и небрежным обращением повреждения. В кулуарах конференции научному сообществу был предан огласке факт самоуправных действий Я. П. Бирзгала.

Реакция крымских чиновников, курировавших музеи – возглавлявших ОХРИС и Наркомат просвещения, на эти действия П. Я. Чепуриной не заставила себя ждать. 6 марта 1927 года Евпаторийский музей посетил нарком просвещения Крымской АССР Усеин Вели Балич. По его утверждению, он приехал в качестве уполномоченного Главнауки. Чиновник объявил о решении академического совещания Наркомата просвещения Крымской АССР закрыть Евпаторийский археолого-этнографический музей. Предписывалось передать все фонды в Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае [8, с.73]. Директор Евпаторийского музея боролась до последнего и не хотела сдаваться. Она обратилась в Государственную академию истории материальной культуры с ходатайством о сохранении уникального собрания в Евпатории, но конфликт П. Я. Чепуриной с Крымнаркомпросом перешел в новую фазу. В мае 1927 года при организованной с подачи наркома просвещения Крымской

АССР У. В. Балича проверке фондов Евпаторийского музея краеведения заместителем заведующего КрымОХРИС Я. П. Бирзгалом были выявлены «злоупотребления и должностные преступления» П. Я. Чепуриной, заключающиеся в раздаче «художественных ценностей» музея (материалов фондов, уже учтенных в книгах поступлений) «частным лицам и сотрудникам по ее усмотрению» [6, л. 23]. Против П. Я. Чепуриной было возбуждено уголовное дело, но в ходе следствия обвинения уголовного плана были сняты и доказано, что заведующая возвращала людям их незаконно изъятые вещи, но в итоге, Полина Яковлевна все-таки была уволена с должности руководителя Евпаторийского музея. Новым заведующим был назначен Яков Григорьевич Благодарный (1882–1942). При нем Евпаторийский музей изменил направление работы и превратился в «учреждение краеведческого типа».

В дальнейшем П. Я. Чепурина занималась организацией артелей, где производили предметы быта крымских татар в виде сувенирной продукции. В 1931 году она передала руководство артелями своей сестре и ученице К.Я. Рыбальской и посвятила себя исключительно научно-исследовательской и выставочной работе в Москве. В 30-е годы в Музее восточных культур ею были подготовлены выставки «Ткани Крыма», где были представлены образцы и рисунки орнаментов, «Искусство советского Крыма». Демонстрировались произведения народных артелей, сделанные с сохранением народных традиций.

В начале 1930 г. были организованы артели по орнаментному шитью по всему Крыму, и вторая артель находилась в Евпатории. Артели объединили свыше 300 человек. Экспериментальная работа по шитью в своем развитии позволила постепенно выявить все швы эпохи расцвета узорного шитья в Крыму, т. е. XVI-XVIII веков. Работа по орнаментному шитью в артельных мастерских Крыма проводилась на материале современной машинной фактуры; на ней не всегда можно целиком выполнить первое правило шитья - татар ишлиме"; счет нитей основы по направлению шитья невозможен из-за плотности машинной фактуры. Исполнение второго правила - попадания укола в укол при вторичном проходе иглы" совершенно достаточно для достижения полной двусторонности шитья.

Вышивка с соблюдением только второго правила шитья исполнена в 1934 г. евпаторийской артелью «Промшвей». При освоении второго основного шва из серии групповых швов «таарлеме» работники отметили его чрезвычайную гибкость: им можно шить по линиям всех направлений и форм без счета: счет соблюдается лишь при шитье его по вертикали. В практике работы также выяснилось, что строгое соблюдение счета нитей основы увеличивает время процесса выполнения шитья. Швы «иол ип ша ширма» и «таарлеме» при бессчетном шитье значительно быстрее выполняются, чем с соблюдением счета.

Работа жительницы Евпатории Адавиэ Эфендиевой в 1900г. – шит «учкур» заслуживает особого внимания, так как она показывает живучесть технических навыков, переходящих от матери к дочери. При шитье золотом на проем играет большую роль разнообразие швов; в работе А. Эфендиевой их 15. На золотом проеме по кисее золотой и серебряной канителью с незначительным добавлением шелков темно-лилового, красно-карминного, темно-зеленого цветов. Тонкость шитья, четкость линии рисунка, тщательное выполнение шва «изюмчик» и швов «эсаб» канителью указывают на первоклассного мастера вышивки и рисунка. Адавиэ Эфендиева работала в вышивальной артели Крымкооперации Евпатории со дня основания, с 1930 г.

Создание Евпаторийского археолого-этнографического музея в начале XX века и последующая деятельность его руководителей, особенно Полины Яковлевны Чепуриной, продемонстрировали важную роль науки и культуры в сохранении исторического наследия и традициях народов Крыма. Музей зародился как центр сбора и защиты археологических и

этнографических реликвий, собранных в регионе, обеспечивая сохранность и популяризацию культурного богатства разных эпох и цивилизаций.

Деятельность Чепуриной способствовала формированию основ изучения народного искусства и быта крымских татар и караимов, сохранив уникальные аспекты традиционной культуры, такие как техника орнаментации и костюмирование. Её личные усилия помогли установить стандарты ведения этнографических исследований и сохранить важные элементы культурной самобытности населения Крыма.

Кроме того, конфронтация с властями в процессе управления музеем подчеркнула важность независимых решений и борьбы за сохранение уникальности региональных культурных учреждений. Несмотря на сложности, влияние музея ощущается и сегодня, поскольку он продолжает служить ценным источником информации о прошлом и настоящем различных этнических групп Крыма. Таким образом, наследие Евпаторийского музея и его основателей остается ключевым элементом культурного пространства региона, сохраняя память о многогранности и разнообразии культур, живущих на территории полуострова.

Библиографический список

1. Андриевская И. Ю. Из истории Евпаторийского краеведческого музея // Вестник музея. Материалы VII Краеведческих чтений «Военные действия в Крыму в 1941-1942 гг.» / Евпаторийский краеведческий музей. – Евпатория, 2012. – № 8. – С. 4-9.
2. ГА РК. Ф. Р-138, оп. 1, д. 10. л.10.
3. ГА РК. Ф. Р-663, оп. 7, д. 115. л.7.
4. ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 1, л. 200.
5. ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 1, л. 90.
6. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 1184, л. 23.
7. Мусаева У. К. Плюсы и минусы «национальной музейной политики»: краеведческий музей в Евпатории (20-30-е годы XX века) / У.К. Мусаева // Крымское историческое обозрение. 2014. №2. – С. 211-216.
8. Непомнящий А. А. Межличностные коммуникации в крымоведении по неизвестной переписке П. Я. Чепуриной и Б. Н. Засыпкина 1927 года// Крымское историческое обозрение. 2022 Т. 9, № 2 С. 63-83.
9. Урсу Д. П. Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921-1941). Симферополь, 1999. – С. 4.
10. Чепурина П. Я. Евпатория – ее живая археология // Крым. 1925. № 1. С. 73–74.
11. Чепурина П. Я. Евпаторийская ханская мечеть Джума-Джами (Хан Джами). –Евпатория, 1927. – С. 5.
12. Чепурина П. Я. О Коране евпаторийской мечети // Бюллетень конференции археологов СССР в Керчи. – 1926. – № 3. –7 сент. – С. 6.
13. Чепурина П. Я. Орнаментное шитье Крыма. – М.-Л., 1938.– С. 5.

Сведения об авторах:

Умерова Медине, магистр Крымского инженерно-педагогического университета им.Февзи Якубова, e-mail: umerova_medine@mail.ru

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 929

К. А. Юрьев

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА КОМПЛЕКСНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. Я. ГРОТА КАК ИСТОРИКА-СЛАВИСТА

Аннотация: В 2025 году исполнилось девяносто лет с момента публикации работы В. А. Францева, посвящённой научному наследию К. Я. Грота, выдающегося историка-слависта дореволюционного периода, литературы про которого до сих пор не очень много. В связи с этим, в данной работе приведён перевод труда Францева с чешского языка, который находился на грани некролога и самостоятельной биографической работы, попытки осмыслить научный путь Грота, как историка слависта. Более того, труд Францева был написан непосредственным свидетелем многих событий той эпохи, в связи с чем обладает большой значимостью.

Ключевые слова: К. Я. Грот, В. А. Францев, история славян, славяно-венгерские связи, историография, перевод

Yuriev K. A. *The first attempt at a comprehensive understanding of the scientific activity of K. J. Groth as a historian-slavist*

Abstract: In 2025, ninety years have passed since the publication of the work of V. A. Frantsev, dedicated to the scientific heritage of K. J. Grot, an outstanding Slavic historian of the pre-revolutionary period, about whom there is still not much literature. In this regard, this paper provides a translation of Frantsev's work from the Czech language, which was on the verge of an obituary and an independent biographical work, an attempt to understand Grot's scientific path as a Slavic historian. Moreover, Frantsev's work was written by a direct witness of many events of that era, and therefore has great significance.

Keywords: K. J. Grot, V. A. Frantsev, history of the Slavs, Slavic-Hungarian relations, historiography, translation

Предисловие

В 1935 году на чешском языке была опубликована работа русского историка-слависта Владимира Андреевича Францева, посвящённая Константину Яковлевичу Гроту, который скончался в 1934 году. Он был одним из выдающихся исследователей славянской истории дореволюционной России, одним из учителей Францева, его старшим коллегой. В этот некролог вошла биография исследователя с разбором вех его научной деятельности, а также список его трудов. Хочется отметить особый взгляд исследователя, так как Францев в 1921 году эмигрировал из России в Чехию, не приняв власти большевиков. На новом месте он активно включился в новую среду [4, с. 210-211], не теряя связей с коллегами из России, поддерживая связь и с Гротом, который остался в России. Его воззрения на дореволюционную славистику пропитаны, в некоторой степени, тоской по ушедшей эпохе, которую он, тем не менее, не стесняется и критиковать.

Как отметила Л. П. Лаптева – литературы о К. Я. Гроде мало, в отечественной печати некрологов, посвящённых исследователю, не обнаружилось, что исследователь связывает с репрессиями в отношении историков в начале 30-х гг. XX века в СССР, когда скончался Грот. А вот некролог за авторством В. А. Францева – был опубликован за границей и знаком отечественным исследователям [3, с. 677]. По мнению Лаптевой, Францев «...не сумел дать

глубокий анализ деятельности К. Грота, но зато... здесь сделана попытка показать творчество К. Грота в связи с политической обстановкой эпохи» [4, с. 224]. Нельзя не согласиться с этой оценкой, более того, за девяносто лет с момента издания, этот труд Францева успел серьёзно «состариться», появился целый ряд других биографических очерков о К. Я. Гроде, наиболее проработанным из которых можно назвать раздел из монографии самой Л. П. Лаптевой [3, с. 676-679].

Также Лаптева написала об архивных материалах биографии Грота, которые ещё не были опубликованы [3, с. 676-679]. Нельзя забывать про интернет-публикации к 150-летию К. Я. Грота про его «родоведческую» деятельность [8] и автобиография из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии Наук [9]. Среди новейших публикаций, посвящённых К. Я. Гроту, можно выделить работы Т. С. Ковыльниковой [2] и С. Г. Суляка [7].

Отдельно стоит упомянуть про период работы Грота в Общем Архиве Министерства Двора, где он был начальником Л. М. Савёлова, который упоминал Грота в своих воспоминаниях [6, с. 241-251, 315-317], этот эпизод был разобран также в работе О. Н. Наумова [5, с. 3-12], а также про архивную деятельность Грота писала в своей диссертации Е. А. Китлова [1, с. 19-20].

Работа Францева, не смотря на все вышеописанные недостатки, сохраняет определённую ценность для исследователя: не только историографическую – в качестве одной из первых биографий Грота, а также одной из первых попыток описания его деятельности как историка-слависта, но и как памятник эпохи со своими достоинствами и недостатками, поэтому данный перевод снабжён примечаниями, чтобы уточнить некоторые эпизоды.

Перевод выполнен по изданию: Francev V. A. K. J. Grot. Praha: Nákladem České akademie věd a umění, 1935. 56 s.

Перевод

29 сентября 1934 года в Петрограде [1] скончался член I класса Чешской Академии [2], выдающийся историк-славист Константин Яковлевич Грот, бывший «последним из могикан» знаменитой и великой школы Ламанского [3].

¹ Город Санкт-Петербург в 1914 году переименовали в Петроград на волне антигерманских настроений в связи с начавшейся Первой Мировой войной. В 1924 году, после смерти В. И. Ленина, в честь него город был переименован в Ленинград, но автор данной биографии К. Я. Грота – В. А. Францев, эмигрировал из России в 1920 году, продолжая именовать город в привычной ему манере. В данной работе Францев регулярно использует данное название города.

² Чешская Академия наук и искусств, как она называлась на момент написания работы, делилась на четыре класса в соответствии с классификацией наук по предмету исследования, к I относились философские, социальные, исторические науки и т. д.

³ К. Я. Грот относился к старшему поколению учеников В. И. Ламанского (1833-1914), русского историка-слависта, филолога, этнолога, географа. Из старшего поколения его учеников К. Я. Грот действительно прожил дольше всех, однако некоторые ученики Ламанского из младшего поколения смогли пережить К. Я., например Александр Львович Погодин, русский филолог-славист, доживший до 1947 года. Некоторые исследователи относят к ученикам Ламанского и самого В. А. Францева, но он, обучаясь в Варшавском университете, был скорее учеником Антона Семёновича Будиловича (1846-1908) – русского филолога-слависта, слушал лекции Иосифа Иосифовича Первольфа (1841-1891) (историка, филолога, слависта) и самого К. Я. Грота. То есть Францев в некотором смысле был учеником учеников Ламанского.

Профессор К. Я. Грот был вторым сыном вице-президента Русской Академии [1] Якова К. Грота, известного русского филолога и выдающегося историка литературы. Он родился 4 июля 1853 года [2]. Получал домашнее образование вместе с братом Николаем, русским философом. Их домашний учитель был всего на несколько лет старше своих воспитанников, это был студент Петроградского университета, впоследствии ставший профессором классической филологии – Иосиф Шебор, с которым до его смерти (в Праге в 1929 году) К. Я. Грот поддерживал постоянные дружеские контакты [3]. В Петроградском университете Грот посвятил себя славистике, в основном славянской истории, под руководством В. И. Ламанского. В меньшей степени на направление его занятий влиял И. И. Срезневский [4], который оставил Петроградский университет и вскоре умер (1880) [5].

К. Я. Грот вскоре стал (1883) после В. В. Макушева [6] профессором славянской филологии в Варшавском университете, где проработал до 1900 года, читая лекции о славянской литературе, поочерёдно о литературе славян западных (чешских) и южных [7]. Польская литература в университете имела особого представителя – профессора Ф. Вержбовского [8], историю славян – в основном о древностях и древнейших временах – преподавал И. Первольф [9], а славянским языкам учил Ф. Я. Езбера [10]. Студенты славянского отделения получали подготовку широкого спектра. Лекции профессора Грота были всегда тщательно проработаны, отличались насыщенностью содержания и знакомили аудиторию с результатами новейших научных исследований, вдохновляли на самостоятельную работу и ознакомление, которые обычно предшествовали экспертным интерпретациям истории литературы, представляли картину политической судьбы соответствующего народа, всегда были проникнуты искренней симпатией к славянству и в тоже время строго объективны.

Преподавательскую деятельность в Варшавском университете Грот начал 16 сентября 1883 года вступительной лекцией, в которой изложил свои взгляды на существенные черты и содержание литературного творчества южных славян в его тысячелетнем развитии, показав самобытность южнославянской истории литературы, связь и разделение разных направлений и влияний, коренные различия в корпусах литературы, языка народного и литературного,

¹ В 1889 году Я. К. Грот, отец К. Я. Грота, был назначен вице-президентом Императорской Академии Наук в Санкт-Петербурге.

² К. Я. Грот родился в 1853 году, 4 июля по григорианскому календарю, по юлианскому 22 июня.

³ И. Шебор обучался на историко-филологическом факультете Императорского Петербургского университета с 1868 по 1872 год. В разных источниках встречаются разные даты его смерти, указывается как 1928, так и 1929 год.

⁴ Измаил Иванович Срезневский (1812-1880) – русский филолог-славист, этнограф, палеограф.

⁵ Константин Яковлевич поступил на историко-филологический факультет Императорского Петербургского университета в 1872 году, то есть И. И. Срезневский как преподаватель оказал на него влияние, однако научное руководство и первые шаги в научной деятельности связаны с В. И. Ламанским.

⁶ Викентий Васильевич Макушев (1837-1883) – русский историк, филолог.

⁷ Стоит уточнить, что в Варшавском университете К. Я. Грот преподавал историю и литературу славян.

⁸ Фёдор Францевич Вержбовский (1853–1923) – филолог-полонист.

⁹ После смерти И. И. Первольфа К. Я. Грот взял на себя его курс по славянским древностям, а ученику Первольфа – Платону Андреевичу Кулаковскому (1848–1913) (историк, филолог, славист) были выделены историко-литературные курсы и курс этнографии, который ранее вёл его учитель.

¹⁰ Фёдор Иванович Езбера (František Jan Jezbera) (1829-1901) – чешский филолог.

отсутствие органичной последовательности и выделения отдельных веков развития литературы; указал на решительное превосходство церковной литературы над светской и объяснил причины таких особенностей южнославянской литературы, указав на неблагоприятные, иногда фатальные условия её развития, в особенности на обстоятельства политической жизни; метко характеризовал далматинско-дубровницкую литературу [1] и в своих лекциях посвящал ей отдельный курс как значительной и оригинальной ветви южнославянской литературы.

Однако более его привлекала история славян, особенно древняя, которой он исключительно посвятил молодые годы своей научной деятельности. Произошло это, как сам Грот признаётся в своих воспоминаниях, под влиянием учителя, профессора В. И. Ламанского, его профессиональных лекций, а также благодаря частному общению молодого человека – студента с профессором, и под влиянием дружеских бесед с ним в его кабинете, где вплоть до последних лет жизни Ламанского собирались по субботам его давние ученики, многие из которых уже стали университетскими преподавателями, и молодое поколение, славистическая молодёжь.

Первым крупным научным трудом Грота была историко-этнографическая монография, анализ сообщений византийского императора-историка Константина Багрянородного о южных славянах, с критическим комментарием к этому важному источнику о древней истории славян на Балканском полуострове. Собственно, это была студенческая работа, награждённая историко-филологическим факультетом Петроградского университета золотой медалью в 1876 году и опубликована в 1880 году. Уже в этом трактате исследователь проявил редкие способности к критическому мышлению и отличное знание византийских источников и соответствующей славянской литературы (Шафарик, Рачки и т. д. [2]). Запутанные вопросы древнейшей истории южных славян, хорватов и сербов, крупные этнические передвижения в Европе, которые привели к миграции сербов и хорватов на Балканы, трактовались автором весьма наглядно и понятно, и в особенности касаясь периода исторического пути хорватов и сербов и их новой родины на Балканах. Сейчас некоторые страницы работы Грота уже устарели, неприемлемы его этимологические интерпретации, однако, в целом, эта первая попытка всестороннего анализа сообщений Багрянородного была в своё время ценным вкладом в освещение целой группы вопросов древнейшей южнославянской этнографии и истории Балкан.

В 1881 году вышел второй крупный трактат Грота «Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X в.», в нём он попробовал решить важный вопрос об историческом значении мадьярского вторжения в Тисо-Дунайскую равнину, показать, какое влияние имело это событие на судьбу славянской Великоморавской державы, какой неожиданный погром приготовили мадьяры немецкому натиску. Грот хотел вместо односторонних взглядов некоторых славянских и неславянских историков установить правильную точку зрения на это катастрофическое вторжение с позиции славян. Мадьярское вторжение, как утверждают некоторые, было безвозвратно судьбоносным и пагубным для западного славянства, стало одним из величайших несчастий, которое их когда-либо постигало, ибо мадьяры вклинились в сердце великой славянской державы, которая якобы только начинала формироваться и объединять славян северо-западных с южными, и тем самым нанесло тяжкую рану славянскому могуществу и

¹ В XV-XVI вв. на восточном побережье Адриатики в славянской среде сформировался целый пласт уникальной культуры, который был назван по региону распространения – историческая область Далмация и город Дубровник.

² Имеются в виду: Павел Шафарик (Pavel Šafárik) (1795–1861) – чешский и словацкий славист, деятель чешского и словацкого национального возрождения; и Франьо Рачки (Franjo Rački) (1828-1894) – хорватский богослов, историк-славист.

навсегда разбило надежды западных славян на политическое объединение. Намёк на такой взгляд можно найти уже у Шафарика в его «Древностях» [1], но прямо и чётко эту мысль выразил Палацкий в своей «Истории» [2]: «Вторжение и утверждение в Венгрии мадьярского народа принадлежит к числу одного из самых серьёзных деяний за всю историю; на протяжении веков более фатального бедствия не обрушивалось на славянский мир. В девятом веке славяне распространили свои места жительства от границ Гольштейна до Пелопоннеса; и хотя из-за давней своей разрозненности они отделились друг от друга, но всюду проявляли себя храбрыми, восприимчивыми и деятельными. В середине их обширной зоны обитания Ростиславом и Святополком начало создаваться ядро, его успешное прорастание сулило расцвет христианства и народного единства; благосклонность, которую они получали и от Рима, и от Царьграда – гарантировала почти безграничную выгоду. К этому ядру, под внутренним и внешним воздействием, постепенно присоединялись все племена славянские; от него приняли бы с христианством, если не новые политические институты, то по крайней мере ново-европейское и национальное просвещение, искусство и промышленность, единство языка, письма и литературы; как на западе под римским влиянием возникла Франкская монархия, подобно бы на востоке, не без воздействия византийского духа, выросла бы великая Славянская держава, и Восточная Европа за тысячу лет приобрела бы иной вид, нежели тот, что имеет сейчас. Но мадьяры, погрузившись в сердце зарождающегося организма, уничтожили его, как и всё подобное, навсегда. Части огромного тела, не успев срастись, как между ними насильственно была встроена чужеродная материя; оставшись в одиночестве, не имея общего ориентира, каждое звено заботилось само о себе, растрачивая силы в мелких ссорах с соседями, не способное более противостоять чужеземцам, объединённым единым рвением, поскольку оно было основано на их общей выгоде [3]».

В русской литературе мысль Палацкого повторил и развил Гильфердинг (1860 год [4]), который в этом «случайном» вторжении видит роковой момент, который разделил славянский мир на две части, северную и южную, и разорвавший связь между ними. Прочное закрепление мадьяр на Дунае имело огромные последствия, якобы для целой половины славянского племени, для целого региона Центральной Европы, от Лабы до Немана, от Адриатического до Чёрного моря. Грот не разделял такого взгляда, такого упрощённого восприятия и изложения

¹ Имеется в виду книга П. Й. Шафарика «Slovanské starožitnosti», изданная в двух томах на чешском языке. На русский язык эта книга под названием «Славянские древности» была переведена О. М. Бодянским. Говоря о подобной мысли у Шафарика, В. А. Францев не оставил ссылку на конкретные страницы. В русском издании это: Шафарик П. Й. Славянские древности / Пер. с чеш. О. М. Бодянского. М.: Унив. тип., 1847. Т. II. Кн. II. С. 307-308, 322.

² Имеется в виду книга (в пяти томах) чешского историка Франтишека Палацкого, которая выходила сначала на немецком языке под названием «Geschichte von Böhmen» (История Чехии) в период с 1836 по 1867 гг., а с 1848 по 1872 гг. она издавалась на чешском языке под названием «Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě» (История народа чешского в Чехии и в Моравии). На русский язык книгу не перевели, но в 1872 году был издан «Краткий очерк истории чешского народа» Ф. Палацкого в переводе Н. П. Задерацкого.

³ В данной части В. А. Францев привёл цитату из следующей работы: Palacký F. Dějiny národu českého w Čechách a w Morawě: dle puwodnich pramenu. Praha: Nákl. J.G. Kalve a pomocí Českého museum, 1848. Díl. 1. Č. 1. S. 225-226. Перевод цитаты на русский язык также можно встретить в монографии: Грот К. Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб: тип. Имп. Акад. наук, 1881. С. XI-XII. Сам Грот в данной книге ссылаясь на перевод, приведённый в книге: Гильфердинг А. Ф. Собрание сочинений. СПб: печатня В. Головина, 1868. Т. II. С. 124.

⁴ В данном случае имеется в виду статья: Гильфердинг А. Ф. Венгрия и славяне // Собрание сочинений. СПб: печатня В. Головина, 1868. Т. II. С. 113-150. Хотя сама статья изначально вышла в 1860 году.

исторических фактов без связи с другими факторами и без оценки политических и этнических условий на Дунае перед появлением мадьяр. В русской литературе другое мнение в вопросе мадьярского вторжения было высказано уже в 1857 году молодым историком Елагиным (в статье «Мѣсто Венгровъ среди народовъ Европы» [1]), который отвергал точку зрения Палацкого на причины падения моравского княжества и утверждал, что удар в сердце славян на Дунае был нанесён ещё перед приходом мадьяр деструктивным западным влиянием и интригами немцев. От мадьярского вторжения больше пострадали немцы, нежели славяне – утверждают некоторые иностранные исследователи (Рёслер, Кеммель, Гунфальви [2]); Грот добавил к этому выводы своей большой монографии, как кажется, подкрепив эти тезисы неопровержимыми доказательствами, которые обобщил в важной завершающей главе (С. 410-423). В работе Грота есть глава необычайно поучительная для каждого, кто интересуется древнейшей историей мадьяр, происхождением венгров, их прародиной, о времени их миграции с севера на юг и далее на запад, о причинах этого передвижения, о направлении их пути, о разных влияниях, которым они подвергались на этом долгом пути и т. д. Эти части прочтёт с интересом каждый образованный читатель в наши дни, хотя сейчас им требуются некоторые исправления и дополнения [3].

Значительная докторская диссертация, написанная в 1889 год «Изъ исторіи Угрії и Славянства в XII вѣкѣ» (1141-1173) посвящена краткому периоду политической жизни Венгрии. Автор намеревался освятить и изучить со славянской точки зрения важную эпоху в истории Арпадовичей [4], непрерывные и широко разветвлённые связи мадьярского государства со славянскими соседями и также с отдалёнными славянами. Период, который русский учёный сделал предметом своего исследования, одинаково важен и интересен. Венгерские и немецкие историки обычно его называют эпохой «византийского влияния», но это название Грот считал ошибочным и рассматривал его скорее как эпоху внешних завоевательных стремлений и усилий Византии и борьбы против них, и эти бои составляли суть венгерской политической жизни в то время. Западное влияние тогда не только не уступало влиянию греческому, политическому или культурному, и не ослабевало, наоборот, добивалось ещё большего прогресса. Вторая половина XII века с этой точки зрения может быть в определённом смысле рассмотрена как переходный период, когда Венгрия всё больше и больше начинала подчиняться влиянию латинскому и Папскому, вообще влиянию Западной Европы и приобретала типичные черты державы латинской. Однако более глубокое изучение исторических событий этого периода привело исследователя к выводу, что даже в XII в. и намного позже в народных массах твёрдо поддерживалось чувство принадлежности к старым традициям, к старой вере, как доказывает Грот, то есть к восточно-церковному обряду и к народным славянским основам жизни, вообще православно-славянские элементы были одинаково прочны и проявлялись зримо.

¹ Елагин В. А. Место венгров среди народов Европы // Русская беседа. – 1858. – Кн. I (IX). – Отд. II. – С. 117-168.

² Имеются в виду: немецкий историк Роберт Рёслер (Robert Rösler) и его работа «*Römische Studien: Untersuchungen zur älteren Geschichte Römians. – Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1871. – S. 170.*»; немецкий историк Отто Кеммель (Otto Kaemmel) и его работа: «*Die Anfänge deutschen Lebens in Oesterreich bis zum Ausgange der Karolingenszeit. – Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1879. – S. 301-302.*»; и венгерский этнограф Пауль Гунфальви (Pál Hunfalvy), и его работа: «*Ethnographie von Ungarn. Mit Zustimmung des Verfassers ins deutsche Übertragen von Johann Heinrich Schwicker. – Budapest: Franklin-Verein, 1877. – S. 299-300.*».

³ В разборе данной книги В. А. Францев часто обращался к её введению, некоторые предложения даже цитировал почти полностью.

⁴ Арпадовичи – династия венгерских правителей в Средние века.

Живые и часто весьма тесные связи Венгрии с соседями, западными, южными и восточными славянами у всех славянских исследователей, которые занимаются историей Венгрии того периода должны вызывать особый интерес. Грот занимается исключительно политической историей Венгрии, не касаясь вопросов внутренней жизни, общественных и церковных отношений, государственных и религиозных институтов, культурной жизни в целом. Он имел намерение возвратиться к этим темам, необычайно важным для понимания многих аспектов жизни славян и до сих пор мало проработанных, но, к сожалению, до реализации этого плана не дошло. Заслуживающая внимания работа Грота требовала квалифицированного критического анализа и знакомства с источниками по тому периоду, в основном византийских, западноевропейских и славянских, ибо венгерские источники вплоть до начала XIII века не содержат достаточно материала. Введением автор нарисовал картину политического развития Венгрии от эпохи святого Стефана [1] и интерпретировал их на момент первой половины XII века в соответствии с отношениями с соседями: Германией, Чехией, Польшей, Русью, Византией и со славянами южными – Сербией и Болгарией. Обширная и содержательная первая глава представляет образ правления Гезы II (1141-1149 гг.), посвящена сложной политической судьбе страны; однако в самом начале главы автор сделал небольшой экскурс, связанный с внутренней жизнью, которая имела определённое влияние на историческое развитие и политические события в Венгрии (о первых немцах в Трансильвании). Таких частей не обнаружено в дальнейших главах, посвящённых исключительно отношениям дипломатическим и генеалогическим, отношениям с союзниками и противниками, соперничеству сторон, войнам и переворотам, мирным договорам и другим событиям. Столь подробно изложена история преемников Гезы, период мятежей и междоусобиц (1161-1164) в Венгрии и заключительная часть книги. Нельзя передать подробнее содержание книги Грота, которая в русской исторической литературе является единственным сочинением по древней истории Венгрии, предпринятой самостоятельно, в основном на основе источников, с критической оценкой соответствующей литературы. Русского читателя особо заинтересовать должна часть о дружеских, близких отношениях Венгрии и Древней Руси в эпоху Гезы, об участии венгров в спорах русских князей, об упадке этих дружеских связей из-за влияния латинского Запада и Византии, а также из-за влияния новых политических движений, об упадке Киева и т. д.

В первые годы своей научной деятельности Грот в контексте большой монографии о мадьярах и Моравии продолжил анализировать отдельные вопросы, связанные с древнейшей историей мадьяр. Вместе с Н. Я. Данилевским [2], автором крупного славянофильского трактата «Россия и Европа» (1883) [3], в небольшой работе определил путь, который прошли мадьяры с Уральской прародины до Леvedии К. Багрянородного [4], остановки в южной Руси перед дальнейшим путём к Дунаю. Сразу после этого он представил анализ новых исследований по истории Венгрии (Новые труды по истории Венгрии) в сборнике, посвящённом В.И. Ламанскому к его шестидесятилетию в 1883 году от его бывших учеников. Ламанский, как отмечает

¹ Иштван (Стефан) I Святой (István I. Szent) (970/975-1038) – венгерский король из династии Арпадов.

² Николай Яковлевич Данилевский (1882-1885) – русский социолог, культуролог, мыслитель.

³ Труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» вышел в 1869 году, в данном случае В. А. Францев ссылается на другую работу: Данилевский Н. Я. О пути мадьяр с Урала в Леbedию: Заметки Н. Я. Данилевского и К. Я. Грота. – СПб: тип. А.С. Суворина, 1883. – 27 с.

⁴ Константин VII Багрянородный (905-959) – византийский император, автор трактата «Об управлении империей», в X главе которой упоминается Леvedия – место расселения венгров во время их путешествия от Урала до Паннонии.

Грот, и в своих сочинениях, и в отдельных статьях и лекциях весьма часто касался истории Венгрии и тем поощрял свою аудиторию к самостоятельным исследованиям по вопросам в русской науке мало изученным.

Грот критически оценивает две большие работы о древней истории Венгрии: 1. Й. Л. Пич [1] «Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht. Ein Beitrag zur Kritik der älteren ungarischen Geschichte» (1882), историческая монография об истории внутренней политической жизни и внутренней организации старой Венгрии, и 2. Хенрик Марцали [2] «Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpáden» (1882), который для описания истории Венгрии эпохи Арпадовичей провёл систематический сбор и критический анализ источников, подобно тому как Ваттенбах сделал для описания истории Германии [3]. Грот в обширном анализе труда Пича обращает внимание на все её интересные и ценные части и оценивает их весьма лестно, хотя также решительно критикует слабые стороны некоторых моментов изложения (например, защита хроники Анонима как убедительного источника о происхождении мадяр и их прародин [4]), которые прямо противоречат новейшим критическим разборам этого источника. Критические замечания Грота свидетельствуют о самостоятельном изучении им специальной литературы об истории венгров и их соседей, истории южных славян и Византии. К вопросу об Анониме Грот вернулся в ещё одном содержательном разборе более поздней работы Пича: «Zur rumänisch - ungarischen Streitfrage» (1886). Особая предубеждённость профессора Пича к Анониму в этой работе не так сильна, как в предыдущей – Грот с некоторым удовлетворением констатирует этот поворот и активно спорит с чешским учёным, который теперь признаёт частые искажения исторической правды и тенденциозные вымыслы Анонима.

Истории древних славяно-венгерских контактов Грот уделял внимание и после выхода своей большой монографии об истории Венгрии в XII веке в 1889 году. Работа Мора Вертнера [5] «Glossen zur bulgarischen Zaren - Genealogie» в журнале «Ungarische Revue» (первоначально на венгерском [6], 1891, Темешвар) была подвергнута Гротом тщательному анализу [7], в нём он констатировал несамостоятельный, компилятивный и тенденциозный характер этой работы, хотя и признал позитивные моменты в некоторых частях, особенно в тех, где автор черпал богатый материал из доступных ему венгерских источников в качестве полезного

¹ Йосеф Ладислав Пич (Josef Ladislav Píč) (1847-1911) – чешский историк, археолог, педагог, музейный деятель.

² Хенрик Марцали (Henrik Marczali) (1856–1940) – венгерский историк.

³ Имеется в виду Вильгельм Ваттенбах (Wilhelm Wattenbach) (1819-1897) – немецкий историк, источниковед, палеограф. Принимал участие в издании средневековых источников в серии «Monumenta Germaniae Historica», автор труда «Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des XIII Jahrhunderts» (Исторические источники Германии в средние века до середины XIII века), который считался главным пособием по данному вопросу.

⁴ Имеется в виду источник «Деяния венгров» анонимного магистра П. М. К. Юрасов в работе: Неславянские народы Восточной Европы в «Деяниях венгров» неизвестного нотариуса короля Белы III // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 2. – С. 72., отмечает – Грот под влиянием историографической традиции игнорировал данный источник в своей монографии 1881 года, но последующие исследователи относились к этому источнику более серьёзно.

⁵ В. А. Францев пишет чешский вариант имени Mořic, а по-венгерски этого исследователя звали Mórg.

⁶ Работа М. Вертнера изначально была издана на венгерском языке, о чём ещё будет упомянуто ниже.

⁷ В данном случае речь идёт про работу: Грот К. Я. К истории давних угрославянских отношений // Варшавские университетские известия. – 1891. – № 8. – С. 1-22.

подспорья в решении вопросов древней истории славяно-венгерских взаимоотношений [1]. Фундаментальной ошибкой этой немецкой публикации (выдержка из крупного венгерского исследования) в вопросе генеалогии древних южнославянских (особенно болгарских) династий является незнание Вертнером соответствующей славянской литературы по истории болгар. Русские слависты и византисты, даже востоковеды выполнили в этой области много достойных работ. Без результатов исследований М.И. Соколова [2], В. В. Макушева, М. С. Дринова [3], барона Розена [4], Ф. И. Успенского [5], В. В. Васильевского [6], П. А. Сырку [7] и многих других не может обойтись ни один исследователь истории Болгарии, хотя они и не имеют прямого отношения к генеалогии болгарских царей. Остались неизвестными Вертнеру и другие славянские сочинения; в основном опирался на К. Иречека [8], которого он придерживается в части о древнейших династиях Первого Болгарского царства, также на Любича [9] и на старую немецкую работу (Энгель) [10]. Одинаково осудил Грот и другую часть работы Вертнера, посвящённую генеалогии сербской династии, хотя и ограничился кратким замечанием, не приступая к подробной критике этой менее успешной работы, устаревшей уже на момент публикации.

Ламанский в целом ряде своих крупных работ и мелких статей обращал внимание на важность знания истории Венгрии в целом и в отдельных её моментах, поощрял её изучение, указывал на интересные для историка славянского и русского поучительные параллели и аналогии истории венгерской с внешней и внутренней историей славянских народов, не только ближайших соседей, Чехии, Польши, но также и Древней Руси.

Некоторые русские исследователи, в основном слависты, касались этих вопросов, к сожалению, только бегло, по случаю, и результаты русских учёных, достигнутые в этих работах, были в целом незначительны, как в области славистики, так и среди историков, специалистов по всеобщей истории. Из русских историков первой половины прошлого столетия [11] – Надеждин [12], основоположник русской исторической географии и этнографии, первым подметил важность научного изучения большой карпато-дунайской территории для объяснения важных вопросов древнейшей русской истории. Грот в значимой работе о роли карпато-

¹ Сам К. Я. Грот не знал венгерского языка, поэтому знакомился с венгерскими источниками и литературой в основном на немецком языке.

² Матвей Иванович Соколов (1854-1906) – русский филолог-славист.

³ Марин Степанович Дринов (1838–1906) – болгарский историк, филолог.

⁴ Имеется в виду барон Виктор Романович Розен (1849-1908) – востоковед-арабист, в некоторых работах которого поднимались вопросы истории Византии и Болгарии.

⁵ Фёдор Иванович Успенский (1845-1928) – русский историк-исследователь Византии.

⁶ Вероятно, В. А. Францев ошибся, у него указаны инициалы «В. В.», хотя знаменитого исследователя Византии Васильевского звали Василий Григорьевич.

⁷ Полихроний Агапиевич Сырку (1855-1905) – болгарский историк литературы.

⁸ Константин Иречек (Konstantin Jireček) (1854-1918) – чешский историк.

⁹ Тут имеется в виду хорватский историк и археолог Шиме Любич (Šime Ljubić) (1822-1896).

¹⁰ В данном случае имеется в виду австрийский историк Иоганн Христиан фон Энгель (Johann Christian von Engel) (1770-1814), автор ряда работ по истории Венгрии.

¹¹ Данная работа была впервые опубликована в 1935 году, поэтому в данном случае имеется в виду XIX век.

¹² Имеется в виду русский историк Николай Иванович Надеждин (1804-1856).

дунайских земель в судьбах славянства и в русских исторических исследованиях об этой территории (1905) весьма убедительно объяснил значение исторических событий, которые происходили здесь с конца IX до конца XIII вв. в эпоху формирования и своеобразного развития Венгрии, славяно-венгерского государства под управлением национальной династии, коснулся и более поздних событий исторической жизни вплоть до падения независимой Венгерской державы (1526) [1] и упомянул о её связях со славянами соседними и дальними.

К мадьярам вообще, то есть не только к их контактам историческим, к их истории политической, их родственным и династическим связям, но особенно к их культурному развитию, к созданию мадьярского государства возвращался Грот несколько раз в разных статьях и публичных выступлениях. Крупная статья о венгерской истории в русском энциклопедическом словаре [2] (1892), критический анализ работы Вертнера (*Glossen zur bulgarischen Zaren – Genealogie*) о венгерско-болгарских взаимоотношениях в прошлом, торжественная лекция «Мадьяры и славяне в прошлом» (1893) – постоянно привлекали внимание к общим моментам мадьярско-славянской политической и культурной истории. Для широкого круга читателей была написана большая публицистическая статья о мадьярах (1903), об их происхождении, прародине, миграции в Придунайскую низменность и их древнейшей истории в Европе, при этом, автор уделял особое внимание культурным влияниям и связям. Можно сожалеть, что из этих единичных и ныне мало известных статей не возникла книга, которая могла бы содержать наиболее поучительные и надёжные известия о мадьярах для русской публики, особенно с исторической точки зрения. Грот был готов к этой задаче лучше всех.

Часто упрекали русскую славистику за то, что она слишком далека от важных вопросов текущей культурной жизни славянства, за то что, занимается в основном археологией и мало уделяет внимания событиям политическим и литературным эпохи новой и новейшей. Этот упрек был в определённой степени обоснован: русскому обществу действительно недоставало наиважнейших средств для познания славянского мира, хотя интерес к нему проявлялся всегда, по-прежнему возрастал и проявлялся особенно сильно в новейшую эпоху под влиянием политических событий, таких как освободительная война 1877-1878 гг. [3]. Университетские кафедры могли иметь большее влияние на распространение знаний о славянах в среде русской интеллигенции, но популяризация этих знаний не была прямой задачей высшей школы. Грот ей посвятил в разное время несколько статей, кратко и популярно написанных, которые обобщил в самостоятельно изданном сборнике «Объ изученіи Славянства» (1901). Автор искренне стремился к расширению знания о славянстве в русском образованном обществе, признавая его важность в культурном и национальном развитии России, упрекал в основных ошибках нынешнего положения славистики в русских университетах и был твёрдо убеждён, что для неё наступят лучшие времена не только с большой реформой высшей школы, но также введением начал науки о славянстве в программу средних школ. Сборник этот содержит прежде всего обширный исторический обзор развития славистики у всех народов Европы от

¹ В 1526 году произошла битва при Мохаче, в которой венгерское войско потерпело поражение, из-за чего часть Венгрии перешла под власть осман, а другая была присоединена к владениям Габсбургов.

² Имеется в виду «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона».

³ Лаптева Л. П. в работе: В. А. Францев как историк славянства // Славянская историография. Сборник статей / Под ред. И. М. Белявской, И. А. Воронкова, В. Г. Карасева. М.: Издательство Московского университета, 1966. С. 224. – критикует данный тезис В. А. Францева, считая его «натяннутым», однако следует учесть, что В. А. Францев в данном случае мог выступать свидетелем эпохи или человеком, который контактировал с непосредственными свидетелями, поэтому в данном случае перед нами исторический источник, а не результат историографического анализа.

древнейших времён до начала XX века. Статья, изначально написанная для русской энциклопедии, была слишком краткой; хотя в ней перечислялись некоторые представители славянской науки и их наиболее важные труды, но её справочный характер не мог иметь широкого влияния: читатель с трудом разбирался в деталях.

В другой краткой статье «Русское общество и славянство» [1], которая была написана практически введением к критическим примечаниям о некоторых новинках русской славистической литературы за 1886 год (А. С. Будилович, А. Степович, Е. де-Витте [2]), он пропагандировал мысль о необходимости популяризации знания о славянстве в среде русской интеллигенции, объяснял неудачу представителей строгой университетской науки в нынешней неудаче в этом деле и надеялся, что в следующий раз подобное будет сделано силами, специально подготовленными для такой популяризаторской работы. В период, когда ожидалась большая реформа русской средней школы, когда публика требовала изменений жёсткой классической системы, введенной графом Д. А. Толстым [3] в семидесятых годах XIX века, профессор Грот фактически выразил желание определённой части кругов интеллигенции, чтобы необходимая реформа была проведена на началах естественных, народных, чтобы школа развивала в молодёжи чувство русского национального самосознания, но не пренебрегала и широким славянским самосознанием.

В последнем разделе своей интересной и побуждающей работы Грот ещё раз возвращается к вопросу срочной необходимости реорганизации кафедр славянской филологии в русских университетах, указывая на то, что невозможно, как это было ранее, чтобы один профессор читал лекции по всем областям славистики, истории славянских языков и литератур всех периодов, чтобы был экспертом в истории славянских народов, в вопросах древностей, археологии, этнографии и т. д. Особенно злокачественно на развитие славянских исследований в России действовал новый университетский устав 1884 года, которым была установлена одна единственная кафедра «славянской филологии», причём, при такой ситуации история славянства утратила значение самостоятельного предмета и была добавлена как вспомогательный раздел, дополнение к всеобщей истории. Реформа изучения славянской филологии потребовала, как желали все русские специалисты и друзья славянства, чтобы по крайней мере три профессора читали лекции по славянскому языкознанию, истории славянских литератур и истории славян. Некоторые специальные курсы могли читать приват-доценты [4]. Только перед мировой войной [5] борьба за расширение славянских кафедр была счастливо выиграна. Профессор Грот был несомненно одним из наиболее энергичных поборником изменений и своими статьями пробуждал интерес к ним и к славянству в широких кругах. В качестве первого из

¹ Данная работа под названием «Новыя русскія пособія по славяновѣденію» вышла в «Варшавском дневнике» в 1886 году за 27 и 29 декабря. Впоследствии также она уже под названием, указанным В. А. Францевым, вошла в сборник «Об изучении славянства: Судьба славяноведения и желат. постановка его преподавания в ун-те и сред. шк.», другие разделы которого В. А. Францев разбирает ниже.

² Андроник Иоанникиевич Степович (1856-1935) – русский педагог, славист; Елизавета Ивановна де-Витте (1833/4- 1915) – русский педагог, писатель, публицист.

³ Дмитрий Андреевич Толстой (1823-1889) – русский государственный деятель, будучи министром народного просвещения провёл образовательную реформу 1871 года, которая вызвала неоднозначную реакцию общества.

⁴ Приват-доценты в системе образования того времени в России не имели постоянного профессорского места в университете, работая внештатно, но сохраняя звание профессора.

⁵ Имеется в виду Первая мировая война.

средств к возбуждению этого интереса Грот рассматривал расширение и укрепление издательской деятельности славянских обществ в России (в Петрограде, Москве, Киеве), создание русского журнала для познания славянского мира, прежде всего научного, каким был «Архив...» Ягича [1], на втором месте – популяризаторская деятельность, литературно-публицистическая, и наконец – организация межславянских книжных контактов.

Древнеславянская письменность и её памятники, хотя в университетских лекциях по-прежнему упоминались и интерпретировались на семинарах, всё таки не были предметом самостоятельного исследования Грота – он посвятил им две небольшие, случайные заметки, скорее описательного характера, нежели аналитического – о природе древнеславянских памятников позднего происхождения, с которыми познакомился в Национальной библиотеке Белграда (1883 год), и позже (1887 год) о некоторых славянских рукописях Британского музея. Его «Лондонские заметки» были лишь небольшим дополнением к наглядному анализу некоторых рукописей, важных для ранней болгарской истории.

В юбилейный 1885 год, когда славянский мир отмечал тысячелетие смерти святого Мефодия, Грот в сборнике (Мефодіевскій юбилейный Сборникъ) профессоров-славистов варшавского университета (Будилович, Первольф, Зигель [2], Кулаковский) опубликовал работу: «Взгляд на подвиг славянских первоучителей с точки зрения их греческого происхождения». Основной её тезис – Кирилл и Мефодий были греками – не был новым в русской кирилло-мефодиевской литературе; Грот считал его недостаточно обоснованно представленным в работах ранних исследователей (Погодина, Гильфердинга, П. Лавровского [3]) и широко развивал тезис в противовес мнению западных славянских католических писателей [4]. В этом значительном факте греческого происхождения славянских апостолов Грот обнаружил всю суть их великого дела для славянства и хотел их происхождением объяснить чудесные результаты работы и всеславянское значение деятельности святых братьев. У этой статьи отсутствовала глубокая историческая основа и поэтому она была скорее размышлением на тему значения греческого происхождения Кирилла и Мефодия, нежели настоящей работой, построенной на твёрдом, убедительном материале.

В год юбилея Коменского (1892) [5] Грот в популярном очерке в журнале «Славянское Обозрѣніе» обратил внимание на славянские основы идей и деятельности великого педагога, чешского философа и реформатора в области образования, Грот пытался доказать, что все его устремления проросли на национальной почве, что Коменский был достойным сыном своего народа и, таким образом, типичным славянином, который воплотил в жизнь моральные ценности и идеалы народа в своей деятельности, и поэтому он был истинным чешским братом,

¹ Игнатий (Ватрослав) Викентьевич Ягич (Vatroslav Jagić) (1838-1923) – хорватский филолог-славист, основал в 1875 году журнал «Archiv für slavische Philologie» (Архив славянской филологии), который пользовался уважением в среде профессиональных славистов. Журнал закрылся в 1929 году.

² Фёдор Фёдорович Зигель (1845-1921) – русский филолог-славист.

³ К. Я. Грот называл следующие работы этих исследователей: Погодин М. П. Речь, произнесенная в заседании московского общества любителей российской словесности. 11 мая 1863 года, в память о св. Кирилле и Мефодии // Кирилло-Мефодиевский сборник / изд. М. П. Погодиным. М.: Синод. тип., 1865. С. 95-105.; Гильфердинг А. Ф. Кириллица ли изобретена Кириллом? // Собрание сочинений. СПб: печатня В. Головина, 1868. – Т. I. С. 317.; Лавровский П. А. Кирилл и Мефодий, как православные проповедники у западных славян, в связи с современною им исторією церковных несогласій между востоком и западом. Харьков: Унив. тип., 1863. С. 216.

⁴ Сам К. Я. Грот среди этих самых историков перечисляет: И. А. Гинцель (австриец), В. Штульц (чех), Ф. Рачки (хорват), Л. Леже (француз), И. М. Мартынов (русский эмигрант во Франции) и др.

⁵ Ян Амос Коменский (Jan Ámos Komenský) родился в 1592 году.

выражением и органическим плодом родной земли. В своём взгляде на личность Коменского Грот выступил против мнения немецких исследователей, которые рассматривали великого славянина в качестве немецкого гения, дитя немецкой науки. Издание Патерой «Корреспонденции Коменского» (1892) [1] было важным стимулом для оценки важности этого сборника для понимания важной эпохи европейской истории, религиозной, культурной и политической жизни с двадцатых по семидесятые годы XVII века.

К чешской истории Грот обратился ещё раз в масштабной рецензии на работу профессора А. Н. Ясинского [2] «Падение земского строя в Чешскомъ государствѣ (X–XIII вв.)» (1895), которую он представил по просьбе Русской академии; на самом деле это была самостоятельная работа (на 95 страниц) о весьма трудном вопросе упадка земских учреждений в Чехии, который затронул Ясинский в своей монографии. Рецензент выполнил огромную работу, изучил большое количество литературы, основные источники по чешской аграрной и экономической истории и проявил большую критичность, хотя его суровые упрёки, направленные Ясинскому, не всегда были справедливы и расходились с критикой от чешских историков [3]. В научной деятельности Грота эта рецензия была единственным случаем, когда этот историк западных славян специально коснулся истории чехов.

Профессор Грот принадлежал к тем русским славистам, которые хорошо знали чешскую историю и литературу, в юности путешествовали по чешским землям, узнали много выдающихся учёных, поддерживали с ними связь; и в поздние годы Грот ездил в Чехию на долгий срок и с семьёй.

Так в 1890 году Грот провёл лето в Потштейне [4] и о своём пребывании написал замечательные воспоминания «На берегах Дикой Орлицы», в которых познакомил русского читателя с красотами орлицкого края, географическим положением, текущей жизнью и подробно изобразил историческую судьбу этого любопытного уголка Чехии, в основном в гуситскую эпоху и беспокойные времена Чешских братьев, пояснил читателю суть их учения, упомянул Коменского и Жеротина [5], побывал в Брандисе [6], Вамберке [7], Рихнове [8] и т. д. Русский путешественник здесь является честным и увлечённым пропагандистом практической славянской взаимности [9], горячо рекомендует своим землякам путешествовать в славянские земли,

¹ Имеется в виду издание: Patera A. (ed.), Jana Amose Komenského korrespondence, Praha: ákladem České Akademie cisare Frantiska Josefa pro vedy slovesnost a umeni, 1892.

² Антон Никитич Ясинский (1864-1933) – русский, советский историк-медиевист.

³ Лаптева Л. П. в ранее упоминаемой работе: В. А. Францев как историк славянства. С. 224. – написала, что в данном случае В. А. Францев допустил фактическую ошибку, так как чешские историки тоже критиковали работу А. Н. Ясинского достаточно серьёзно. Однако в данном случае, мы склонны предположить, что это была не совсем ошибка, а особенности восприятия Францевым этого события, не стоит забывать, что он как свидетель эпохи имел взгляд, отличный от точки зрения историка, который рассматривает события в ретроспективе.

⁴ Потштейн (Potštejn) – населённый пункт на северо-востоке Чехии.

⁵ Речь идёт о Карле Жеротине (Karel starší ze Žerotína) (1564-1636), самом известном представителе дворянского рода Жеротинов, чешском политике, писателе.

⁶ Брандис-над-Орлицы (Brandýs nad Orlicí) – город в восточной Чехии.

⁷ Вамберк (Vamberk) – город в северо-восточной Чехии.

⁸ Рихнов-над-Кнежноу (Rychnov nad Kněžnou) – город в северо-восточной Чехии.

⁹ Идея «славянской взаимности», то есть славянской общности, культурной близости славянских народов, распространённая в том числе и в среде славянофилов, влияние которых испытал К. Я. Грот.

поездку в Крконоше [1], Шумава [2], на восток до гор словацких и карпато-русских. Он был убеждён, что это прекрасно поможет взаимному сближению и познанию и позволит добиться хороших успехов на родной славянской земле [3]. Менее известны результаты изучения им других славянских земель.

Впервые он побывал в Чехии восьмилетним пареньком в 1861 году, когда его семья приехала на лечение в Теплице [4]. Тогда его семья познакомилась с Игнатием Машеком [5], который впоследствии стал хорошим приятелем и наставником молодого Константина Грота в поздней поездке в Чехию в 1882 году. В 1867 году вся семья Гротов снова была в Чехии – во Франтишкови-Лазне и Марианске-Лазне [6]. Пятнадцатилетний юноша вынес из этой поездки богатые впечатления, хотя тогда международные курортные города ещё не пробудили в нём славянских интересов и чувств. Только после краткого пребывания в Праге на обратном пути в Россию внимательный студент получил больше впечатлений от славянской Праги, многих новых знакомых отца (Вртятко, Патера, Фр. Браунер [7]) и в особенности его решение пригласить в качестве домашнего учителя для двух сыновей молодого чеха-студента – всё это пробудило большой интерес к чехам и Чехии. Молодой педагог Й. Коларж [8] рекомендовал Гротам своего талантливого ученика Й. Шебора, превосходного классического филолога, который осенью 1867 года приехал в Петроград и стал учителем обоих юношей, Константина и Николая Гротов. С тех пор Шебор остался в России, стал впоследствии университетским профессором и до конца своей жизни (умер в Праге в 1929 году) был верным и преданным другом семьи Гротов и особенно своего ученика. От своего учителя и друга молодой Грот, несомненно, много слышал поучительного и интересного о его родине, о Чехии, и о судьбе чешских земель и народа. В университете (с 1872 года) он стал слушателем лекций обоих знаменитых русских славистов – И. И. Срезневского и преемника В. И. Ламанского, которые своими лекциями пробудили новый интерес к работам великих чешских мужей – Добровского [9], Шафарика, Палацкого, чьи имена Гроту уже были известны. Грот под влиянием Ламанского посвятил себя исследованиям историческим, славянской истории, не только древней, но также и современной ему. В 1876 году он совершил с этой целью самостоятельную, как он говорил, «разведывательную», поездку в Чехию и Моравию; вместе с коллегой по университету,

¹ Крконоше (Krkonoše) – горный массив на территории Чехии.

² Шумава (Šumava) – природный комплекс в Чехии, который состоит из еловых и буковых лесов, горных лугов, ледниковых озёр, торфяных болот.

³ Имеется в виду тезис К. Я. Грота, о том, что культурный обмен между славянами для достижения больших результатов необходимо проводить не на «нейтральной территории» – то есть в других государствах, а в самих славянских странах, «у себя дома».

⁴ Тёплице (Teplice) – курортный город на северо-западе Чехии.

⁵ Игнатий Машек (Ignác Mašek) – чешский филолог, педагог.

⁶ Франтишкови-Лазне (Františkovy Lázně) и Марианске-Лазне (Mariánské Lázně) – курортные города в западной Чехии, между которыми 30-40 км.

⁷ Имеются в виду: Антонин Ярославлев Вртятко (Antonín Jaroslav Vrtátko) (1815—1892) – чешский писатель, поэт, педагог, библиотекарь; Адольф Патера (Adolf Patera) (1836-1912) – чешский филолог; Франц Август Браунер (Franz August Brauner) (1810-1903) – чешский политический деятель.

⁸ Йозеф Коларж (Josef Kolár) (1812-1896) – чешский писатель, переводчик, педагог.

⁹ Йозеф Добровский (Josef Dobrovský) (1753-1829) – чешский историк, лингвист, считается основателем славянского языкознания, «патриарх» славистики.

впоследствии знаменитым русским славистом Романом Ф. Брандтом. Эта поездка в Чехию оказала большое влияние на углубление его симпатии к чешским делам и людям и на укрепление связей, на направление его дальнейших славянских исследований. Интересны его воспоминания о посещении Праги в тот раз, она поразила его своим немецким колоритом [1], но также, вероятно, пробудила его славянский дух. Сперва он попал в круг «музейных» сотрудников, давних знакомых его отца, и в этой компании был принят с такой приязнью, что чувствовал себя, как он сердечно вспоминает, свободно и непринуждённо как дома; тогда же необычайно быстро и незаметно проникся новой атмосферой, отличной от русской жизни. Из Праги он предпринял короткую поездку до Йиндржихув-Градца [2], чтобы навестить приятеля своего отца, с которым он был знаком с 1861 года, профессора И. Машека, участника Славянского съезда в Москве в 1867 году Й. Хоуру [3], богатый архив и другие достопримечательности.

Подробно описывает Грот в своих воспоминаниях большое путешествие по Моравии, совершенное с коллегой Брандтом. Молодые русские путешественники ехали от Праги до Босковице [4] по рекомендации доктора Абсолон [5], зятя знаменитого археолога Ванкеля [6], там они познакомились с другим его зятем, педагогом, редактором журналов «Коменский» («Komenský») и «Коледа» («Koleda») Яном Гавелкой [7], имели хорошую возможность узнать край, познакомиться с местной жизнью, симпатиями образованного чешского общества к воюющим славянам на Балканах, немецким давлением и пробуждением славянского самосознания в народе. В Брно они рассказали о своей поездке В. Брандлю [8]; побывали в Райграде [9]; в Сыровице [10] по рекомендации из Брно посетили «грозного русофила» М. Халабала [11]. Далее дорога вела в Оломоуц [12], где их информатором был Йозеф Чернох [13], редактор журнала «Земляк» («Našinec»), о патриотической деятельности которого оба русских вынесли правильный вывод; отец-идеалист Вурм привёл их в Градиско [14], где они встретились с

¹ В работе: Ковыльникова Т. С. Воспоминания К. Я. Грота как источник по истории отечественного университетского образования конца XIX – начала XX вв // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2013. – №10 (88). – С.227-230. – URL: <https://jurnal.org/articles/2013/ped61.html> (дата обращения: 07.01.2025) – приводятся воспоминания К. Я. Грота об этой поездке, в них он пишет, что широкое распространение немецкого языка в Чехии вызвало у него негативную реакцию.

² Йиндржихув-Градец (Jindřichův Hradec) – город на юге Чехии.

³ Йиндржих Хоура (Jindřich Houra) (1839-1917) – чешский писатель, переводчик, политик.

⁴ Босковице (Boskovice) – город в Моравии, в 30-40 км от Брно.

⁵ Виллибальд Абсолон (Vilibald Absolon) (1843-1882) был врачом, жил в городе Босковице.

⁶ Йиндржих Ванкель (Jindřich Wankel) (1821-1897) – чешский врач, археолог, исследователь пещер.

⁷ Ян Гавелка (Jan Havelka) (1839-1886) – чешский этнограф, писатель,

⁸ Викентий Брандль (Vincenc Brandl) (1834-1901) – чешский историк, архивист.

⁹ Райград (Rajhrad) – город в Южной Моравии.

¹⁰ Сыровице (Syrovice) – деревня в Моравии, 13 км от города Брно.

¹¹ К сожалению, никакой информации об этом человеке найти не удалось.

¹² Оломоуц (Olomouc) – город в Моравии, бывший центр Моравского края.

¹³ Йозеф Чернох (Josef Černoch) (1873-18953) – чешский писатель, драматург.

¹⁴ Вероятно имеется в виду монастырь Градиско (Klášter Hradisko) недалеко от Оломоуца.

адвокатом Йосефом Фандерлихом, профессиональным музыкантом Лоштаком [1] и композитором Крижковским [2]. Далее следовал Пршеров [3], Границе [4], поездка в Валахию [5], в Рожнов [6], Угерске-Градиште [7], Велеград [8]. Грот вернулся назад в Прагу в конце августа; в этот раз с новым русским гостем, славистом П.А. Кулаковским опять навестил в городе Розтоки [9] доктора Ф. Браунера [10], который всё ещё был в компании А. Патеры, несомненно хорошего информатора о чешских делах, которого искренне радовала привязанность молодого слависта к Праге и Чехии. С тех пор началась переписка Грота с Машеком и Патерой.

Только через шесть лет (в 1882 году) Грот вернулся в Прагу, уже будучи дипломированным (в 1881 году) славянским историком, автором крупной монографии о Моравии и мадьярах. Об этом путешествии в Чехию он рассказал во второй части своих воспоминаний о юности, к сожалению, ныне нам не доступной [11].

В 1900 году Грот ушёл на пенсию, переехал из Варшавы в родной Петроград и с тех пор посвятил себя работе в другой области – унаследовал от отца огромный литературный архив, особенно важный для истории пушкинского времени, и начал публиковать по частям материалы из этой коллекции, различные работы к биографиям писателей, не возвращаясь к любимой теме славян. Из большого количества изданного материала, который опубликовал Грот в конце девяностых годов [12] на первое место можно поставить три тома переписки его отца с П. А. Плетнёвым [13] (переписка Я. К. 1896 [14]), профессором и ректором Петроградского университета, выдающейся личностью в истории русской литературы. Издал также филологические и литературные работы своего отца (пять томов [15]), подготовил вместе с

¹ Людвиг Лоштак (Ludvík Lošťák) (1862-1918) – чешский поэт, композитор.

² Павел Кржижковский (Pavel Křížkovský) (1820-1885) – чешский композитор, музыкант, педагог, католический священник.

³ Пршеров (Přerov) – город на востоке Чехии.

⁴ Границе (Hranice) – город на Востоке Чехии в районе Пршеров.

⁵ Валахия (Valašsko) или Моравская Валахия – этнографический регион в восточной Моравии на границе со Словакией.

⁶ Рожнов-под-Радгоштем (Rožnov pod Radhoštěm) – город на востоке Чехии в Моравской Валахии.

⁷ Угерске-Градиште (Uherské Hradiště) – город на востоке Чехии в Моравии.

⁸ Велеград (Velehrad) – населённый пункт в Чехии в Моравии.

⁹ Розтоки (Roztoky) – город в Чехии недалеко от Праги.

¹⁰ Франтишек Браунер (František Brauner) (1810-1880) – чешский юрист и политик.

¹¹ В. А. Францев писал данную работу в эмиграции в Чехии, а многие материалы о биографии К. Я. Грота остались в России. В данный момент материалы в переработанном виде можно встретить в некоторых исследовательских работах о К. Я. Гроте.

¹² Имеется в виду – девяностых годов XIX века.

¹³ Пётр Александрович Плетнёв (1792-1866) – русский литературный критик, поэт, журналист, друг Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837), выдающегося русского поэта.

¹⁴ Имеется в виду издание: «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым».

¹⁵ Имеется в виду издание: «Труды Я. К. Грота. Т. 1-5. 1898-1903».

профессором Т. Д. Флоринским [1] новое издание русского перевода трактата Л. Штура [2] «Славянство и миръ будущаго» (1909) и большое количество других мелких работ.

В истории русской славистики имя профессора Грота навсегда заняло почётное место, и славяне, особенно западные, будут всегда ему благодарны за всё, что он сделал в русской науке для познания славянского мира, его обширных исторических проблем, некоторых небольших вопросов и разных моментов его культурной жизни.

¹ Тимофей Дмитриевич Флоринский (1854-1919) – русский филолог-славист, историк, византинист.

² Людовит Штур (Ludevít Štúr) (1815-1856) – словацкий филолог, поэт, историк.

Библиографический список

1. Китлова Е. А. История Общего архива Министерства Императорского Двора: 1869-1918 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 05.25.02 / Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). – М., 2005. 24 с.
2. 2. Ковыльникова Т. С. Воспоминания К.Я. Грота как источник по истории отечественного университетского образования конца XIX – начала XX вв // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2013. – №10 (88). – С.227-230. – URL: <https://jurnal.org/articles/2013/ped61.html> (дата обращения: 07.01.2025).
3. 3. Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Издательство «Индрик», 2005. 847 с.
4. 4. Лаптева Л. П. В. А. Францев как историк славянства // Славянская историография. Сборник статей / Под ред. И. М. Белявской, И. А. Воронкова, В. Г. Карасева. М.: Издательство Московского университета, 1966. С. 204-246.
5. 5. Наумов О. Н. Леонид Михайлович Савёлов – архивист // Отечественные архивы. – 2005. – № 3. – С. 3-126. Савёлов Л. М. Воспоминания. М.: «Старая Басманная», 2015. 485 с.
6. 7. Суляк С. Г. К. Я. Грот и Карпато-Дунайские земли // Русин. – 2022. – № 67. – С. 131-173.
7. 8. Фёдоров Е. К. Константин Яковлевич Грот и родоведение. К 150-летию юбилею. URL: <http://www.ostrov.ca/kgrot/index.htm> (дата обращения: 31.01.2025).
8. 9. Фёдоров Е. К. К. Я. Грот Curriculum Vitae. URL: <https://www.ostrov.ca/kgrot/cv.htm> (дата обращения: 31.01.2025).

Сведения об авторе:

Юрьев Кирилл Алексеевич – аспирант кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения Воронежского государственного университета, e-mail: kirill.yuriev2012@yandex.ru

О КНИГАХ

УДК 94(73)"1800/2015"

В. В. Прилутский

МОРМОНЫ И ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ПОНИМАНИИ А.Г. ДУГИНА В КНИГЕ «ЦИВИЛИЗАЦИИ НОВОГО СВЕТА. ПРАГМАТИКА ГРЕЗ И РАЗЛОЖЕНИЕ ГОРИЗОНТОВ»

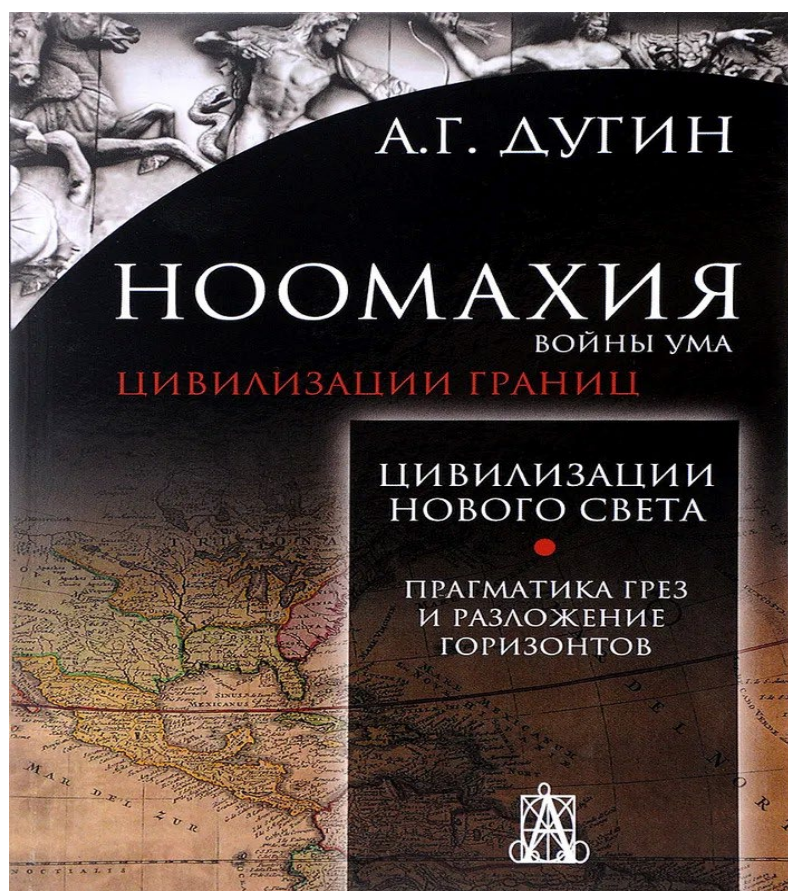
Аннотация: В статье рассмотрены представления А.Г. Дугина об особенностях религиозности американцев и о мормонах – наиболее характерной для США религиозной группы, исповедующих «самую американскую религию», содержащиеся в его книге. Дугин указывает на протестантскую основу американского социума. Большинство населения США традиционно придерживаются различных направлений протестантизма, что влияет на формирование этических норм и общественных институтов. Конституция США гарантирует свободу религии, что способствует существованию множества конфессий и деноминаций, включая такие экзотические группы, как мормоны. По мнению исследователя, справедливо говорить о двойственности Америки. Особенно ярко она проявилось в борьбе консерваторов и либералов в последнее десятилетие американской истории, а также в «идеологической революции Трампа» (которая, вероятно, едва начавшись, потерпела неудачу, о чем свидетельствуют события 2025 г.). В религиозной жизни США также сталкиваются два вектора: либеральный и консервативный.

Ключевые слова: история религиозных движений в США, Второе Великое пробуждение в Америке (1790-1840 гг.), религия и религиозность в США, мормоны (Церковь Иисуса Христа Святых последних дней), А.Г. Дугин

Prilutsky V.V. Mormons and the peculiarities of American religiosity in the understanding of A.G. Dugin in the book «Civilizations of the New World. The Pragmatics of Dreams and the Decomposition of Horizons»

Abstract: The article examines A.G. Dugin's ideas about the peculiarities of American religiosity and about Mormons, the most typical religious group in the United States, professing "the most American religion", contained in his book. Dugin points to the Protestant basis of American society. The majority of the U.S. population traditionally adheres to various directions of Protestantism, which influences the formation of ethical norms and social institutions. The U.S. Constitution guarantees freedom of religion, which contributes to the existence of many confessions and denominations, including exotic groups such as Mormons. According to the researcher, it is fair to talk about the duality of America. It was especially clearly manifested in the struggle between conservatives and liberals in the last decade of American history, as well as in the "ideological revolution of Trump" (which, probably, having barely begun, failed, as evidenced by the events of 2025). Two vectors also collide in the religious life of the United States: liberal and conservative.

Keywords: the history of religious movements in the USA, the Second Great Awakening in America (1790-1840), religion and religiosity in the USA, Mormons (the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints), A.G. Dugin

В книге «Мистерии Евразии» (М., 1996) и других ранних работах известного российского философа, политолога, социолога Александра Гельевича Дугина (род. 1962) содержались крайне негативные характеристики Америки. Так, в очерке «Зеленая страна Америка» он писал: «Роль США, последней оставшейся в мире сверхдержавы, сегодня является центральной в глобальной геополитике. Начиная с конца XIX в. периферийный, маргинальный континент, представлявший ранее лишь провинцию Европы, вторичную и как бы дополнительную по отношению к Старому Свету, становится все более и более самостоятельной политической и культурной величиной, а после Второй мировой войны США выступают как парадигматическая универсальная модель и для самих стран Европы и даже Азии. Значение Америки неуклонно растет и совокупность идейного, культурного, психологического и даже философского комплекса, связанного с Америкой, выходит за рамки чисто экономического или военного влияния» [2].

«...«Америка» - «Мо-Уру» имеет прямое отношение к мифу об Атлантиде, палеоконтиненте, о котором говорили Солон, Платон, а вслед за ними и многие другие. Атлантида – это западный сакральный континент, где процветала духовная цивилизация, но который погиб в результате великого катаклизма и наводнения. ...Континент Америка, судя по всему, являлся не самым западным континентом сакральной географии (Атлантидой), а его «продолжением» на Запад. Иными словами, Америка была «За-Атлантидой», землей, расположенной «по ту сторону Запада». Возможно, это сакрально символическое местонахождение Америки объясняет и тревожную таинственность, с ней связанную, в контексте сакральной географии

традиционных цивилизаций Евразии. Согласно этой сакральной географии, на Западе расположена «зеленая страна», «страна мертвых», некий полуматериальный мир, напоминающий Хадес (обиталище мертвых в древнегреческой религии) или Шеол (место пребывания мертвых в иудаизме). Это – страна сумерек и заката, откуда нет выхода для простых смертных, и куда может ступить только посвященный. Считается, что и название Гренландии (дословно «зеленая страна») относится к тому же символическому комплексу. «Зеленая страна» – это не Атлантида (и даже не Мо-Уру). Это нечто находящееся от нее еще дальше к западу, «мир смерти», «царство теней». И этот потусторонний аспект американского континента удивительным образом обнаруживается в такой, на первый взгляд, банальной вещи, как долларовый знак. Рене Генон заметил однажды, что символ на американских банкнотах – это графическое упрощение сакральной печати, встречающейся на древних монетах средиземноморского ареала».

«В первоисточнике две вертикальные черты были изображениями двух «столпов Геркулеса», стоящих, согласно преданию, на крайнем Западе за Гибралтарским проливом. Петля же на этом знаке ранее являлась девизом с символической надписью «*ne plus ultra*», то есть дословно «дальше некуда». Оба этих символа обозначали границу, западный предел человеческой сакральной географии, за которым расположены уже «нечеловеческие миры». И этот «пограничный» символ, указующий на то, что западнее Гибралтара двигаться нельзя, парадоксальным образом стал финансовой эмблемой Америки, страны, лежащей «за границей», именно там, «куда нельзя», там, куда надпись на прототипе доллара категорически запрещает отправляться. И в этом проявляется «потустороннее» символическое качество Америки, обнаруживающей теневые, запретные сакрально-географические аспекты человеческой цивилизации. В такой перспективе новое открытие Колумбом Американского континента несет в себе довольно зловещий смысл, т.к. оно означает появление на горизонте истории «затонувшей Атлантиды», и даже не самой Атлантиды, а ее «тени», ее негативного продолжения на символический Запад, в «мир мертвых». И довольно характерно в этом смысле временное совпадение этого «нового открытия» с началом резкого упадка европейской (да и общеевразийской) цивилизации, стремительно начавшей терять свои духовные, религиозные, качественные и сакральные принципы как раз в этот период».

«На культурно-философском уровне именно Америка становится отныне местом идеальной проекции чисто профанических, атеистических или полубатеистических утопий. И модели общества, основанного на сугубо человеческом рацио, начиная с Т. Мора все чаще и чаще переносятся на этот континент. Здесь снова на выбор тех или иных географических пространств влияет не только неизведанность этих земель, предназначенных для реализации Утопии, но архетипы «страны мертвых», «где царит вечный покой и порядок», образы «зеленой страны» Запада». «Можно уподобить исторический цикл Америки поднимающейся из глубины вод «Новой Атлантиде», но не подлинной и воскресшей, а химерической, поддельной, призрачной, лишь по видимости выдающей себя за возвращение «золотого века», а на деле источающей тлетворный запах континента-могилы».

«Тревожная и зловещая страна по ту сторону океана. Без истории, без предания, без корней. Искусственная, агрессивная, навязчивая реальность, начисто лишенная духа, сосредоточенная лишь на материальном мире и технической эффективности, холодная, безразличная, сияющая неоновым светом, бессмысленной роскошью; оттененная патологической нищетой, генетическим вырождением, разрывом всех и всяческих связей между людьми, вещами, природой и культурой. Результат чистого эксперимента европейских рационалистических утопий. Она утверждает сегодня свое планетарное господство, триумф своего образа жизни, своей цивилизационной модели надо всеми народами земли. Над нами. В себе и только в себе

видит она «прогресс» и «нормы цивилизованности», отказывая всем остальным в праве на собственный путь, на собственную культуру, на собственную систему ценностей. Как удивительно точно напоминает все это пророчества о приходе в мир антихриста... Царя мертвой «зеленой страны», восставшей из пучины древнего преступления... Закрыть Америку – наш религиозный долг» [2]. Но в дальнейшем для Дугина были характерны более взвешенные, объективные оценки Америки.

В 2014-2020 гг. в издательстве «Академический проект» были опубликованы 25 томов серии (цивилизационного цикла) А.Г. Дугина «Ноомахия: войны ума». Книги данного цикла посвящены исследованию множественности цивилизаций на Земле и формирующих основы, определяющих их структур Логосов – философских и мифосимволических парадигм. Серия «Ноомахия» ориентирована на читателей широкого спектра интеллектуального сообщества – специалистов в области истории, философии, религиоведения, культурологии, истории цивилизаций, политологии, социологии, антропологии, международных отношений.

Значительная по объему в данной серии книга (558 стр.) А.Г. Дугина «Ноомахия: войны ума. Цивилизации границ. Цивилизации Нового Света. Прагматика грез и разложение горизонтов» посвящена осмыслению роли Американского континента в мировой истории. Дугин полагает, что Американская цивилизация в целом относится к категории пограничных, находясь в тесной связи с Европой, но в то же время обладая самостоятельностью и конкурируя с европейскими государствами. Известно, что немецкий философ-экзистенциалист Мартин Хайдеггер (1889-1976) описывал Америку как континент, на котором царит «бесконечно раскрепощенная техника и беспочвенная агломерация человеческих масс». Он рассматривал США как чистый эксперимент англосаксонского либерализма, который представляет собой угрозу для Европы (Европейского Логоса). В исторической и философской литературе в отношении Америки также иногда используется понятие «Новая Атлантида» [6]. Это отсылка к известной неоконченной утопической повести английского философа и политика Фрэнсиса Бэкона (1561-1626), написанной около 1623 г. и опубликованной в 1627 г. В ней описывается высокоразвитое и почти идеальное вымышленное государство Бенсалем, расположенное на острове в Тихом океане. «Новая Атлантида» – это первое в истории произведение в жанре научной фантастики и первая социально-технократическая утопия [1]. Дугин выделяет на двух американских континентах две Америки: Северную, центром которой являются США, и Южную, отличающуюся своей уникальностью. Тем не менее, обе Америки имеют колониальные корни и представляют собой трансформированные версии европейских культур с добавлением самобытных черт местных сообществ.

Книга А.Г. Дугина состоит из двух частей. Вторая часть труда не представляет для нас интереса, поскольку относится к Южной и Центральной Америке, а также к странам Карибского бассейна, известных как «Иберо-Америка» или «тропический Рим» (этот раздел книги носит название «Логос Ариэля. Горизонты Латинской Америки»). В первой части работы («Североамериканская цивилизация. Новая Атлантида») проанализированы особенности социокультурного пространства – особого мира, цивилизации, сформировавшейся на территории США и Канады. Глава пятая в ней «Эсхатологические перспективы американских сект» посвящена осмыслению религиозности американцев, краткой характеристике главных религиозных идеологий и религиозных движений в истории США, в частности, церкви мормонов [4, с. 101]. В книге Дугин утверждает, что «радикальный протестантизм составляет важнейшую интеллектуальную ось североамериканского Логоса, являясь основой общего мессианского настроя всей американской цивилизации, который, отталкиваясь от протестантской эсхатологии, выражается в более секулярных – культурных, геополитических, политических – тезисах, восходящих, однако, именно к религиозной основе».

Дугин обратил внимание, что для североамериканской идентичности характерна двойственность, с которой мы постоянно встречаемся в разных аспектах цивилизации США: либерализм и одновременно консерватизм (фундаментализм) [5, с. 41–50, 84–113]. В ноябре 2020 г. он писал: «Президентство Трампа политически раскололо Америку, и теперь выбор между демократами и республиканцами имеет совершенно иной характер, чем это было раньше. Теперь он приобрел четкий геополитический вектор. В красный цвет, традиционный цвет республиканцев, «партии слона», окрашены центральные штаты США, американский Хартленд. А в синий цвет демократов, «партии осла», окрашены атлантическая и тихоокеанская береговые зоны, где сосредоточены как раз высокие технологии, финансовые центры. То есть мы видим, как сражаются между собой две Америки. Одна Америка – консервативная, «старая», Америка как национальное государство, которая не связывает свою судьбу с мировым господством и распространением «демократии» по всему миру. И вторая Америка, которая как раз связана с мировым глобализмом, претендует на роль его центра и ядра. Трамп представляет первую Америку, Байден – вторую. И их жесточайшее противостояние является принципиально новым моментом в политической жизни США».

«Трамп, несмотря на все усилия оппонентов опорочить его, оказался крепким орешком и сильным лидером, который выражает интересы половины американского общества, которая его пусть молчаливо – поскольку слабо представлена в элитах, имеющих право голоса в СМИ, – но очень твердо поддерживает. В результате американское общество расколото... Как-то улаживать этот раскол, на мой взгляд, сейчас не представляется возможным. Потому что это два мировоззрения, две территории, два уже несовместимых образа будущего и для США, и для всего мира. Сейчас, на мой взгляд, красный республиканский Хартленд был недостаточно мобилизован, но после нескольких лет правления демократов все изменится. Потому что нынешние президентские выборы, предельно фальсифицированные – это провал, это смерть американской политической системы, это failed democracy, то есть «несостоявшаяся демократия». Мне кажется, что глобалисты отказываются от Америки, приносят Америку в жертву, чтобы распределить ее функции между мировыми элитами. Иначе они бы, наверное, не стали специально разжигать этот конфликт, разделяя США на две враждующие между собой части. А для новой гражданской войны там уже все предпосылки есть. И она, конечно, рано или поздно начнется» [3].

Данная амбивалентность, этот дуализм дает о себе знать и в сфере религии. В целом в США преобладает протестантизм, представленный широким многообразием религиозных групп, сект и деноминаций. Остальные конфессии миноритарны. Но и само поле американского протестантизма может быть представлено как пространство с двумя противоположными полюсами, к которым тяготеют все остальные течения. Эти два полюса – фундаментализм и либерализм. Фундаменталистский полюс (иногда называемый «евангелическим») ставит акцент на строгом следовании протестантским нормативам – включая обряды, догматы (если они есть), мораль, правила поведения и т.д. Либеральный (или либертарианский) полюс, напротив, тяготеет к вольному толкованию религиозных текстов, сокращению обрядовой стороны, расширению этических установок в духе светской морали, что к концу XX – началу XXI вв. включает в себя признание легитимности однополых браков, аборт, покаяние в исторических эксцессах христианства и «белой цивилизации» [4, с. 114].

Эти два полюса определяют два типа североамериканского протестантизма: консервативный и прогрессистский, что может проявляться как внутри одной и той же секты, так и предопределять приоритетные тенденции в отдельных самостоятельных деноминациях. Консервативными являются в большинстве своем те течения, которые объединены под общим названием «евангельские христиане» (Evangelicals). К ним относятся пятидесятники,

баптисты, адвентисты, меннониты, перфекционисты, а также наиболее консервативные круги других конфессий – англикан, лютеран, методистов и т.д. Самыми последовательными среди консерваторов можно считать близкую к меннонитам секту амишей, члены которой настаивают на строгом соблюдении всех евангельских правил и заповедей, отказываются идти на какой бы то ни было компромисс со светским обществом и Модерном в целом, продолжают носить одежду XVIII в., передвигаются на повозках, имеют огромные семьи, занимаются сельским хозяйством, строго воспроизводя образ жизни своих предков. Так как члены общины амишей заключают браки только между своими членами, то они за несколько столетий образовали уникальный этнос, сохраняющий в условиях США чисто германскую идентичность (предки амишей были немецкими протестантами). При том, что амиши очень точно воспроизводят дух и стиль первых переселенцев, все же они больше характерны для культурного кода раннего европейского протестантизма, нежели для собственно североамериканской идентичности, хотя сам факт их существования очень важен для корректной дешифровки американского историала.

Фундаменталистами, по мнению Дугина, являются большинство пятидесятников, течения, созданного в процессе протестантского возрождения (revival) и, в частности, в «поисках священного» (holiness) в XIX – XX вв. «Основатель пятидесятничества Чарльз Пархэм (1873–1929) стремился восстановить дар «глоссолалии», «говорения на языках», и сопутствующие ему экстатические состояния, которые были известны ранней христианской церкви под воздействием сошествия Святого Духа. Это, как считают пятидесятники, ему удалось 1 января 1900 г., после чего члены нового религиозного движения стали практиковать «крещение Святым Духом», в ходе которого они получили (как им кажется) дар говорения на языках. В движении пятидесятников распространены эсхатологические настроения, т.к. само «восстановление давно утраченного дара» для членов этого течения означает явный знак близкого конца света. В США в настоящее время около 20 млн. пятидесятников [4, с. 115]».

Консерваторами (в религиозном контексте США) являются чаще всего баптисты, вышедшие из среды английских пуритан. Еще на первой фазе европейской Реформации возникло течение анабаптизма, отвергающее крещение в младенчестве и призывающие крестить людей только в сознательном возрасте. Баптисты сделали из этого принципа свой основной догмат. Они отрицают клир, считая всех членов церкви «священниками». Американские баптисты настаивают на демократической организации общин, и поэтому их структуры не имеют иерархии. Отсюда широкий разброс мнений по догматическим вопросам. Баптисты являются крупнейшей религиозной конфессией в США. Но наряду с консервативным полюсом среди баптистских течений есть и значительное число либералов.

Интеллектуальное ядро всех евангельских христиан, и особенно наиболее последовательных и сознательных консерваторов, в той или иной мере разделяют диспенсационалистские представления, которые являются для протестантов-консерваторов своего рода общим знаменателем. Сам по себе диспенсационализм не является конфессией или деноминацией (это идеология). Хотя он сложился в среде конгрегационалистов, отвергающих какую бы то ни было централизованную религиозную организацию, он обращен к протестантам в целом, которые и считаются американским субъектом истории, «заново рожденными», born again. Поэтому объяснение мировых событий XX в. в оптике седьмой – эсхатологической – диспенсации, включая последнюю битву с Гогом (с русскими или мусульманами), а также такие темы, как «эпоха возмущений» (tribulation), тысячелетнее царство (millenium) и финальное восхищение (rapture) широко распространены во всех течениях протестантизма. Но прежде всего такая интенсивная форма осмысления протестантской идентичности и мобилизованность на ее защиту свойственна наиболее последовательным религиозным кругам, своего рода

«хранителям» этого – консервативного, фундаменталистского – полюса американской цивилизации.

Члены англиканской и близкой к ней методистской церковью, а также лютеране и пресвитерианцы представляют собой наиболее «европейские» конфессии, и, следовательно, они ангажированы в глубинную североамериканскую идентичность в меньшей степени, нежели евангелические христиане. Здесь, по мнению Дугина, сам фундаментализм не имеет большого распространения и, напротив, в полной мере дает о себе знать прогрессизм, идеология прав человека, светская мораль, индивидуализм и, по сути, полноценное материалистически-атеистическое мировоззрение Модерна, лишь поверхностно завуалированное размытой религиозностью – больше, как дань культурной традиции, нежели как внутреннее убеждение или идеология. Обычным протестантам либерального толка вопросы религии, догматики и ритуалов, как правило, вообще безразличны, а наиболее активные из них проявляют себя в социальном служении гуманитарного толка. Именно среди либералов преобладает практика превращения богослужений в концерты, а церковных праздников – в увеселительные мероприятия, иногда с элементами благотворительности или социальной взаимопомощи. Никакой морали, отдельной от преобладающей морали современного либерального американского общества, такие христиане-прогрессисты не исповедуют, как правило, приветствуя однополые браки, аборт, планирование семьи и т.д. [4, с. 116].

К этому течению относятся некоторые более основательные секты – такие, как квакеры, а также существенная часть баптистов. В этом случае терпимость к секулярному образу жизни и «прогрессивным» ценностям обосновывается пацифизмом и толерантностью, призывы к которым присутствуют в самой основе этих более «спиритуальных» сект. В некоторых случаях – например, у унитаристов или универсалистов – от христианского учения вообще ничего не остается, т.к. отрицается и сам догмат о божественности Христа и Святой Троицы, а религия превращается в нечто неопределенное и полностью произвольное, сливаясь с постмодернистской культурой вплоть до неразличимости. В конечном счете, либеральный полюс американского протестантизма вообще растворяется в идеологии либерализма, с его радикальным индивидуализмом, практицизмом и ориентацией на реалии материального мира [4, с. 117].

В свою книгу Дугин включил небольшой, но содержащий важные сведения очерк о «святых последних дней» под названием «Мормоны: нефийский этнос и духовная эволюция». Он отмечал, что «более узким, но весьма показательным для американской цивилизации религиозным течением, нежели диспенсационализм, является секта мормонов, или «Движение Святых последних дней», сочетающая в себе элементы протестантизма и совершенно оригинальных идей. Мормоны были особенно многочисленны в штатах Юта и Миссури, но присутствовали и в других областях США. Штат Юта был основан мормонами (называющими сами себя «Церковью Иисуса Христа Святых последних дней») с момента их прихода на эти территории в 1847 г.» [4, с. 110]. «В 1849 г., после того как эта земля отошла к США, они создали там особое государство теократического типа Дезерет, чьи территории простирались от Орегона до Сьерра-Невады». «Согласно мормонам, слово «deseret» на древнем языке потомков Иареда, мифических первых поселенцев, означало «пчела»». «Мормонский штат официально подал прошение о присоединении к США. Первым губернатором сокращенной версии гигантского государства Дезерет – штата Юта – стал предводитель мормонов Бригам Янг (1801-1877)».

Мормоны почитают в качестве Священного Писания наряду с Библией «Книгу Мормона», которая была получена чудесным образом от ангела (по имени Мороний) основателем секты Джозефом Смитом-младшим (1805-1844). По его словам, она являлась переводом древних летописей населения доколумбовой Америки, представителями нефийцев, открытых ему

чудесным образом и столь же чудесным образом расшифрованных. «Книга Мормона» была впервые опубликована в 1830 г. Следует знать, что сходные по стилю и содержанию писания были обнаружены позднее в литературном наследии некоего Соломона Сполдинга (1761-1816), считавшего, как и мормоны, американских индейцев потомками «десяти колен Израилевых».

«Мормоны верят, что нефийцы – древний народ, который жил на Американском континенте и названный так по имени пророка Нефи, сына пророка Лехи. Согласно мормонам, Лехи со своим родом покинул Иерусалим примерно в 600 г. до Р. Х. (незадолго до его завоевания Нововавилонским царством) и был отведен Богом через Аравийский полуостров в Америку, куда он прибыл в 589 г. до Р. Х. Америка описана в «Книге Мормона» как страна обетованная, куда избранные переместились для того, чтобы сохранить там «избранный народ». Здесь мы снова видим идею возведения генеалогии американцев к древним евреям, на сей раз в совершенно фантастическом изложении».

«Мормоны учат, что первые пришельцы в Америку из Израиля разделились на две противоборствующие группы – нефийцы, руководимые Нефием, были в большей части праведниками и поклонялись Богу, ламанийцы же, которые последовали за старшими братьями Нефия, Ламаном и Лемуилом, противостояли нефийцам почти на протяжении всей истории. Еще одним народом семитского происхождения, переселившимся в Америку, были потомки Иареда, жившего в эпоху строительства Вавилонской башни в Междуречье» [4, с. 111].

«Мормоны отождествляют культуру потомков Иареда с культурой народа ольмекков, построившего в Центральной Америке самобытную цивилизацию. Около 34 г. после Р. Х., после смерти Христа, нефийцев посетил пришедший в Америку «воскресший Христос» и повелел организовать Его Церковь. На протяжении более чем 200 лет все были обращены к Евангелию. После этого, около 200 г. после Р. Х., группа людей отделилась и снова назвала себя ламанийцами, как ранее называли себя противники Бога и нефийцев. Греховность начала проникать в общество, и приблизительно к 421 г. после Р. Х. ламанийцы полностью уничтожили нефийский народ. В «Книге Мормона» описаны и более древние отношения между Богом и доколумбовыми цивилизациями Америки в период примерно с 2 600 г. до н. э. по 420 г. н. э.»

Дугин справедливо отмечает, что «мормоны штата Юта были последователями одного из предводителей секты Бригама Янга, который вывел их на колонизацию новых земель и стал теократическим правителем этого штата, по сути, созданного и заселенного мормонами. Основатель религиозной группы Джозеф Смит-младший считал, что ему поручена миссия построить город Сион, и это поручение он понимал буквально. Бригам Янг, возглавивший движение мормонов на Западе, называл Сионом анклавы мормонских деревень, раскинувшихся в штате Юта. В XX в. мормоны, отказавшиеся от многих буквалистских трактовок основателей своей общины, и, в частности, от практиковавшегося ранними мормонами многоженства, рабства и расизма, стали понимать под Сионом образ идеального благочестивого общества» [4, с. 112]. Справедливо считать, что мормонизм – это в значительной степени квинтэссенция американской религиозности и одновременно – уникальный продукт Нового Света. Мормоны воплощают в себе дух пионеров (первопроходцев), конструирующих новую реальность на основе собственных мифов. Мормонизм – это отражение американской прагматики и стремления к созданию идеального общества, основанного на рациональных принципах и индивидуальном успехе.

«Мормоны разделяли христианские воззрения, но дополняли их идеями Джозефа Смита-младшего. Так, они полагали, что Бог не является строго самотождественным и вечным, но проходит эволюцию, то есть пребывает в становлении. По учению мормонов, первым богом был Адам. У Бога, учат мормоны, много детей, которые также проходят эволюцию,

становясь, в свою очередь, богами, а при этом главный Бог становится еще чем-то большим, чем Он Сам. Избранным Сыном Божиим был Христос, которому Бог указал, как достичь становления через воплощение в человека. Христос воскрес и вознесся, показав остальным детям Бога путь к духовной эволюции. Поэтому все люди, которые рождаются на земле, призваны развиваться, чтобы после смерти стать богами. Но для этого они должны принять мормонскую веру и ее правила: строгое соблюдение чистоты (полигамного) брака, отказ от употребления алкоголя, наркотиков и от других грехов. Сегодня в мире насчитывается около 13 млн. мормонов» (по последним данным за 2024 г. в разных странах мира было около 18 млн. «святых», принадлежавших к разным ветвям данного религиозного движения). «Их религиозный центр по-прежнему располагается в штате Юта – в его столице Солт-Лэйк-Сити».

Дугин пишет: «В случае мормонов следует обратить внимание на следующие особенности их доктрины, резонирующие с общим кодом американской цивилизации:

- обостренное мессианство, частью которого является построение «города святых», Сиона или Нового Иерусалима в Новом Свете (у мормонов эта черта выражена еще контрастнее, нежели у других американских христианских сект);

- учение о связи американцев (как индейцев, так и мифической расы нефийцев) с народом древнего Израиля (что является прямым аналогом американского и британского израилизма);

- полностью вымышленная, но важная для последовательности генеалогического мифа связь с доколумбовыми цивилизациями Америки, образующая структуру эсхатологического историала (мормонскую версию диспенсационализма);

- пуританский морализм, утверждающий святость мормонской общины;

- идея постоянной эволюции, становления и развития как основная логическая структура исторического процесса, что точно соответствует общеамериканскому оптимизму;

- расизм, запрещающий неграм (как «семени Каинову») принимать участие в религиозных обрядах» [4, с. 113]. Здесь необходимо отметить, что запрет на рукоположение в священники афроамериканцев и африканцев был снят в 1978 г., что создало предпосылки для начала масштабной миссионерской работы в Бразилии, Западной и Южной Африке и на Карибских островах. Откровение от Бога, известное как Официальное заявление 2, вошло в состав мормонского Священного Писания – книги «Учение и заветы». Откровение пришло к Президенту Церкви Спенсеру В. Кимбаллу (1895-1985) и было подтверждено остальным церковным руководством 1 июня 1978 г. в храме в Солт-Лейк-Сити. Откровение сняло все ограничения, связанные с расовой принадлежностью, которые прежде действовали применительно к священству [7]. В наши дни в Церкви Иисуса Христа Святых последних дней в разных странах мира насчитывается от 0,5 до 1 млн. чернокожих прихожан.

Дугин делает следующие выводы: «Хотя мормоны являются в США в целом маргинальным явлением, культурный код США в его религиозном измерении они выражают довольно наглядно. По численности они до сих пор составляют собой большинство в штате Юта и других штатах. Современные мормоны во многом сгладили свои догматы под давлением норм «политкорректности», отказавшись от полигамии, апартеида и т.д., но основа их экстравагантного учения остается той же» [4, с. 113].

Таким образом, книга Дугина является важным вкладом в изучение культурного многообразия Америки, особенно в контексте ее религиозной составляющей. Она позволяет глубже понять механизмы формирования культурной и национальной идентичности и роль религиозных организаций в современном обществе. В основе американского социума находится протестантизм, его особая англо-американская разновидность, сформировавшаяся в Северной Америке в новое время – в период Первого и Второго Великих пробуждений (1730-е–

1840-е гг.). Отсутствие глубоких корней и в некотором роде «искусственность» отличают Североамериканскую цивилизацию, которая, тем не менее, представляет собой самостоятельную цивилизационную модель, альтернативную европейской. Для нее характерны империализм и экспансионизм. Американская религиозность является одним из факторов формирования уникальной цивилизационной идентичности и инструментов глобального влияния. Несмотря на отделение церкви от государства, многие политические деятели открыто заявляют о своей вере и используют религиозные аргументы в политической риторике. В этом находит свое проявление американский мессианизм, вера в исключительность и в особую миссию США в мире. Миссионерская деятельность религиозных общин США является одним из инструментов распространения американской культуры и ценностей по всему миру.

Дугин предлагает свое прочтение феномена мормонизма, вписывая его в более широкую картину особенностей американской религиозности. Автор рассматривает Церковь Иисуса Христа Святых последних дней не просто как одно из религиозных движений, а как проявление цивилизационного кода США, отражающего глубинные особенности мировоззрения североамериканцев. Мормоны являются носителями особого «американского мессианства», верящих в свою исключительность и предназначенность для построения «Нового Иерусалима» на американской земле. Для мормонов характерны эсхатологические ожидания, вера в скорое наступление Царства Божьего на Земле и особую роль Америки в этом процессе. Они верят в возможность восстановления истинного учения Христа и в особую миссию Америки как страны, избранной Богом. Идея создания «Нового Иерусалима» является символом стремления к построению идеального, замкнутого общества, отделенного от «греховного» мира. Но при этом мормонизм, в отличие от многих традиционных религий, характеризуется сильным прагматическим началом. Мормонская община исторически технологичная, адаптивная и ориентированная на социальный успех. Вера «святых последних дней» тесно связана с активной деятельностью, со «строительством» нового общества, с организацией и управлением. Это является еще одним проявлением американской «прагматики грез», где идеи воплощаются в конкретные, материальные формы. Ключевой парадокс в истории движения «святых последних дней»: сочетание консервативных ценностей с успешной организационной структурой и изначально радикальной, революционной для своего времени доктриной. Мормонизм представляет собой уникальный синтез религиозного фундаментализма, консерватизма и прагматичного утилитаризма, в целом характерный для североамериканской цивилизации. Общественная жизнь мормонов организована вокруг общин, называемых приходами, каждая из которых имеет своего лидера – епископа. Важность семьи и семейных ценностей подчеркивается в мормонском учении. Мормоны активно занимаются миссионерской деятельностью, стремятся распространять свою веру среди разных народов мира.

Мормоны создали религию, идеально соответствующую американскому менталитету – динамичную, прагматичную, ориентированную на успех в этом мире. Мормонское сообщество прошло эволюцию от изоляционистской теократии в Юте до общины, представители которой успешно интегрированы не только в американский социум, но даже в истеблишмент. Основными вехами на этом пути являлись: деятельность харизматичного «американского пророка» Джозефа Смита (1827-1844 гг.), начало миграции мормонов из восточных штатов на Запад (первоначально на современный Средний Запад) (1831 г.), конфликт с федеральным правительством (1857-1858 гг.), отказ от полигамии (1890 г.), получение Ютой статуса штата и окончательное включение мормонской общины в американское общество (1896 г.). В наши дни мормоны получили заметное политическое влияние в стране. Некоторые известные политики США являются членами Мормонской церкви, включая 70-го губернатора Массачусетса (2003-2007 гг.) и сенатора США от штата Юта (2019-2025 гг.) Митта Ромни (род. 1947),

кандидата в президенты США от Республиканской партии в 2012 г. М. Ромни – действующий епископ, президент кола (местной организации) Церкви Иисуса Христа Святых последних дней.

Библиографический список

1. Бэкон Ф. Новая Атлантида // Классическая утопия. Мор Т., Кампанелла Т., Бэкон Ф., де Бержерак С. М.: АСТ, 2019. С. 225-274.
2. Дугин А.Г. Зеленая страна Америка (1996). URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/dugin-aleksandr/misterii-evrazii/6?ysclid=mdlx4jf5q6423693650> (дата обращения: 31.08.2025).
3. Дугин А.Г. Конец Америки состоится у нас на глазах (24.11.2020). URL: <https://izborsk-club.ru/20238?ysclid=mdk8va42xj940765223> (дата обращения: 21.08.2025).
4. Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Цивилизации границ. Цивилизации Нового Света. Прагматика грез и разложение горизонтов. М.: Академический проект, 2017. – 558 с.
5. Дугин А.Г. Революция Дональда Трампа. Порядок Великих Держав. М.: Академический проект, 2025. – 307 с.
6. Спикмэн Н., Шмитт К. «Новая Атлантида». Геополитика Запада на суше и на море. М.: Родина. – 224 с.
7. Учение и Заветы. Официальное заявление 2. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/scriptures/dc-testament/od/2?lang=rus> (дата обращения: 25.08.2025).

Сведения об авторе:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), e-mail: bgu.fiimo.kafedra29@yandex.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru

Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru